

Леонид Дядюченко

СЕЛЬ

Документальная повесть

В четверг, 1 июня 1977 года дежурным по Кызыл-Кийской профессиональной пожарной части, а короче — «пэ-пэ-че», заступил начальник четвертого караула Мисил-Оглы Али. На дежурство помимо начальника вышли еще шесть человек — шоферы Василий Савченко и Махмуд Акбаров, пожарные бойцы Нусур Матранов, Маки Эгемкулов и Джумабай Ниязалиев, а также диспетчер Кимсанхан Аминова. Окно в диспетчерской было распахнуто настежь, но все же дышать в тот день было совершенно нечем, и Кимсанхан невольно завидовала караулу, который мог позволить себе такую роскошь — укрыться от духоты в беседке, под жухлым пологом пыльных виноградных листьев. Кто играл в шахматы, кто болел за играющих, кто лениво листал старый, истрепанный номер «Огонька», и лишь Мисил-Оглы Али упрямо стоял посреди белого, раскаленного от зноя двора и, нагнув на лоб козырек выгоревшей форменной фуражки, смотрел в небо.

Таких туч он еще не видел. Громядная, темная, прямо-таки чернильного цвета, она давно уже занимала его внимание, вызывая недоброе предчувствие и тревогу. Громядзясь, расплазаясь все выше и шире, все более наливаясь грозным лиловатым мраком, она неспешно продвигалась с запада на восток, наваливаясь на город, на палеюую, светло-бурую рябь адыров и гряды Чал-Таш, на угадывающуюся за синиз Чал-Ташской грядой вогнутую чашу обширной Тахтеской долины и дальше к югу — на вздымающиеся над этой чашей отвесные сбросы могучего кряжа Чимкай-Тоо. Там, над скальными кручами горы Гаузан, уходящей своей вершиной на трехкилометровую высоту, предгрозовая тьма сгустилась до того, что разглядеть, где небо, где скалы, было уже нельзя. Лишь кое-где редкий пунктир оставшихся с зимы снежных карнизов отблывал от тучи гребень хребта — все прочее сливалось. Он, Мисил-Оглы Али, не хотел бы в эти минуты оказаться на склонах или под склонами горы Гаузан. И тут он подумал о Чаувае. Ведь Чаувай именно там и расположен под горой Гаузан, только с той, южной сто-

роны. Мисил-Оглы Али жил когда-то в Чаувайском ущелье, знает. В сильный дождь до камин летят со скал, то оползни сходят. Там, у рудоуправления, еще памятник стоит — четырех чаувайцев однажды накрыло. Впрочем, это было уже давно. Да и дождь тут был совсем ни при чем. Говорят, там пробили арык для полива расположенного на крутизне клочка земли, но склон, напивавшись влагой, сполз вниз...

Начальнику четвертого караула — сорок пять лет. Он невысок и худощав, с рыжеватой щетиной на впалях щеках и седыми висками. Кто знает, как должен выглядеть профессиональный пожарный, но в Мисил-Оглы Али его никак не признать, это уж точно. Даже форменка синяя не помогает — кажется, она на нем совсем случайна. Горец, пастух — другое дело. Тут — один к одному, стоит лишь сменить фуражку на войлочную шляпу. Но какой же он пастух? Много лет проработал проходчиком, крепильщиком на Чаувайском ртутном руднике. Потом, когда с годами стал чувствовать высоту, перебрался пониже, в Кызыл-Кию. Одно время работал на шахте Джим-Джиган, которая теперь называется шахтой имени Ленинского комсомола, а последние 12 лет — на поверхности, в «пэ-пэ-че». Конечно, зарплата здесь скромная, с горящими, шахтерскими заработками не сравнить, но ведь всех денег не заработаешь, а тут есть одно важное для него преимущество: сутки отдежурия — трое дома. Для человека, у которого и семья немалая, и дом, и сад, и огород какой-никакой, — это дело серьезное. Бывший проходчик и крестьянский сын, он очень любит повозиться с землей, Мисил-Оглы Али. Кстати, сегодня хорошо полетит. Града бы не было!

Он стоял и думал о том, что град все-таки, наверное, будет. Еще бы не быть! Какое странное зрелище... Гор теперь и вовсе не разглядеть — сплошная угольная стена. А под этой стеной — словно оцепеневший, старающийся вжаться, как в укрытия, в свои лога и сан, притихший Кызыл-Кия. Вверху над городом тоже темно. Но солнце стоит уже низко, его лучи бьют сбоку, где небо еще открыто, и этот косой, яростно-белый, такой нереальный под черным пологом тучи свет кажется затянувшейся магниевой вспышкой, которая, перед тем, как погаснуть, стремится высветить, все-все разглядеть, до самой малейшей рывины, до самой неприметной тропки.

Потом все померкло. Стемнело так, что Кимсанхан в диспетчерской зажгла свет. Как при затмении солнца. И как при затмении солнца, вдруг взвыли собаки. Не привыкать к жаре кызыл-кийцу, но тут была даже не жара, а какая-то мертвая, ватная духота, от которой не было сил, желания двигаться, разговаривать, даже думать. Случись что — рукой, кажется, не шевельнуть. А ведь они на дежурстве, а на дежурстве мало ли что может быть! Хоть бы ветерок, хоть бы дождь какой, что ли?

Дождь начался в 18 часов 15 минут. Он шел с градом, и град этот был странный, не круглый, как обычно, а удлинненный,

острый, как зубы хищника. Потом град кончился, а дождь перешел в ливень. Впрочем, то, что теперь началось, трудно было назвать и ливнем. Просто — падала вода. Словно небо опрокинулось. Сквозь дымящиеся, слившиеся воедино струи с трудом проглядывались контуры даже ближайших, через улицу домов, и Мисил-Оглы Али, вздохнув, приказал караулу надеть боевки.

— Что-то будет, — подумал вслух начальник караула, — уж если здесь, на бугре, такое, то что же делается там, внизу?

Протарахтел едва слышимый за гулом и плеском мотор, и во двор, поскалываясь на поворотах, влетел на своем мотороллере Юрка Стороженко. Ловко соскочил с седлушки, бросился под навес, восторженно чертыхаясь и захлебываясь.

— Вот дает! Триста метров не доехал — и мокрый!

— С легким паром тебя, — засмеялся Василий Савченко, — что, по второму разу решил испустить, одного мало?

Юра Стороженко ездил в баню. Баня на Первомайской, не так уж и далеко, и выехал оттуда еще до дождя, а как вымок — до нитки!

— Ты пойдй переодеешься, — сказал Мисил-Оглы Али, — распаренный, простудиться, холодный дождь!

— Сейчас, — сказал Юрка, — да он скоро кончится.

— Ты никауда не уйдешь? Здесь будешь?

— А что? — выжидающе глянул Юра. — Ну, здесь.

— Да так, на всякий случай, — сказал начальник караула, — побудь, а?

— Понял, — сказал Юрка, хотя после бани собирался к сестре на ужин, поскольку жена с детскими уехала проводить мать в Куйбышев. — Я только переоденусь.

Он пришел через пять минут. В боевке. Еще через минуту Кимсанхан приняла первый вызов.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ГИДРОМЕТСЛУЖБЫ

Период с 27 мая по 1 июня характеризовался крайне неустойчивой погодой, обусловленной наличием в слое тропосферы мощного высотного циклона, в связи с чем во второй половине дня выпадали ливневые осадки, сопровождавшиеся грозами и градом.

1 июня, как и в предыдущие дни, наблюдалась неустойчивая стратификация атмосферы. За счет местной циркуляции образовалось мощное кучево-дождевое облако, которое двигалось с запада на восток узкой полосой через Баткенский, Фрунзенский, Наукатский районы, постепенно теряя влагу, и было совершенно обезвожено на Наукатском перевале.

Сели прошли в Баткенском, Фрунзенском, Наукатском районах.

Сай Джал стекает с предгорий хребта Чимкай-Тоо. Истоки расположены на высоте 2000 метров, длина — 18 километров.

За последние годы ширина и глубина врезов в пределах города значительно увеличилась.

1 июня расход воды превысил обычный в 2000 раз и составил 505 м³/сек.

Узкие места способствовали завалам, подъему уровня до 9-10 метров. После прорывов затворов у второго моста и ниже лесосклада расход достигал 1000 м³/сек.

За счет разрушений селя увеличивал массу и в районе лесосклада достиг 3,5 миллиона кубометров.

БОЕЦ СТОРОЖЕНКО

Собственно, ничего другого начальник караула Мисил-Оглы Али и не ожидал. Юрка не был бы Юркой, если б сказал и сделал иначе, если б не пришел к ним в своей прожженной, вытертой робе, готовый на все. Да и не было, пожалуй, с тех пор, как Юрка появился в «пэ-пэ-че», ни одного вызова, ни одного пожара, чтобы в боевой машине не оказалось Стороженко, всегда, как привыкли говорить о нем, «настроенного на пожар». Такую всегдашнюю Юркину готовность можно было бы объяснить и тем, что живет он здесь же, при ППЧ, что жена его работает в ППЧ диспетчером, и стало быть, Юрка волей-неволей всегда и мгновенно оказывается в курсе всех событий. И все же главное объяснение все-таки заключалось в нем самом. Даже та неприятность, которая приключилась с ним несколько лет назад и из-за которой он, бывший замнач ППЧ, был снят с должности, стал рядовым пожарным бойцом, объяснялась опять-таки прежде всего Юркиным характером, его настырным равнодушием к своему ремеслу.

Теперь, когда Юрка в своей боевке сидел рядом и смотрел из-под навеса на извергающуюся с небес мутную воду, Мисил-Оглы Али стало тучкою повеселей. Как ни крути, а шесть человек — это не так и много, тем более, что среди них есть и совсем неопытные люди. А с Юркой будет надежней. Юрка в их части, пожалуй, самый пожарник и есть. Вон Ионкин Василий Васильевич, начальник ППЧ, так вот прямо говорит про себя, что не пожарник, что не его это дело, хотя он и старается делать все, что ему положено. А Юрка — пожарник. И ни о чем другом думать не хочет. Сейчас вроде бы штрафник, вроде бы обидаться должен, что разжаловали, что любая уборщица больше его получает — не обижается, заявлений не подает, как работал — так и работает, словно ничего с ним не произошло. Вот и сегодня... День отдыха у Юрки, и вечером к сестре на ужин приглашен — все отставил, боевку надел, и если случится вызов — в машине будет первым. В этом можно не сомневаться.

Кстати, Стороженко — тридцать один год, так что никакой он не Юрка, он Юрий Андреевич, глава семьи и серьезный специалист, но звать как-то иначе никак не получается, слишком

привыкли к этому бойкому имени за восемь лет совместной службы: тем более, что человек он простой, открытый, легкий на шутку и на дело: а ростом по-мальчишески невысок.

Нравятся Юрка Мисил-Оглы Али. Когда Юрке две комнаты дали при ППЧ, сам, своими руками третью пристроил — без дела сидеть не любит. Станок себе сделал — дерево обрабатывать. Книжная полка, шкаф, табурет — все сам. Отец Юрки плотником в жилищно-коммунальной конторе работает — вот, может, Юрке и передалось. Однако по стопам отцовским Юрка не пошел, а как школу кончил — уехал с товарищем по комсомольской путевке на Токтогульскую ГЭС, о которой тогда всюду писали и говорилось, — благо, недалеко. Стройка Юрке по нраву. И народом своим, собравшимся в Кара-Куль со всей страны. И размахом, дерзкой смелостью всего того, что предостояло в головоломной нарынской шели сработать. И самой громадой гор, отвесных, недоступных, но на которые верхолазы из Управления основных сооружений все же сумели набросить смиренную сеть пешеходных трапов, грузовых переправ, всяческих трубопроводов, коммуникаций, ловушек от камнепадов и лавин. Правда, Юрке пришлось работать в другом Управлении — в Гидроэнергострое. Выучился на сварщика, варил арматуру в огромной каменной трубе обводного тоннеля. Но курсы по скалолазанию, которые на стройке вел мастер спорта по альпинизму Владимир Аксенов, все же прошел, так что и с веревкой обращаться научился, и спуск со стены бедренно-плечевым способом освоил, да и вообще вкус почувствовал к этому делу — к крутизне, к риску, к спорту. Может, потому, когда пришел черед служить в армии, все у него так и сложилось — по пожарной части.

А сложилось неплохо. С интересом служилось Юрке Стороженко, вот в чем дело. ГДР. Куйбышев. Отдельная пожарная рота. После армии — курсы среднего начальственного состава. Тушил кабельную шахту. Библиотеку и архив. Библиотека располагалась на первом этаже, а верхние этажи были жилыми. Спасал людей, спускал их по веревке из окон, а пол под ногами трещал, обваливался, и некогда было думать о том, успеешь спуститься сам или нет.

Брал первые места в части по легкой атлетике. Получил первый разряд по боксу. Кандидат в мастера по пожарно-прикладному спорту. Много раз принимал участие в соревнованиях и здесь, в Кызыл-Кие, и в Оше, и во Фрунзе, и в Москве. Брали грамоты, призы, один раз стали чемпионами республики. Да, всего лишь один раз. Команду трудно сохранить — вот в чем дело. Тем более — в такой маленькой части. Люди приходят, уходят, а чтобы выступать на хорошем уровне — тут надо работать всерьез.

И это уж особая тема Юркиных разговоров. Тут можно говорить часами. Ну взять хотя бы газеты. Сейчас о спорте много пишут. И что ни вид спорта — обязательно спорт сильных и мужественных. И шашки — спорт сильных и мужественных. И бадминтон. И даже рыбная ловля — а почему нет? Везде нужны и выдержка, и тренированность, и умение — какая разница?

А разница все же есть. А ну-ка в полном боевом — каска, фэл¹ на голове, пояс, карбин, сапоги — да сто метров с препятствиями и с лестницей в руке! А эстафета четыре по сто с тушением «эл-вз-же»²!

А с трехколенной лестницей на третий этаж?

А с лестницей-штурмовкой на 32 метра 70 сантиметров вверх?

После армии, курсов в Барнаале — вернулся в Кызыл-Кию, пришел в пожарную часть. Специалисты у них почти не было, так что приняли сразу. Был начальником караула, потом — замначем части, потом...

Словом, был вызов в совхоз «Пахтачи». Хлопок загорелся. Поехали вдвоем, управились, на обратном пути — сел за руль, хотя не имел прав. Нарушение? Конечно. Знал об этом? Знал. И еще одно нарушение — не слил воду из боевой машины, что положено делать при долгой езде. Почему не слил?

А что за пожарник без воды? Да это ж охотник без ружья. Он чего и сел за руль, он ситуацию представил, у него срочный вызов, а водитель расчета получил травму, угорел, сломал руку — да мало ли что может случиться в экстремальных условиях, и люди должны уметь подменять друг друга. Он чего и на обгон пошел — ведь не на похороны они ползли — он на пожар ехал, пожарник всегда должен быть настроен на пожар!

Не справился с управлением. Перевернул машину. Ионкин примчался на мотоцикле, весь бледный — живы, нет? Ионкину — выговор. Стороженко — понизить до бойца. Что ж, сам виноват. Обиды не было. Где-то зевнул. Но как мгновенно все происходит, как должен быть человек готовым встретить любую неожиданность!

Из части не ушел, хотя жить на оклад бойца стало трудно. Все же — трое детей. И все тут, при части, выросли, двойняшки Ирина и Лера во втором классе уже, Андрюшка, партизан четырех лет, от машин не отгонишь. Сейчас никого нет, все у бабушки в Куйбышеве, и потому в доме особенно тихо и беспринужно. Так что он даже обрадовался в душе словам Мисил-Оглы Али. Хотя — чему уж тут радоваться?

Пяти минут в боевке не просидел — первый звонок. Вода заливает подвалы дetsада №4. Не успели повесить трубку — звонки пошли один за другим, ломай голову, куда в первую очередь и что-то еще будет впереди. Юрка сел на мотороллер,

¹ Фэл — фанер электрический пожарный.

² ЛВЖ — легко-воспламеняющаяся жидкость.

махнул за Ионкиным, благо, тот жил неподалеку. Дождь кончался, и, собравшись все, усаживаясь в машину, они услышали надвигающийся со стороны Джала странный, никогда прежде не слышанный ими гул.

— Давайте к гостинице, — сказал Ионкин, — с бугра виднее, там разберемся.

Гостиница рядом, надо только выбраться из Январского поселка. Гостиница стоит на самом краю плато, под крутояром которого и мост через Джал-Сай, и лесосклад, и переезд через железнодорожное полотно, и вся припоименная часть города, включая улицу Первомайскую и поселок Джал. Ещё издали увидели толпы людей, глядящих с крутояра куда-то вниз. Сердце у Юрки екнуло. Ведь там, внизу, у самого моста живет со своим пацаном сестра Тамара, и они ждут его сегодня на ужин... Что там происходит?

БОЕЦ РЕВИН

Караул, в котором состоял пожарный боец Ревин, сдал дежурство утром. Днем Анатолий спал, возился по дому, к вечеру решили с женой съездить на Джал — навестить её родителей. Приехали, дошли до гостиницы, благо от пожарной части, при которой Ревин живет, до гостиничной площадки всего лишь минут десять ходьбы; там сели на автобус.

Как боец Анатолий Ревин молод, года в части не прослужил. Да и на улице ещё нет-нет молодым человеком назовут, поскольку невысок и худощав, а волосы светлые. Но по годам, конечно, из молодых давно вышел, все-таки — тридцать четыре. Служил в армии. Работал строителем. Теперь вот — «пэ-пэ-че». Зарплата, правда, не ахти какая, зато квартира рядом. Из дома вышел — и ты на службе. Из депо вышел — и ты дома.

Родители жили по Краснопартизанской. Жена прямо к ним поехала, а он сошел у поворота на рудник — детей взять из садика. Забрал, приехал с детшками к деде с бабой, да так удачно — только на крыльцо — и дождь. Жена уже здесь — вовремя, словом, все собралось. Как знали. Но кто же, конечно, знал? Ещё подумали, когда дождь начался, — вот хорошо! Такою сухою была весна и весь май, что дождичек был очень кстати: хоть польет.

Ну он и полил. А только стихать начал — ожил, зашумел Джал-Сай. Что ж, Джал-Сай всегда оживает после дождя, и всегда манит людей посмотреть, как бурлит и клокочет в обрывистом русле словно сорвавшаяся с цепи вода. Эдакое местное развлечение. Уж больно стремглав и озорно проносится по Джал-Саю самый что ни на есть настоящий горный поток. Промчит, и снова тишь. До следующего дождя. А они ох как нечисты среди красных, спекшихся, как гончарная глина, кызыл-кйских холмов.

Словом, отправились смотреть. Садик спускается к Джал-

Саю, Джал-Сай сразу за изгородью, смотри — не хоч. Ну и смотрели. Пока смотрелось. Пока не полили вывороченные где-то стволы деревьев и платяные шкафы, пока Джал-Сай не выплеснулся из берегов и не пошел на сады, на банки и сараюшки, круша, слизывая бешено-пенным языком, будто их никогда здесь и не было, и уже вплотную подбираясь к домам. Гул, рев, бегущие прочь люди, а там, над горами Гаузан, куда сползла черная глыба ливневой тучи, дымилась крутая сине-цветная радуга, ярче которой Ревину видеть ещё не приходилось.

— Берите детей и давайте наверх, — встревоженно сказал Ревин женщинам, — мы-то успеем, в случае чего, а вы идите. И быстрее!

Вода уже подкатывала к баньке, и они с тестем стали отходить в сторону дома. Снесет баньку, нет? Дом стоял выше, и поэтому можно было надеяться, что он останется в стороне. Но соседские дома уже топило, и если б только топило!

Как гибнет дом под селем? Да очень просто. Какое-то время он сопротивляется, он как живой, сотрясаясь от напряжения, старается выстоять, но вот валится внутрь одна стена, за ней падает другая, третья, тут же, кренясь, сползает крыша. И все. Прямо на глазах. Дом за домом. Добротные, крепкие дома, рассчитанные на долгую жизнь больших и счастливых семей. И это происходит здесь, в той части Джала, где сель не совсем набрал силу; что же делается там, ниже по течению, где живет мать?

Мать Ревина жила по улице Солнышко. Поверху, нависшими над джальской долиной холмами, Ревин припустил в сторону материнного дома. Жутко видеть, что делается внизу. Но как не видеть, если все перед глазами, если навстречу с младенцем на руках как-то странно и непонятно куда идет знакомый парень Валера, хотя в лицо этого знакомого парня не сразу было и узнать.

— Валера? Ты, что ли?

Нет, с ним ничего. С ним полный порядок. Когда высказывали из дома, он взял малыша, конечно же, в первую очередь — малыша. А жена шла следом, с двумя старшими. Следом шла. Вот тут, рядом. А оглянулся — никого. Только сель. Даже крика не слышал. А может, потому и обернулся, что услышал?

Что мог сказать Ревин этому человеку? Разминулись, теперь Ревин думал о матери с еще большей тревогой. С шага перешел на бег, и снова на шаг, когда увидел, что домик матери цел и, значит, жива и мать. Но подошел ближе — на дворя замок. Когда ушла, до дождя, после? А если до дождя, то куда, вдруг на Джал?

Хорошо, что соседи видели, когда она уходила. После дождя. К ним, в часть побежала, очень за них беспокоилась. А чего за них беспокоиться, они же на бугре! Помчалась домой. Она же с ума сойдет, когда не застанет их там, сразу решит, что они на Джал уехали.

Он уже подбегал к части, когда увидел встающий над ниж-

ней частью города черный столб дыма, увидел выбежающие со двора депо пожарные машины. Одна. Вторая. Третья! Ого, по второму номеру выезд, дело веселое. Заскочил домой, к соседям — да, была мать, их искала, только что пошла к себе, и как разминулись? Надо бы к ней, найти, успокоить, да куда там! Даже переодеться не стал. Как был в чистом, так след за машинами и рванул. Судя по дыму, горит нефтебаза, лишним на этом пожаре никто не будет. Ож уж наотдыхается он сегодня. После дождика-то, в четверг!

ЕСТЬ СЧАСТЬЕ В ЖИЗНИ

Когда начался сель, а вернее — когда о нем узнали на Январском — медсестра кардиологического отделения городской больницы Екатерина Ивановна Чернышева была на дежурстве. Ее тут же подменили, и она верхними улицами, в обход, буграми побежала к себе домой, на Джал. Вниз по возможности она не смотрела. Она только надеялась, что их дом у второго моста все-таки выше по течению и там, стало быть, все будет как-то иначе.

— Что вы бежите? — окликнул, узнав ее, кто-то из встречных. — У второго моста все снесло!

Бывают такие люди. Они и сами не знают, почему они так делают, не видят и не слышат того, чем оборачиваются на самом деле их слова. Им даже кажется, что они проявляют участие, ведь они предупреждают, они ставят в известность и уж, конечно, не остаются в стороне. Да-да, они действуют из самых лучших побуждений. Чего бежать, когда этим уже ничего не поправишь и не вернешь?

— Как снесло? — медленно переспросила Чернышева, невольно останавливаясь. — Этого не может быть. У меня там дети. У меня там муж. Там дом у меня, как это так — снесло?

Не слушая ответа, побежала дальше, хотя бежать уже не могла, а воздух рвал горло.

— Нет-нет. Не может быть. Как это так?..

Анатолий Семенович Чернышев, 1940 года рождения, проживающий по улице Токтогула, 170, звеньевой комсомольско-молодежного звена первого участка шахты им. Ленинского комсомола, дождь проспал. Дело в том, что выходить надо было в ночную смену, а в 22-ой лаве невыспавшемуся, не отдохнувшему хорошо человеку делать нечего. Он и отдыхал. А дочки — одной тринадцать, другой семь — не разбудили. Они знали, что когда отец перед сменой спит, будить его — что бы там ни было — нельзя.

Проснулся сам. От гула. От мощного, все больше и больше крепнущего гула, от которого подрагивали пол, стены, кроватки, зазвенели стекла. Спросонья подумал, что это какой-нибудь «Краз», трайлер, цементовоз, так как рядом второй мост, а под

окнами — дорога. Но какой уж это цементовоз, цементовозы давно проехали, это что-то другое. Выскочил, как был, в майке, в трусах. На крыльце увидел девочек, а во дворе воду. Девочки растерянно отубались, а вода заливала первую ступеньку. Черт, вода-то откуда?

Метнулся к калитке, выбежал на улицу. По улице шла вода. Чerez мост шла вода. Вода давно уже вышла из джалового русла и теперь вздувалась, ширилась прямо на глазах. Выбежал на мост. Мать честная! Весь пролет забит ошенившейся, как еж, пробой изломанных, ошкуренных, измочаленных кустов и деревьев, спрессованных воедино.

Чернышев глянул вверх по долине. И увидел вал. Горбом выгнув светло-коричневую спину, захватывая приречные постройки и сады, он с ревом катил на мост. Чернышев бросился к дому, захлопнул калитку. Все, им никуда уже не успеть. Ни на тот склон долины, ни на этот. Они посередке, и теперь все их спасение — дом. Выдержит? Нет? Черт, дерзнуло же покупать жилье у самого Джал-Сая!

Но кто же знал... Они недавно в Кызыл-Кие, всего лишь четыре года. Раньше в Ленгере, в Казахстане жили, но там шахта отработалась, перевелся сюда. Дом понравился. И уютный, и сани, и ручей Джал-Сай через соседа: все-таки вода, уток завести можно, кур...

Крыльцо выходит в сад и со стороны дороги, моста защищено домом. Это хорошо. Крыльцо высокое, на бетонном фундаменте, это и вовсе неплохо, вдруг выстоит? С улицы, а значит, со стороны селя дом прикрыт железной изгородью, тесной шеренгой крепких вишен — помогут? Поставил девочек на перила. Или войти в дом? Нет, здесь лучше, там вовсе мышеловка. Да, не зря когда-то выколот он на правом плече «нет в жизни счастья». Ну!

Сель ударил в завал, в насыпь дороги, в мост. Мост выдержал, вода вздыбилась еще больше, шибанула в дом. Ухнули ворота. Полетели в разные стороны решетки изгороди. Окно, как ставнями, захлопнуло чьим-то распластанным шифнером. Дрогнули вишни, легли на дом. Тут же стали громогласить стволы деревьев, сучья, обломки досок и трапы. Бревна били в стену, и глухие толчки ударов отдавались в перилах крыльца. Вода вовсю кружила по двору, вошла в дом. Чернышев не успел отцепить собаку, и та, скуля, плавала теперь вместе с конурой. У соседей, чей дом стоял ниже и ближе к саю, была видна только крыша. Вода поднималась. Он глянул на девочек. Перепуганы, а все же держатся. Еще бы, ведь с ними папа. «Хоть бы мост снесло, — вдруг подумал Чернышев, — хоть бы снесло мост!»

Тут он увидел Яруллину. Вернее, вначале ее увидел соседский пареня Искандер Яруллин, увидев, закричал: «Ой, смотри, какая-то женщина на столбе!»

Чернышев пригляделся. В самом деле, на пасынке телеграфного столба чуть держалась какая-то женщина, даже, как показалось, чуть ли не знакомая.

— Так это ж твоя мать, Искандер!

Спустились в воду. Начали от дерева к дереву вязать проволоку. Держась за проволоку, пошли, добрались. В самом деле, Юруллина, только глаза блестят, вся в глине! Сняли со столба, потащили к дому. Сель застал ее на крыльце, секунды не хватило, чтобы в дом вбежать, так с крыльцом и поплыла.

— Господи, думаю, хоть бы на столб налететь! И налетела. Вот же счастье!

Да, есть в жизни счастье. Мост вдруг встал на ребро, беззвучно снялся с опор и, как игрушечный деревянный плот, поплыл вниз по селю, набравшему еще большую силу и ярость. На кого-то падет она теперь?

Здесь-то вода, что могла, уже сделала. И теперь спадала, скачивалась назад в сай и с улицы, и со дворов, у кого эти дворы остались, а то и обнажая ободранные, как на наждаке, фундаменты — единственное, что теперь напоминало о домах, стоявших тут двадцать минут назад. Как у Турсуна. Товарищ есть у Чернышева, из бригады Шакиева. Бежит Турсун по улице, а у него — ничего, ну ничего, в чем был — в том и есть. Вот случай. И ведь дома рядом, могло здесь снести, а снесло там. Здесь только бревен нагородило. До крыши. Так оба угла прикрыло, так оплело и опрессовало, будто кто-то специально дом укреплял, чтоб он цел остался — может, оттого и остался?

Снял девочек с перил. Отправил их почевать к знакомым. Взял кусок доски, начал ил выгребать из комнат, из прихожей, еще не зная, что этой работы ему хватит на целый месяц. Из дверей выглянул — жена во дворе. Лица нет. На него смотрит, на дом смотрит, а тому, что видит — не верит, и словам его не верит — худшего ждет.

— Где дети?

— Да успокойся, Катя, успокойся. У Кузьминых они, Аня прибежала и забрала, ну!

— Нет, ты мне правду скажи, только правду. Где дети?

Есть счастье в жизни.

КРЕПИЛЬЩИК ХАЛМУРЗА РАИМБЕРДИЕВ

Так только нарочно бывает — ни жены, ни его самого в этот час дома не оказалось. Зебехон пригласили на свадьбу к старым знакомым, а он, Халмурза Раимбердиев, отправился к дяде — надо было помочь старику перетаскать уголь. Они начали работать, а сами поглядывали на тучу, уж больно черной, как уголь, она была. И чем оглушительней, до звона в ушах допалось это аспидно-черное небо, чем яростней били в землю дымящиеся космы рушащейся на город воды, тем с большей тревогой думал Халмурза о детях — ведь они остались одни. А их шестеро. И самый старший из них, Курсанали, — в шестом классе. А самым младшим, двойняшкам Патие и Зухре, — по

пятьте года. А Майрамгуль — шесть лет. А Чиньягуль и Айнагуль чуть постарше. Вообще-то у Халмурзы с Зебехон девять детей, но те трое — почти взрослые, один даже кончил торговый техникум и теперь живет в Оше, работает в большом универмаге. А другой — учится в техническом училище. А третий — старшешклассник — приболел, и его положили в больницу, что в Январском поселке, и, значит, он под приглядом, и ему ровным счетом ничего не угрожает. А эти — одни. И хорошо еще, если сидят дома. А ведь могут и убежать на Джал, посмотреть, как шумит в ожившем русле буйная ливневая вода — ведь это такое давнее развлечение джалской ребятишки: сам бегал.

Правда, такого дождя Халмурза что-то не помнит. А ведь ему не так и мало уже — тридцать восемь. Все эти годы он прожил здесь, на Джале, но такого ливня никогда не было, он убежден в этом. Не помнит такого дождя и отец, Раимберды Имаров. А отцу — восемьдесят. Вся жизнь отца тоже прошла здесь, на Джале, где когда-то молодой Раимберды воевал с басмачами в лихом шахтерском отряде. Знают отца на Джале. Знают в Кызыл-Кие и деда Имара.

Имар был первым здешним кузнецом, и его инструменты хранятся в стеклянной витрине городского краеведческого музея. Халмурза отдал. Выпросили. А так не хотелось отдавать, ведь это чуть ли не единственная память об отце отца, о старом Имаре. «Да как же так, — говорили ему, — ведь ты, Халмурза, уважаемый человек, передовой крепильщик шахты Ленинского комсомола, кавалер ордена «Знак Почета», и вдруг не понимаешь такой простой вещи. Кто кроме тебя и твоей семьи видит эти инструменты? А будет видеть весь город, все люди, которые к нам приезжают. Пусть молодежь знает, с чего начиналась рабочая Кызыл-Кия. Пусть люди помнят, чего это все стоило...»

Дождь не стихал, и Халмурза не выдержал, выскочил из-под навеса дядюшкиного двора за ворота. По улице колотали ручьи, и враз, до нитки промокшая одежда стесняла движения. Он бежал вверх по Джалу, а ручьи все прибывали, все вздувались, сливаясь в сплошной поток. И это на дороге. Там, где воды никогда прежде не было, да и не могло быть. А самого джалского русла, этой глубокой промоины с желтыми лесовыми обрывами, среди которых так любила играть джалская детвора, уже и не найти, не разглядеть, вода все перекрыла, все сравняла, а теперь, сносая изгороди, пошла в прилегающие к Джалу сады и дворы. Но ведь он, Халмурза, живет тоже совсем рядом с речкой, в двух шагах от второго моста, он живет по Токтогула, 103, что же делается там, у него дома?

Краям глаза он видел людей, изо всех сил спешащих в сторону возвышающихся над джалской долиной холмов. Там, на этих холмах, в странном оцепенении стояли уже сплошные людские толпы, такой массы людей на этих холмах Халмурза еще никогда не видел. А над холмами, над толпами, на фоне все еще темного, лилово-свинцового неба горела неимоверной яркости и

полноты семичетной радости, потому что дождь, оказывающийся, кончился и с чуть открывшегося запада над землею бил пронзительно чистый, холодный, оранжевый закатный свет. Все это было нереально, как в дурном сне. И, как в дурном сне, знакомая улица казалась странно незнакомой, странно широкой и безлюдной, а ноги никак не хотели бежать. Но он заставлял себя бежать, навстречу этой широко и мощно катящейся воде, навстречу звериному, какому-то утробному вою, с которым вздымался из своих берегов взбесившийся Джал-Сай. Нет, он, Халмурза, успеет. Он уже видит крышу своего дома. Еще минута, полторы минуты, он должен, он во что бы то ни стало должен успеть.

Отчаянный женский вопль! Халмурза оглянулся и увидел Орозгуль Муратову, соседку. Она стояла на крыльце своего дома и на руках у нее было двое. А трое — мал мала меньше — выпешили в платье. И все кричат. А вода — у верхней ступеньки. Но что же он, Халмурза, может сделать? Видит бог, у него нет времени для Орозгуль и ее детей. У него своих шестеро, и они совсем одни, и потому он не может остановиться ни на секунду. Но вот что оказывается, — оказывается, мимо дома соседей Муратовых нет возможности пробежать! Он, Халмурза Раимбердиев, сделать этого не смог. Ударом сапога он выбил калитку, схватил в охапку первых попавшихся...

— Бежим!

Орозгуль подхватила остальных. Подъем на холм рядом, только пересечь улицу, до подъема — считанные метры, но все по воде. Халмурза прошел двадцать. Он считал их. Больше он не мог сделать ни шага, да теперь Орозгуль управится и сама. Передал ей детей, бросился вниз, к своему дому, боясь глядеть по сторонам, чтобы вновь кого-то не увидеть.

И тут же вспомнил о Салтанат Дженалиевой. А вспомнив, уже не мог не думать о ней, ведь сколько лет прожили рядом. А она, конечно, дома. И, конечно, одна. Все другие ее домочадцы еще не вернулись с работы, а сама соседка из дому не выберется — она слепая. Он нашел ее в раскрытых настежь дверях, Салтанат стояла на пороге и мучительно вслушивалась в непонятную для нее дрожь земли, в гул и плеск. Халмурза поднял ее на руки и понес. Вести не было времени, даже если до спасительного подъема каких-нибудь двадцать метров. Но нет, понадобилось сделать больше, ведь Салтанат и здесь, на мелководье совершенно беспомощна, а уж коли спасать — так спасать.

Потом он побежал к дому. В третий раз. И у самых ворот наткнулся на Диану Мусафарову. Она тоже жила поблизости, и он, конечно же, ее хорошо знал. Она не то ползла, не то плыла по воде, потому что была инвалидом, у нее не было ног, и желтая вода уже захлестывала ее лицо.

Он чуть не заплакал, Халмурза, увидев Диану. Он даже подумал: за что же судьба так жестоко его наказывает, так испытывает? Там шестеро, своих, кровных, едва начинающих жить, здесь одна, чужая, уже и до самой смерти обиженная

и когда-то судьбой — как быть? Да нет, он не выбирал. Он потому и ужаснулся случаю, что знал: не может он оставить в этой желтой глине горемыку Диану. Поднял на руки, понес к склону. Бежать он уже не мог. Не было сил, да и слишком уж высоко поднялась вода, он мог только идти. Донес. Усадил в безопасном месте. В четвертый раз полез в воду. Домой.

Дверь открыл с трудом. Увидел зашедших в крике детей. Вот удача, что все на месте, что никого не нужно искать, молодцы Курсанали! А теперь, Курсанали, помогай, отец всех за один раз не вынесет, а второго раза не будет. Так, двойняшки Патма и Зухра на одну руку, в другую руку — ручонки Майрагуль и Айнагуль, а уж идти им придется самим, идти и держаться за отца. А Курсанали поведет Чиннагуль. Ведь он мужчина. Ведь он в шестом классе, а это не так и мало. Он должен вывести младшую сестренку, тем более, что они пойдут все вместе, а когда люди идут все вместе, тогда им ничего не страшно, даже такой селя.

Детей сносило. Но он держал их свободной рукой за руки, за края одежонок, и они так крепко выпешили в эту его руку, в его спешку, брюки, что вода не смогла оторвать их, тем более, что он шел выше по течению, и, значит, прикрывал их собой. Главное, чтобы он сам выстоял, облепленный детьми, не оступись, не потерял бы равновесие. А оступись было проще простого, потому что ноги путались в каком-то плывущем тряпье, в вывороченных где-то стволах деревьев и кустарнике, а по ногам были обломки досок и бревен. Но упасть — значило уже не подняться. И он шел осторожно, медленно, напряженно глядя в бурлящую перед ним стремнину, нащупывая, обходя промывы и камни, хотя с верховьев долины надвигался теперь уже такой громоподобный рев, от которого хотелось бежать.

Но он шел. И дети за ним попевали. Он продвигался, не оглядываясь, не глядя по сторонам, он только слушал, как приближается этот грохот, как кричат на холмах женщины, он только считал шаги, даже выйдя из воды, уже на взгорье, где навстречу бежали какие-то люди, забирая детей из онемевших рук. А дети ни к кому не шли, так, с ним, он и опустился на землю. Только здесь он посмотрел в сторону дома, но ничего уже, кроме селя, не увидел, как не увидел и то мгновенье, когда пятиметровая стена грязи достигла родных ворот. Теперь вал катил дальше, вниз по Джалу, теперь кто-то другой примет на себя удар, скрестит с ним волей-неволей свою судьбу. Халмурза лишь заметил какой-то большой, непонятно откуда взявшийся плот, какое-то время плывший по взбуренной поверхности селя. Но плот тут же встал на ребро, запрокинулся и сразу же исчез, теперь уже навсегда. Плот? Да какой же это плот? Ведь это их второй мост, вся его многометровая железобетонная машина, по которой еще час назад, ничуть не снижая скорости, пронеслись встречные автобусы дальского маршрута!

Дети мерзли, а у него не было даже носового платка, чтобы

русы и без того вышедшего из берегов Исфайрам-Сая, этот человек помчался на своей машине по горной дороге вперед сел, гудками и криком предупреждая людей о надвигающейся беде.

Но это случилось позже. А тогда, в ночь с 17 на 18 июня, они были застигнуты врасплох вполне обыкновенным летним паводком, пусть даже и большим, нежели он чаще всего бывает. И как она, человек, проживший в Средней Азии всю жизнь, могла не подумать о том, что в горных реках паводки достигают максимума именно к концу дня, а то и к полуночи?

Тогда, 10 лет назад, Иранда Ивановна проснулась от женского крика, в два часа ночи. Выбежала из своей комнаты, устремилась на крик, в сторону реки. Как она могла спать под этот оглушающий рев взбесившегося Исфайрам-Сая, под эти громовые удары перекатываемых по дну валунов? Потом это казалось совершенно необъяснимым, но ведь было именно так!

Крик несясь из большой палатки, где жили работники обслуживающего персонала — пятнадцать человек. Палатка уже повалилась, ее тиснула в воду, в воде оказалась одна из женщин, ее удалось вытащить в самое последнее мгновение. И вот до самого последнего мгновения все пятнадцать женщин преспокойно спали, не обращая ни на что ни малейшего внимания. У самой крошки рушащегося берега!

Что значит разбудить здорового, набегавшегося на свежем воздухе ребенка в два часа ночи? А если их двести? И ни во что страшное они не привыкли верить. Что понадобится для того, чтобы всех растормошить, собрать, увести подальше, а главное — повыше от реки. И десять раз пересчитать. Десять раз заглянуть под каждую кровать — не забыли, не оставили, не потеряли кого-нибудь в темноте и в поднявшейся суматохе?

Тогда, на Исфайрам-Сая, вода крушила уже оставленные постройки. Сейчас сель носил дом, в которых были люди. Все это казалось паваждением, дикой чепелостью. Ведь не извержение Кракатау, не геологические катаклизмы, когда океан слизывает обломки материка вместе с набережными и городскими кварталами и когда от человека ничего, ну ровным счетом ничего не зависит. Но здесь-то, здесь! Мальчишки знают, что когда идет дождь — надо бежать на Джал-Сай, чтобы посмотреть на воду. Почему же взрослые не подумали вовремя о Джал-Сая? Почему взрослые, которые так любят играть в шахматы, которые могут играть даже вслепую, без доски и противника, которые могут рассчитывать партии на десятки и десятки ходов вперед, почему же так редко, хотя бы на два хода, просчитывают они же ситуации, в которых по логике жизни, а не игры, могут оказаться завтра?

Прижимая к себе внучку, Иранда Ивановна смотрела на сель с балкона — оставаться в комнате было вовсе невыносимо. Ребятам-соседям было легче. Они хоть что-то могли делать: сначала укрепляли дверь подъезда, в которую ломилась вода,

потом, спустившись с балкона, спасали какого-то парня, выброшенного кружившимся по двору водоворотом на газовую установку. Дом стоял неподалеку от склона, в стороне от главного течения, но и здесь всплески глины летели выше балкона, словно грязной метлой расписывая стены до самой крыши. Там, на стреминные, вал достигал пятиметровой высоты. Потом в этом мог убедиться каждый. По тем стенам и деревьям, которые устояли. По их коричневой метке.

...Сутки просидит Иранда Ивановна со своей внучкой на втором этаже, прежде чем соседи и те, кто пришел им на помощь, смогли раскопать заваленную селом дверь дома. Тут же собралась, увезла внучку к сыну. Тут же купила путевку, уехала на курорт, чтобы еще, еще дальше уйти от того, что видела, пережила, что вспомнила. Да разве уедешь? На первом же случайном, вполне безобидном, ради вежливости и знакомства обращении к ней вопросе сорвалась, в первый же день.

— Какой у вас прекрасный цвет волос. Простите, вы чем краситесь?

— Два селя. Вот и все.

— Как интересно! Как, как вы сказали?

— Два наводнения.

КОРПУСА

Теперь можно только догадываться, почему бараки, что появились когда-то по Джал-Саю и улице Октябрьской, люди стали звать «корпусами». Может, оттого, что рядом с глинобитной мазанкой такой многокомнатный дом выглядел чуть ли не дворцом — с большими окнами и высокими потолками? Да, когда-то каждый такой барак был событием, первой ласточкой сбывающихся к лучшему перемен. Их ставили в нелегкое, скупое на материальные блага времена, ставили не навсегда, на считанные годы, лишь бы только как-то пережить трудности настоящего момента, с которыми обязательно будет покончено в самом ближайшем будущем. Их строили в первые послевоенные годы и в предвоенные, строили в голодном 1932 году и в первую пятилетку, а по Октябрьской стоят корпуса 1923, 1922, 1921 и 1919 годов, есть даже один с 1911 года — Октябрьская, 166, — чем не памятник истории и архитектуры! Деревянный каркас да саман, а сколько выдержали! Подмажут их, подбелят — и люди живут дальше. Со временем общие коридоры вышли из моды, каждой семье прорубили свою дверь, пристроили прихожие, террасы — получились отдельные квартиры. А когда из Джала убрал шахтный угольный склад, когда исчезло вечно висевшее над долиной удушающее одеяло серной гары и угольной пыли, когда пошли в рост пропадавшие прежде персиковые, абрикосовые, гранатовые сады и виноградники, старый шахтерский поселок словно бы даже помолодел, имея теперь в лице своих жителей верных приверженцев и патриотов.

Теперь здесь все чаще селились те, кто хотел иметь свой дом, свой сарайчик для кур, свою пару виноградных лоз или орешину. В основном это были многолетние семьи, которым так непривычно и сложно размещаться на жестких метрах третьих-четвертых этажей новых микрорайонов на Январском, или люди пожилые, собирающиеся или уже ушедшие на заслуженный отдых. Таких было особенно много в корпусах, которые эти люди когда-то обживали и с которыми вместе состарились. По этой же причине в корпусах было немало людей одиноких, людей по разным причинам совершенно беспомощных, в прямом и переносном значении этого слова; эти люди и разделили в первую очередь участь своих стен, старых, обветшалых, и тем не менее родных.

Корпуса занимали ту самую часть долины, где Джал-Сай менял меридиональное направление на широтное, между первым мостом через Джал-Сай и улицей Октябрьской. С востока жилой массив очеркивался руслом ручья, с запада — крутыми склонами адыров. С севера, с нижней своей части район корпусов замыкался трехэтажным зданием шестой школы и насыпью железнодорожной ветки, за которой находился лесной склад. И этот поворот, и насыпь, и лесной склад стали той преградой, которая вынудила сель сбавить скорость и поднять уровень. Вода хлынула в окна домов, а хлам, который она несла, начал громоздиться в завалы.

Район корпусов по низу вверх по долине делился надвое улицей Джальской; по восточной стороне, между шоссе и ручьем стояли дома с нечетными номерами, по западной, между шоссе и холмами — с четными. Шоссе выходило к первому мосту, и когда у этого моста образовался завал, поток резко изменил направление. Вся главная масса воды пошла не по руслу Джал-Сая, как того следовало ожидать, а ударила по улице. И потому в первую очередь пострадали не те бараки, что стояли у русла, а расположенные вдоль улицы и по нечетной стороне, и по четной. По четной даже больше, вода шла не только по шоссе, она устремилась и вдоль подошвы горы. Отрезав корпуса от спасительных склонов, она крушила их с двух сторон, так что из десяти расположенных тут барачков не очень пострадал только один — восемнадцатый.

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Володька, младший сын фельдшера городского пункта скорой помощи Людмилы Павловны Калашниковой, ждал этого дня как всегда с нетерпением, все уши прожужжал:

— Мам, я пойду, ладно? Обязательно пойду, ладно?

— Ладно, ладно, — подначивала сына Людмила Павловна, — вот только как это ты поймешь? Это для детей праздник, для дошколят, а тебе уже одиннадцать, ты взрослый парень. Все, милый, прошло твое времечко!

— И нет, — не соглашался с такой дискриминацией Володька, — и не прошло, я все равно пойду, ты погладила мне белую рубашку?

Первого июня — международный день защиты детей. Этот праздник, в общем-то остающийся для иных людей событием весьма умозрительным, разве что отмеченным в календаре, имел для Володьки весьма и весьма конкретный характер, а потому и был одним из самых любимых. Праздник этот открывал ничем не лимитированный доступ к таким предметам первой необходимости, какими несомненно являлись карусель, качели, мороженое и лимонад. Дело в том, что первого июня по давней традиции медицинский мстком арендует городской парк и дети медицинских работников становятся на три часа его полновластными хозяевами. И Володька в этих мероприятиях маминой профсоюзной организации принимал самое активное участие. Так было и на этот раз. День прошел весело, все ожидания Володькины сбылись, а после праздника зашел к маме на работу, на улицу Едренкина, 94, рядом с парком. Тут дежурная приняла вызов по улице Баялинова, и они с комфортом, на «скорой помощи», которой все почтительно уступали дорогу, подъехали чуть ли не к самому дому. Не каждый мальчишка ездит на «скорой помощи», да еще спешащей на вызов. Не каждый может похвастаться тем, что бесплатно катался на карусели, да еще и сколько хочешь. А еще не каждый мальчишка может похвастаться тем, что завтра из армии приедет сосед Саша Терентьев и этот Саша Терентьев обещал привезти и подарить Володьке самые настоящие солдатские погоны и самый настоящий солдатский ремень.

Но и это еще не все. Впереди еще более захватывающие дух события. Если хотите знать, то его, Володькин, отец, электрослесарь шахты Ленинского комсомола Валерий Калашников едет за границу. Он едет в Болгарию. И он, конечно же, привезет оттуда всякие сувениры, марки, открытки, а может быть, и значки. Даже не верится, отец или... заграника. Сегодня он тут, дома, на Джале, к нему можно прижаться, взобраться ему на плечи или сыграть с ним в «морской бой», а завтра он вон аж где будет, в Софии!

Вовремя они добрались. Только вбежали на крыльцо, и началось. Даже свет зажгли, так темно стало, это в шесть-то часов! Стояли у окна, смотрели, только свекровь, Юлия Ивановна, на кухне возиалась, ужин готовила — никак не может без дела сидеть, даже когда приходит проводить. Она на горе живет, за Дворцом культуры. Но сегодня так и договаривались — ужинать вместе. И у Валеры первый день отпуска. И у Володьки праздник — как-никак, день защиты детей.

— Ой, мама, — сказал Слава, — ты посмотри, какой дождь! Слава — старший сын. Ему — 16 лет. Как хорошо, что он оказался дома. Как хорошо, что дома Валерий и на спинке стула висит его новый пиджак. Наверное, Валерий начал собирать... Какая замечательная поездка его ожидает. Какая приятная

неожиданность — бесplatная путевка в Болгарию, хотя, конечно же, дело не в деньгах. Уважают Валерия на шахте. Вот как отметили. Так что праздничный ужин сегодня вполне ими заслужен, а кто приготовит его лучше мамы и бабушки, лучше Юлии Ивановны!

В дверь тихо постучали, это пришла Валя Каткова. Недавно она перенесла сложную операцию, всего несколько дней как ее выписали на амбулаторное лечение. Ходить в больницу ей еще тяжело, и она попросила Людмилу Павловну сделать ей укол. И вот каждый вечер — стук в дверь. Валя-соседка, она живет в пятом корпусе. Ее отца все дядей Павлинком зовут, тут его каждый знает. Инвалид Отечественной войны, без ног, он все еще работает на шахте, в ламповой, и очень этим гордится. Недавно собрал ему новую машину, так он просто сиял от радости, дядя Павлик, сиял, как его ярко-красный, празднично-блестящий лаком и хромом «Запорожец».

— Как отец, Валуша? Дома? Иль поехал куда?

— Дома, — слабо улыбнулась Валя, — одень сапоги, говорит, а то простудишься. А сам на арык пошел. Глянуть, говорит, что ли?

— Вот в арыке воды! — влетел с улицы Слава. — Мама, пап, бежим смотреть!

— Куда? — попыталась их остановить Юлия Ивановна. — Ужин на столе!

Какой странный шум... Как сильно что-то гудит. Никогда не было на Джале такого странного гуда, и он все нарастает, крепнет... Как дети, вскинулись, выбежали смотреть. Юлия Ивановна тоже не утерпела — следом. Потом поужинают. Это ж такое редкое зрелище — большая вода в Джал-Сае!

Слава уже на арыке. В самом деле, очень много воды, откуда столько, целая река, даже страшновато как-то, прямо-таки потоп. Оглянувшись, а сзади тоже ручьи побежали, взбухают, сливаются, и уже у самых дворов. Тут Юлия Ивановна пропылят вспомнила и — к дому: поплывть могут, надо бы собрать. За ней — Людмила, Валерий: помочь надо маме, поди, разбежалась все, попробуй теперь собери! К дому подходить стали — Людмила обернулась. И ошеломленно вскрикнула, так близко, ну совсем близко вдруг оказался горб грязной, жуткой, бешено летящей на них воды.

Вбежали во двор. Захлопнули калитку. Волна достигла забора, из всех щелей во двор ударили острые лезвия жидкой глины. Юлия Ивановна подхватила с крыльца половую тряпку и в полной растерянности, нелепо прижала ее к забору, закрывая щели.

— Мама, уйди! — закричала Людмила. Свекровь едва успела отскочить, и забор рухнул. Вода хлынула во двор, в то же мгновение Людмила Павловна оказалась на яблоне, с которой тут же непостижимым для самой себя образом перебралась на крышу кладовки. Здесь стояла лестница, по которой можно бы-

ло подняться на крышу корпуса. Она и поднялась. Вбежала как по дорожке. Она никогда не лезла по деревьям. Она и во сне не видела никогда себя на крыше. Сейчас увидела. Увидела внизу, напротив, странно знакомое окно, из которого выглядывали Володька и Валя. Рядом, в садике, она увидела держащуюся за яблоню свекровь. Господи, как же они туда попали? Да нет же, это она попала на соседний барак, а Володька — дома, и Валя у них дома, и свекровь стоит посреди их дворика, который враз стал таким чужим и непонятным. Это же их, девятинадцатый барак!

— Мама, лезь на дерево! Мама, лезь на дерево!

Свекровь с трудом поднялась на нижнюю ветку. Потом переступила на другую.

— Выше, мама, выше, — кричала Людмила Павловна, но свекровь, обняв ствол яблони, покачала головой. Рядом с ней появился Валерий, он что-то говорит, убеждает, но Юлия Ивановна только качает головой и еще крепче прижимается к яблоне. Взяла собаку. Поплыла конура. Держась за проволоку, Валерий подобрался к конуре и отцепил собаку. Людмила Павловна смотрит на окно, в котором белеют застывшие от ужаса лица Володьки и Вали: поднимается вода, нет? Вода поднималась.

— Валера, — закричала Людмила Павловна, — Володю!

Держась за проволоку, Валерий вплавь добрался до их квартиры, вынес Володьку. С крыши тянулись спасительные руки, и Володька вскоре оказался на коньке корпуса. И снова Валерий спускается вниз, вновь пробирается к окну. Валя слабенькая, она беспомощной ребенка, и все же она взрослый человек, и Валерию пришлось помучиться, прежде чем соседка оказалась на крыше, рядом с Володькой. Володька держится за трубу, он неотрывно смотрит в сторону барака, на крыше которого стоит на коленях Людмила Павловна. Барак трещит, подрагивает, она кричит мужу, и Валера помогает ей перебраться к ним. Теперь они вместе. Только нет Славы. Как они могли оставить его на арыке? Как они могли подумать в ту пору о каких-то щиплятах? Но кто же знал? Как можно было предвидеть? «Щиплята могут поплывть...» Город плывет!

Нет, этого просто не может быть. Это снится, это самый обыкновенный ночной кошмар, из тех обычных кошмаров, которые так знакомы людям двадцатого века с его признаками ядерной катастрофы. Это сон. Надо просто бороться с силами и проснуться. И тогда все сразу кончится. Это не может долго продолжаться. Это нельзя долго вытерпеть, на это нельзя долго смотреть, нельзя слушать, чувствовать, иначе можно сойти с ума. Какой утробный, явственный рев! С каким хрустом трещит раздираемое дерево балок и перекрытий. Как валятся стены, как сползают крыши, как кричат люди, а толпы других стоят на окружающих Джал холмах и тоже кричат, потому что просто так стоять невозможно, и невозможно что-либо сделать. Вода

страшная. Расплавленная, вся в оуграх и воронках глина похожа на живое, разъяренное существо. Она вламывается в окна и двери. Она несет на себе шкафы и ящики, стиральные машины и животных, газовые баллоны, холодильники, деревья и телеграфные столбы, несет людей. Где Слава? Людмила Павловна обшаривает взглядом крышу за крышей, но сына нигде нет.

— Мама, — причитает Володька, — к бабуле уедем! Завтра же уедем, к бабуле. Нас ведь доведет бесплатно, правда же?

Бабуля — это мать Людмилы Павловны, она живет в Саратове. Другая бабуля — она она, посреди воды, на нижней ветке яблони, переступая, как журавль, с правой ноги на левую, когда нога устанет. Бабуля на воду не смотрит, словно никакой воды и нет, а смотрит только на крышу, на них. Во дворе росли четыре яблони и трех уже нет, не видно даже, где они были. Одна яблоня осталась, а на ней — мама. Весь в грязи, в изорванной рубашке, Валерий сидит на самом краю крыши, готовясь прыгнуть вниз, в воду, едва только дерево начнет валиться. Там, где час назад была улица, крепясь с боку на бок, проплыла грузовая машина, в кузове которой метался от борта к борту какой-то человек. Нет, это все нелепо. Этого просто не может быть.

Вода стала сходить к сумеркам. По улице еще несло, но между корпусов, и тем, что осталось от корпусов, можно было ходить. В девять слезли с крыши. Вскрабакалась Людмила Павловна и не заметила как, а вот спуститься — одна бы ни за что не спустилась, Валерий с крыши снимал. Сняли с яблони маму. Ее снимают, а она в слезы: «Ой, счастье-то какое, что с вами была, если б с горы смотрела — не выдержала бы, умерла бы, вот счастье-то, что с вами была...».

Славка прибежал. Лица нет, занекается, хочет и спешит что-то сказать, и не может. Он отсиживался на одном из барачков, куда все бросились от арыка, держался за трубу. Оттого его и не видели. И он долго не мог увидеть их, уже решил, что и не увидит. Во дворе голо. Ни кладовок, ни сада, вот только одна спасительница и осталась. Чудо-то какое! Как только ты угадала, бабуля, эту яблоню?

Зашли в квартиру. Нет, прочь, прочь, ни минуты здесь больше, в чем были, в том и остались, — ид, грязь, больше ничего.

Вышли поскорей, выбрались — Нина навстречу. Соседка. И не понять, то ли плачет, то ли смеется. У нее привычка была — топор на шкаф класть. Зачем, почему — и сама не знает. Муж увидит, выбросит, раза четыре выбрасывал, что, дескать, за блажь, за глупости — топор на шкаф держать! Сель в комнате их застал. Даже высочить не успели — дверь кладовой приперло. Да и куда высказывать — поздно. А в окна — вода. Детей на шкаф усадили, сами плавают. Взглянул муж рукой за шкаф, а там топор. Тот самый. Опять положила! Схватил муж топор, начал потолок рубить. Прорубил дыру, детей на чердак

вытолкнул. Потом — Нину. Потом сам вылез. Так и спаслся. Кто знает, как иначе бы все кончилось... вода-то под потолок...

Бежит Валя Каткова. Бежит и падает. Ее подхватывают под руки, поднимают, а ее ноги не держат, валится в грязь, в лужи, криком исходит. Никого у нее. Ни отца. Ни матери. Ни тетки. Ни дома. Ничего. Что ей сказать? Как утешить? Снова, чуть ли не силком подняли, поставили на ноги. Надо уводить. Куда угодно, но уводить. И быстрее. Хоть куда.

— Как это, «хоть куда», — вmeshалась Юлия Ивановна, — я пока еще жива, дом мой пока еще цел!

Так и пошли. Все в глине, босиком, на руках — Вальшу Каткова. Оглянулись — Терентьевы стоят. А Валерий с Терентьевым вместе работают. А прожили сколько лет рядом — это как? Нет уж, вместе — так вместе. Ну, мама, бабуля, Юлия Ивановна, принимай!

ДЖАЛЬСКАЯ, 28, ЧЕСНОВ

После работы старший шофер Кызыл-Кийского РЭС Виктор Афанасьевич Чеснов заехал в город за женой — Аня работала штукатуром в шахтостроительном управлении, — вместе отправились домой. Должен был зайти к ним Василий Николаевич Дергачев, с которым они когда-то кончали училище, и надо было приготовить ужин. Этим и занялись. Жили они по Джальской, 28, их корпус крайний, у самого первого моста, и мальчишки убежали смотреть на воду. Володя и Гена — близнецы, им по пятнадцать лет, они только что кончили восьмой класс, и впереди у них было увлекательное лето.

— Пап, там дома сносят, — ворвались они с улицы, — там что делается!

Чеснов высочил на крыльцо, глянул вокруг: Как он мог не сделать этого раньше! Он метнулся в комнату, схватил Аню за руку.

— На крышу!

— Я не могу, я боюсь!

— Да ты посмотри...

— Мальчишек, мальчишек...

Все происходило секунды. Мальчишки оторопело стояли на пороге, а через порог уже рвалась вода. Он вытолкнул их на крыльцо, на крышу веранды. Полезли дальше, на крышу корпуса, и то, что открывалось их взгляду, не имело названия. Впереди, за неузнаваемым теперь первым мостом, сносило частные дома. Они лопались, как хлопнушки, как картонные коробки, облачко пыли — и все исчезало в бугристом, яростно всклокоченном месиве ревущей воды.

Он обнял сыновей. Их была нервная дрожь.

— Папа, нас же спасут, да? Прилетят вертолеты, да? Они же должны прилететь, правда?

Он слышал, как под ними ухнула стена. Корпус затрясло, крыша накренилась, и они оказались в воде. Он прижал мальчишек к себе, но их ударило об ствол дерева, и больше он никого не видел. Он захлебывался, его тянуло вниз, он изо всех сил старался удержаться на поверхности, но тут его стукнуло бревном, стукнуло еще раз, и он опустил руки.

Мысли работали четко и холодно. Аня погибла. Тогда, когда ухнула стена. Погибли Вова и Гена, он это видел сам, почувствовал сам, когда его швырнуло на дерево и руки разжались. Теперь, когда никого не осталось, его собственная жизнь враз потеряла всю цену, а с нею исчез и страх за нее, ему стало все равно. Теперь, когда нечем стало дорожить, даже своей жизнью, он вдруг почувствовал странное облегчение и уверенность. Он осознал, что самое страшное с ним уже случилось и больше с ним ничего уже случиться не может. Сель уже не страшил его. Наоборот, возникло яростное желание сразиться с ним, ответить ему, хотя бы тем, что остаться в живых.

Теперь он действовал спокойно и расчетливо. Его тянуло вниз — он хватал воздух и уходил в глубину. Здесь меньше было досок и бревен, здесь можно было свободней работать руками. Когда легкие начинали вставать от удушья, он всплывал, набирал воздух, намечал себе нужное направление и снова нырял. Надо было держаться железнодорожной линии, чтобы выплыть к вокзалу. Если унесет к нефтебазе — там конец. Изорвет об ограду. Разобьет о баки.

Приловчился всплывать. Главное — руки вверх, чтобы не подставить голову под то, что плывет поверху. А поверху плыли и холодильники, и телеграфные столбы, и легковые машины. Плыли бревна, слошным косяком, как лежали в штабелях на лесном складе, так и поплыли. Он выбрал себе поменьше, обхватил рукою — надо было отдохнуть. Показался вокзал, он узнал его разве что по водонапорной башне, вода колокатала перед дыбачимся вверх завалом из шевелящихся бревен, и надо было что-то предпринять, чтобы не попасть в их жернова. Но он ничего не успел сделать, он только подумал об этом. Бревно, которое его несло, вдруг обо что-то ударилось, встало торчком и с размаху бросило его на самый гребень.

Там он и остался. Когда вода сошла — к нему смогли подогнаться люди. Он лежал на бревнах в пижаме и в туфлях, а больше ничего на нем не было. Его сняли с завала, отгнали от глины, переложили в сухое и отвезли в больницу. Кто-то из очевидцев крикнул: «От первого моста? Два с половиной километра, десять минут проплыл человек в этой камнедробилке, и ничего, живой!»

Живой...

Тамара Стороженко возилась на кухне, и смотреть на дождь ей было некогда. Она лишь иногда выглядывала в сторону веранды, где на пороге стоял четырехлетний сынишка и тянул ладошки под бьющие с крыши струи.

— Радик,— время от времени покрикивала Тамара,— я кому говорю, ну-ка в дом!

Скоро должен был прийти Юра, и Тамаре хотелось встретить старшего брата так, чтобы ужин был на столе. А тут этот дождь, и их, наверное, будет топить, и сейчас, конечно же, соседи будут стучать в стенку, чтобы она выходила и помогала отводить воду. Их всегда топнит во время дождей. Иногда вода поднималась даже до верхней ступеньки крыльца.

Постучали в стенку. Тамара убавила газ и выглянула во двор. Ее квартира расположена с западной стороны дома, ниже по течению Джал-Сая, и воды у них всегда заходило больше, чем на той, обращенной к дороге восточной стороне. Так и есть, дождь кончился, и двор, конечно же, «плавал». У калитки в одних трусах стоял по колено в воде сосед дядя Володя Петров, электрик по дедскому, и встревоженно озирался по сторонам. Он был явно растерян от невозможности что-либо сделать. Такой воды у них еще не было. А она все прибывала, поднималась прямо на глазах, она была странного, светло-кофейного цвета, она несла мусор и обломки досок. Из-за дома, со стороны дамбы доносился глухой, напряженный рев. Слышать такого шума еще не приходилось, а он все креп, все становился громче и яростней, нестерпимо хотелось выбежать, взглянуть, что там, за домом происходит, но не лезть же из-за этого в воду—такая вода могла и снести. Заскулила, звзляла соседская собака, и ее хозяйка, старенькая тетя Фея, охнув, упрямо заспешила с крыльца на помощь к своей дворняге. Дядя Павел, ее муж, стоял в дверях веранды и, приставив руку к рожку слухового аппарата, напряженно вслушивался в происходящее — наверное, надо было что-то делать. Но что?

Неожиданно рухнул забор. Сначала с одной стороны двора, потом — с другой. Из-за угла дома показались дядя Володя, высоко и поспешно взбрасывая ноги — очевидно, он пытался бежать.

— На крышу! — закричал дядя Володя.— Давайте на крышу! — Он выхватил у нее из рук Радика, и Радик, не успев даже испугаться, оказался на крыше веранды.

— Лезь! — приказал Тамаре дядя Володя. — Ну!

— Да вы что, куда мне...

— Лезь!

Она и сама не знает, как очутилась рядом с сыном. За ней последовал и дядя Павел, которому помог дядя Володя.

— Теть Фея где? — прокричал он в рожок инвалиду.

— Собаку пошла отцеплять!

Крыша веранды ходила ходуном, было слышно, как со стоном лопались стекла, трескалась штукатурка, выстреливали из пазов доски и стойки.

— Давай вверх! — снова скомаандовал дядя Володя, — быстрей, ну!

Она встала на четвереньки и, не чувствуя боли в коленях, ползла по жесткому, крутому шиферу вверх, к коньку крыши. Петров снова помог дяде Павлу и, взяв Радику на руки, полез следом.

— Ты чего? — прокричал он в слуховой аппарат остановившемуся старiku. — Не можешь?

— Струхи чего-то нет, — ответил дядя Павел, беспомощно оглядываясь назад. Петров посмотрел вниз, в сторону двора, но так ничего и не сказал. Только повторил:

— Давай вверх!

Дом дрожал, и Тамара никак не могла понять, что же все-таки происходит. Ну, наверное, крышу трясет потому, что дом все-таки старый, а они чуть ползут по шиферу. А добралась до конька, заглянула по ту сторону — глаза закрыла, так страшно было смотреть на то, что увидела. Через дамбу, поверх дороги на их корпус с ревом рухнула грязно-желтый вал воды и бревен. Бревна то и дело вставали торчком, вставали дыбом, ободранные, ошкуренные добела стволы и кроны деревьев вздымались и тут же падали навзничь, мгновенно исчезая в месиве прущего через насыпь селя.

Рухнул бетонный парапет. Он отвалился бесшумно, как в немом кино, отвалился с краем насыпи и накрыл теснившиеся под ним кладовки. Только пыль вспорхнула. И все. Потом вздрогнул дом. Это не выдержала обращенная к насыпи стена одной из средних квартир, и сел вломился внутрь дома. Было слышно, как трещали внутренние перегородки, затем вывалилась тыльная стена. Дом затрясало еще сильнее, зашатало, значит, поток пошел насквозь.

Тамара вскинула голову. Увидела высокие, недоступные село холмы Январского поселка и толпы людей на этих холмах, увидела красные пожарные машины на спуске к мосту, ей даже показалось, что она увидела Юру, метавшегося в бессилии у самой воды. Да, наверное, это был Юра. Еще бы не узнать брата, ведь до него — ну двадцать, ну тридцать метров — совсем близко! Но между ними был сел, и она понимала, что ни Юра, ни все эти кричащие на холмах люди им ничем не могут помочь.

ВЫЕЗД № 2

Что-то надо делать. Нельзя просто так стоять и смотреть, нельзя верить, что выхода нет и что люди на крыше корпуса по улице Хрипченко, 4 — обречены. Надо найти выход. Где он? Схвять на мост, насколько возможно, и попытаться перебраться лестницу на крышу корпуса? Но ведь лестница не достанет,

это каждому ясно, здесь надо две, три таких лестницы, тут и попробовать нечего. Пойти вброд, влечь? Со страховкой? Толку от этой страховки и от твоей габели! Ты нужен живой, и не только ко здесь, а оттого, что тебя накроет и что ты вроде бы до конца выполнил свой долг, этим людям легче не станет. Но ладно, бывает всякое, даже чудеса, возможно, ты до корпуса и доберешься. Зачем? Что дальше?

— Я на переговорный, — не выдержал Ионкин, — может, удастся дозвониться до Ферганы, вызвать вертолет...

Ему никто не ответил. Можно, конечно, и позвонить. Но что с того, если и удастся связаться, что с того, если даже прилетит вертолет? Во-первых, когда это будет, а во-вторых... Может, в кино это выглядит и здорово, когда бравые десантники скатываются с зависшей над землей машины по сброшенному вниз трапу, но представить на этом дергающемся, раскачивающемся над селом трапе женщин с детьми, пожилых, больных, а то и увечных людей было ничем не легче, чем появление самого вертолета — немедля, по первому звонку. Нет, рассчитывать надо только на себя. Вот что они смогут сделать — то и будет.

Вскочили на подножки машины. Потихоньку тронули вниз. Выхали на мост, сползли в сел по ступице колес, еще бы чуть-чуть надо было, но нет, дальше нельзя, вдруг урчание поднимется еще выше, и тогда сел прихватит их самих. Все. В самый раз. Между мостом и корпусом, под самой дамбой, рядом с разваленными, сматыми кладовками виднелся небольшой аккуратный домик, почти у самого русла Джал-Сая. Он и уцелел-то пока именно потому, что труба моста оказалась забытой завалом, и сел пошел через дамбу, там, где она была пониже, то есть ближе к железнодорожному путю. Но и так — под крышу. Дом — ходуном ходит, выстоит, нет? Ладно, думать об этом некогда, лестницу на домик!

Опустили лестницу на домик. Хорошо, что загнали машину прямо в воду, а то могло бы лестницы и не хватить. Хватило. Переправился на домик. Человек восемь набралось. И не только из пожарных. Рашид Карабашев, мастер-взрывник из шахто-строительного управления, помочь вызвался, Забих Рахматуллин из горгаза, Козу Ташпулатов, третий секретарь горкома партии...

Тесно на домике. Сбросили шифер, обрешетку сломали — стало посвободней. А вода по ногам хлещет, лица захлестывает, плеск, грохот такой — своего голоса не слышишь, не то что чужого. Домик раскачивается, сотрясается под напором, звать бы еще, что за стены у него: саман, каркас, кирпич? Хоть бы кирпич оказался, недавно, кажется, строили — должен выдержат!

С домика начали бросать веревку на корпус, чтобы потом перетянуть лестницу. Юрка Стороженко торопит, сам рвется все сделать — еще бы, сестру на крыше видит, Радьку, племянника своего. Да и не в них одних, конечно, дело, они ведь там не одни! Из квартир, веранды и окна которых выходят к дамбе, люди

не все и высочайше смогли: спохватились — а двери уже не откроешь, селам забиты. И вот видно, как стоят они на подоконниках, как бьются об оконные решетки, как кричат и тянут руки сквозь деревянную обрешетку заваленных плавником террас. Нет, нет, смотреть на это незачем и некогда. Надо просто делать дело. Надо забросить веревку на крышу корпуса, где сидит на самом краешке и ловит ее Тамарин сосед — дядя Володя Петров. Попытка, вторая, третья — ладно, они попробуют иначе, они опускают десятиметровую лестницу прямо на руках, лишь привязав к верхней перекладине спасательный конец. Юрка — словно так и должно быть — прошел первым, закрепился, за ним перебрались все остальные. Дети! В первую очередь детей! На руках у Юрки оказался чей-то ребенок. Не оглядываясь, пошел на домик, потом — на машину, кому-то передал, скорей назад. Навстречу — несут Радьку, других пацанят, теперь очередь за взрослыми. Но их на руках не понесешь, а сами они бегать по пожарным лестницам как-то не привыкли. Лестница узкая, женщины лезть боятся, пришлось рядом положить еще одну десятиметровку — все-таки пошире. И опять люди боятся — пролет большой, лестницы прогибаются, ходят из стороны в сторону, а под ними — ревущее месиво жидкой глины и бревен. Тогда положили лестницы одна на другую — стало жестче. Да и деваться-то некуда, полезли люди. И Тамара переползла. На коленях, кое-как выбралась. И другие женщины. А дядю Пашу пришлось тащить на руках. А до других надо было еще добраться самим, чтобы уж потом — тащить. Одиннадцать было таких — тяжелых. Одну женщину просто случайно заметили, заглянули с крыши под карниз, а навстречу — ее глаза. Она и кричать уже не могла. Бревнами приперло к стенке, только голова над бревнами. Да рука. Рукой за карниз держалась. Или бревна ее держали? Не подлезть, не подступиться, но все-таки домами раздвинули. Вытащили — живая, теперь быстрее в «скорую», благо, машина на бугре уже белеет. Вернулись, спустились в угловую квартиру, а там — двое. На кровати — полностью парализованная женщина; рядом — муж, совсем потерявший голову от невозможности что-либо предпринять. Больная — грузная, лежит без движения давно, тут не то что одному — вчетвером как бы поднять. Да и куда? Вода поднимается, угол уже развалило, медлить нельзя. Через верх? Прорубили потолок, обвязали большую веревкой, вытащили на чердак, на крышу. Дальше — проще, переложили больную на носилки. Но опять-таки вдвоем носилки не поднять, а вчетвером, да по лестнице — как?

Перетаскивали лестницу на угол веранды. Теперь пролет стал короче, а поверхность селя — вот она, хоть поджмиай ноги. Но из воды кое-где торчали верхушки завалов, и на них в крайнем случае можно было то опереться, то ступить ногой. Так и двинулись. Мисир-Оглы Али и Юрка Стороженко, Нусур Матраимов и Джумабай Ниязалиев. Десять метров — десять минут. Как — непонятно, но перенесли. Отдохнуть бы, боевки мокрые,

но не только от селя, но и от пота, ан нет, надо снова идти на корпус, за которым, за редкой чередой деревьев — детсад. Детей там, кажется, нет, кого — успели разобрать по домам, кого — вывести, а проверить надо. И потом — тетя Феня. Надо посмотреть ее еще и еще раз. Вот ведь как — не смогла она оставить собаку на привязи, не смогла и все. Стоило ли рисковать жизнью из-за собаки? Конечно, не стоило. Но это теперь рассуждать можно, а она не рассуждала. И только ей это было ведомо, правая она или нет. Да и кто знал, что происходит, что произойдет через минуту?

С крыши корпуса бросили веревку на ближайшее дерево, зацепились. Вдоль веревки пошли к дереву, потом дальше, от ствола к стволу, так добрались до детсада. Тут воды оказалось меньше, в комнатах — вовсе не выше метра, словом, удалось осматреть все без особых хлопот. Никого. Вернулись к корпусу, позвонили, поискали тетю Феню — тшетью. Что ж, надо уходить. Двадцать пять человек вытащили из селя. К одному — не поспели. Здесь не поспели, на улице Хрипенко, 4. А в других местах? Но что же теперь об этом? Что смогли — они сделали.

Свернули лестницы. Задом выехали наверх, на бугор, на заповенную народом пригостиничную площадь. Надо бы в часть, переодеться или хотя бы смыть грязь, — ан нет, сегодня это, на верное, не получится. Топит в районе Спортивной. Топит дома, людей, надо ехать.

— Али, — крикнул начальнику караула Ионкин, стоявший возле группы городских руководителей, — только с умом действовать, слышите? Себя, машину не потопите, еще пригодиться! Выехали на Спортивную. Дома в этом районе, действительно, «плавали», по подоконник, но вода — уже спала, сходила, являя взгляду грустные картины своего хозяйничанья, но прямой опасности для людей теперь не представляла. Решили вернуться в часть и тут, у нижнего переезда, почувствовали сильный запах бензина. Да что запах! Над затопленной нефтебазой дрожало и переиздавалось сизоватое марево бензиновых паров. Спешно предупредила милицию. Милиция оцепила опасную зону. Через переезд пробирались люди, стараясь попасть, наконец-таки, домой, кто в северную часть города, кто в южную, и не дай бог, если кто-нибудь бросит окурки или чиркнет спичкой. Этого только сейчас и недоставало — пожара на нефтебазе.

С тревожным чувством вернулись в часть. Оперативные время — 21 час 25 минут. Ионкин вызвал на построение, разобрал действия караула, поставил задачу. Задача простая — повышенная готовность. Сейчас начнется: откатка подвалов, складов, да мало ли чего. Покурили. Перевели дух. Юрка Стороженко побежал домой переодеться — в третий раз за минувшие два часа, ведь, конечно, считать и баню. Неужели сегодня, всего лишь двести часов назад он занимался тем, что ходил в баню, и что на сегодня был назначен ужин у Тамары? Как она теперь? И думая об этом, натягивая сухую боевку, он вдруг услышал встревожен-

ные голоса, тотот сапог, рев выезжающих со двора машин. Одна. Вторая. Третья! А третья в их маленькой части — это уже резервная. Так что же, выезд по повышенному номеру? Выезд № 2? Юрка выскочил на крыльцо. Так и ест! В районе переезда, над нефтебазой, над всей нижней частью странно притихшего, словно замершего города вставал в небо грибообразный столб черного дыма, подсвеченный снизу бурным венцом огня.

УЗЕЛ СВЯЗИ

Первый звонок в кабинете председателя Кызыл-Кийского горисполкома Омуркуловой раздался в 19 часов 15 минут. Сабир-а Омуркуловна всегда оставалась после работы — спокойно разбираться в делах и бумагах, осмыслить отсылкавший людьми и заботами день, еще раз спланировать и расписать другой. Когда-то казалось, что с годами, опытом работать будет и легче и проще, а уж первоочередных проблем наверняка будет меньше — ведь столько делается, строится, создается...

Звонили с рудника, взволнованный голос сообщил о том, что вода с гор заталкивает Красную чайхану. Красная чайхана — это на Четвертой шахте. Шахту давно закрыли, но постройки остались, и среди них — чайхана, в которой за наименеем другого подходящего помещения привыкли не только пить чай, но и проводить всяческие собрания, встречи, вечера. Отсюда пошло и название, и известность ее среди кызыл-кийцев, а теперь чайхане надо было как-то помочь. Позвонила начальнику ВГСЧ¹ Зарышеву, попросила выехать на рудник. Тут же, все более тревожась, позвонила в детсады у нижнего и верхнего переездов — не остались ли еще там дети приподзавших родителей?

Какие-то непонятные крики, топот ног куда-то бегущих людей. Горисполком занимал второй этаж, горком партии — третий, на первом — горком комсомола. Пока спускалась, пока выходила на площадку, из отрывочных фраз и возгласов вокруг поняла, что со стороны Джала идет большая вода, что топят улицы Первомайскую, Хрипенко и Солинышко, ну и конечно, сам Джал.

— К гостинице. Это туда все бегут?

Шофер кивнул головой. Ехать два квартала, а показалось — вечность. У гостиницы, над спуском к переезду — толпы людей. Она еле пробилась, чтобы заглянуть вниз, в долину Джала, откуда несся такой все нарастающий гул. Кричали женщины, и от этого становилось вовсе не по себе. Вмesto знакомой панорамы железнодорожных путей, переезда с ярко расцветченными ограждениями и светильниками, вместо разбросанных то там, то здесь складских территорий, крыш, урюковых кроен и жилых домиков увидела стремительное течение мощной желто-бурой реки, захлестнувшей долину Джала метров на двести, от склона до

склона. Река водопадом рушилась через мост и дамбу моста, а там, на крыше барака, выдвинулись фигурки людей, в последней надежде вцепившихся в конек крыши. Увидела рядом с собой первого секретаря горкома партии Малова, секретарей Прокопенко и Ташпулатова. Что-то надо делать, действовать, но что, как?

— Я — звонить, — бросила она Малову, — может, удастся вызвать вертолет? — Побежала к гостинице. Телефон не работал. Вернулась на бугор, чувствуя свое бессилие и растерянность: «Надо взять себя в руки. Что я мечусь? Надо идти на узел связи, надо дозвониться до Оша, до Фрунзе, вот что сейчас главное — связь!»

Телефонная станция рядом, сразу же за гостиницей. Связи нет, где-то порвало линию, люди ушли ставить столб, и она прощелкала с мертвой трубкой в руке час пять минут. Когда трубка ожила — она услышала голос Маши из приемной обкома.

— Маши, у нас идет сель, — сама чуть не заплакала, — у нас унесло пол-города, гибнут люди, нужен срочно вертолет, ты меня слышишь?

Позвонила во Фрунзе, в приемную первого секретаря ЦК Компартии Киргизии. Турдакун Усубалиевич Усубалиев был, как всегда, на посту. Стараясь сдерживаться, рассказала о том, что происходит, чувствуя, как совершенно нереально, неправдоподобно, невообразимо звучат ее слова.

— Будьте у связи, — услышала она встревоженный голос Турдакуна Усубалиевича, — докладывайте мне каждые пятнадцать минут. Назначьте связных. Пошлите людей по городу... Мы будем принимать меры...

С этого момента, несмотря на поздний вечер, в республике оперативно и четко начала разворачиваться работа по оказанию неотложной помощи кызыл-кийцам.

Надо было еще предупредить Фергану. За двадцать километров силу свою сел, конечно, потеряет, но предупредить надо, ведь ферганцы — ниже по течению. Омуркулова позвонила им в штаб гражданской обороны. Невероятно! Дежурный отказался тревожить начальника штаба: «Они отдыхают». Даже задыхнувшись от неожиданности, от возмущения, но объяснить было некогда, перезвонила в Ферганский обком. Там все поняли. Сразу. Теперь можно было перевести дух.

МАЛОВ

Такое чувство он испытывал, может быть, лишь в годы войны, во время массированных налетов, когда на батарею с раздирающей душу воем и грохотом пикировал «юнкерс-88». А он, девятнадцатилетний ярославский парень Толя Малов, с батареей этой, из ровиков ее, из-под гибельного пучка устремленных к земле пулеметных и пушечных трасс, из-под черной капли прямо на голову падающих бомб им вправо, ни влево, ни вперед, ни назад ступить никуда не мог. Но там некогда было оглядывать-

¹ ВГСЧ — воензанированная горно-спасательная часть.

ся ни на небо, ни на вздыбленную вокруг взрывами землю, некогда было ни прятаться, ни гнаться, там все было на равных, там было — кто кого, ведь если «юнkers» был по батарее, то и батарея была по «юнkersу», от нее тоже что-то зависело, от каждого из четырех ее стволов, от каждого артиллериста, начиная с наводчика и кончая установщиком взрывателя, которым как раз и был девятнадцатилетний Толя Малов. Снаряды лежали в ровнике, за каждым надо было метнуться, каждый схватить под руку, прижать к левому боку, а правой рукой, к пальцам которой ключ прикипел, как навсегда, скрутить, поставить на нужное деление головки, в зависимости от команды, от системы огня. А в каждом снаряде — шестнадцать килограммов. А каждая минута боя — это двадцать выстрелов. И надо было вертеться чертом, чтобы поспеть за расчетом, чтобы рука заряжающего не хватала воздух, чтобы «юнkers-88» все-таки не выдержал бы, хватал в сторону, чтобы настала наконец-то минута сесть на землю и рукавом ли, шапкой, ветошью ли какой вытереть мокрое от пота, черное от гари лицо. Да, там что-то зависело и от ядрового. Здесь он вынужден был до поры до времени стоять, рискуя в своей бездельности показаться людям то ли совсем растерявшимся, то ли вконец и ко всему безразличным человеком. Вот валится железобетонный столб, по которому все еще карабкается вверх какой-то пареня. Вот ощерившийся бревнами вал воды рухнет с насыпи моста на барак по улице Хрипенко, 4, а там, на крыше этого барака, кричат люди, для спасения которых пожарные пытаются и все никак не могут навести лестничную переправу. Почему он не вмешается в действия хотя бы тех же пожарных? Почему он, первый секретарь горкома партии, человек, от решений которого так много в городе зависит, все еще медлит?

Когда-то лет двадцать назад, будучи совсем молодым инженером, он работал на одном из горных рудников. Была планерка, сидели у начальства, и вдруг кто-то вбежал и крикнул, что «ухли хвосты». Все выскочили на улицу. «Хвосты» — это прошедшая через обоганительную фабрику жидкая пульпа измельченной в дробилках породы, из которой извлечена руда. «Хвосты» сбрасывают в специальные отстойники, окружают валами насыпей — складывают. В чем-то ошиблись проектировщики. Остальное довершили прошедшие накануне дожди. При ясном небе, солнечным днем, прорвав «задышавшую» вдруг обваловку, «хвосты» ринулись вниз по ущелью, снося мосты, настигая ничего не подозревавших прохожих. А они, горняки, бежали следом, как-будто этот, не без их невольного участия возникший сель можно догнать, остановить, словом, что-то поправить или хотя бы предупредить. Но поезд уже ушел. И тех нескольких прохожих, оказавшихся на смыштой селом горной дороге, уже не вернуть. Можно только восстановить разрушенное. Можно только впредь хозяйствовать на земле так, чтобы сель никогда и никого больше уже не настигал.

Настиг. И следом бежать — еще бессмысленней, чем двадцать лет назад. Здесь гибли не где-нибудь — в своих домах. Сколько? Сколько останется без крова? Сколько останется лишь я том, в чем выскочили, благо, что еще никто не лег спать и все были на ногах. Чем, как помочь? Куда селить, и уже сегодня? Город и раньше не мог похвастаться излишками жилья — но как быть теперь? Что со светом? Через сколько часов его можно дать хотя бы по временной схеме? Что с водой? Ведь если селы порвал с таким трудом и совсем недавно продолженный по Джалау трубопровод — тогда город остался без воды надолго, а как быть? Чем хотя бы обмыть вытасенного из селя человека? Где взять хотя бы стакан питьевой воды — ведь в городе нет ни одного колодца. Пока они что-нибудь сделают — люди будут брать воду из луж, из того же Джала. Будут, и особенно — дети. А ведь в этой воде — содержание всех выгребных ям, всех уборных и свалок, оказавшихся на пути селя, трупы сотен животных и домашней птицы, да еще в такую жару! Это сразу болезнь, эпидемия, значит, нужна не только вода, нужна хлорка, причем в огромном количестве — кто бы сказал ему всего лишь полчаса назад, что вдруг возникнут такие вот проблемы, к которым неизвестно с какого боку и подступиться?

Что с предприятными? Ведь теперь встанут даже те, что находятся вне селевой зоны, и в первую очередь — шахта. Она встанет, даже если дать свет, дать воду, даже если ни в чем не пострадала сама — что проку от всего этого, если под селом оказалась ее железнодорожная ветка? А уж что с этой веткой теперь будет, станет ясно, лишь когда сойдет вода.

Что в зоне затопления? Отсюда видно, это улицы Краснопартизанская и Джамбула, Токтогула и Баялинова, это Джальская и Солнышко, Первомайская, Хрипенко — полгорода! Это мисокомбинат и молокозавод, база хлебопродуктов и железнодорожная станция, это межрайонная база потребительского, это десятки складских помещений с ценностями на миллионы рублей, это нефтебаза, это лесосклад, впрочем, лесосклады уже нет, вон он, плывет. Плывет цемент, уголь, трансформаторные подстанции и чайные сервизы, туалетное мыло, крепежный лес, холодильники и пылесосы, вперемешку с крышами домов и телеграфными столбами.

Да, конечно, это не война. В 45-ом он побывал в Смоленске и Минске, он знает, что такое развалины. Он видел Варшаву. Варшаву, в которой были разрушены даже развалины. А еще раньше, в 43-м, когда после формирования в Казани их 1872 бесконечно-артиллерийский полк направили на фронт, он видел бесконечную череду проливающих мимо состава сожженных станций, поселков и деревень, после зрелища которых, кажется, уже ничто не могло обжечь или потрясти человеческую душу.

Но то была война. Кто бы ему сказал, что через полчаса у него в городе, у него на глазах будут рушиться дома и погибать люди? Что делал он полчаса назад? Полчаса назад он был у се-

бы в кабинете, собирались ехать на рудник, на расположенный там избирательный участок: 19 июня выборы в местные Советы. Телефонный звонок настиг его уже в дверях. Снял трубку — вот те на, топит избирательный участок.

— Анатолий Михайлович, — говорит шофер Курбаналы Алимамедов — парень расторопный, бывалый, — давайте в дедсад заскочим, у моста, что у них там?

Заскочили в дедсад — детей там уже не было. Поехали по Октябрьской, а навстречу — вода, в лоб, до метра.

— Назад, давай с Джала, может, проскочим?

Еле развернувшись, Курбаналы погнал на Джал. Там тоже была вода, но все же долина была пошире, и им казалось, что проедут. А в район корпусов въехали — навстречу вал. Как развернулись, как успели убежать — все в тумане.

Вернулись в горком. Распорядился срочно созвать всех руководителей предприятий, весь актив. Нефтебаза покоя не давала, поехал туда — надо было организовать хоть оцепление, — там же такой людный и оживленный перекресток! Вернулся к гостинице, к верхнему проезду. Ну и все, город разрезан надвое, уже нигде не проскочишь, ничего не сделаешь.

Омуркулова на узле связи. Об их беде все знают. Через час здесь будут руководители области. Через полчаса, ну пусть через час, но вода спадет и — срочно приниматься за работу. Итак, с чего же все-таки начинать? Тем более, когда неизвестно, чем все кончится. Ну вот, так оно и вышло. Нефтебаза горит!

АЛЛО, РИЗЕН, ЧТО У ВАС ТАМ С ВОДОЙ?

Должность начальника горводоканала хлопотная везде. Ну, а в таком среднеазиатском городке, как Кызыл-Кия, — в особенности. Город разбросан по горам, по долам, и если старые улицы жался по балкам, прячась от жары и безводья, то новые — Январского поселка — смело вымахали вверх, на плато, на простор, где отродясь не бывало никакой воды.

А теперь ее дай! И не только в уличную колонку, но и в кухонный край, даже если он на четвертом этаже крупнопанельного, многоквартирного, с раздельными ваннами и санузлами. А эти обязательные ныне «удобства» без воды тоже пока функционировать не могут. А при каждом доме, своем или государственном, пусть небольшой, но садик. Значит, опять-таки давай воду.

В Кызыл-Кие всегда было плохо с водой. Когда-то даже железной дороге возили, из Кува-Сая; старжили — те помнят. Затем появилась водоканала Анхор. Поставили ее не от хорошей жизни, но и она по тем временам достижением казалась — водопровод все-таки, шаг вперед. На том временно и остановились. А там и привыкли. Все мысли вокруг угля, шахт вертелись — вот главное. Быт — ладно, это со временем, хотя, как это станет ясно, ссылки на время не всегда являются убедительным оправданием.

Вода к насосам станции Анхор поступала из арыка Анхор. Арык брал начало в Исфайрам-Сае, им орошались массивы хлопчатника и садов в окрестностях Кызыл-Кии.

Так что горожане, стоило им повернуть водопроводный кран, тут же и безошибочно узнавали о том, производится ли поливы на хлопковых полях, идут ли в горах дожди, началось ли с летней жарой в верховьях Исфайрам-Сая обильное таяние снегов и льдов. Расстояние от Кызыл-Кии до Исфайрам-Сая небольшое, километров семь. Не всякий, даже привычный ко всему человек рискнет пить такую воду, пока та не отстоится — раствор! Да и той никогда вдоволь не было, днем краны лишь зло шипели, а уж о верхних этажах или о домах, которые стоят повыше да на холмах, и вовсе говорить нечего — вода там бывала не чаще больших праздников. А если учесть, что в разводящей сети даже мало-мальского порядка никогда не было, что каждый горожанин, у кого под окнами или во дворе росло что-то зеленое, старался всеми правдами и неправдами подвести воду, поставить сток, то о каком нормальном водоснабжении могла идти речь без самой радикальной переделки всего нагорженно-то, а то и вовсе без строительства нового водопровода?

Вот почему каждой весной, едва солнышко начинало пригревать по-кызыл-кийски, начальник горводоканала Ризен шел по утрам в свою контору как на лобное место. Еще бы, приемная уже полна народу, а стол завален заявлениями и жалобами, а делом ответить на все эти заявления трудно, а пока во многом и невозможно, и при всей своей уравновешенности, выдержке Василий Давыдович не раз прокричал про себя тот день и час, когда согласился, поддался на уговоры Малова сменить кажущуюся теперь такой райской должностью автобазовского механика на горводоканаловскую голгофу.

Правда, этим летом появилась надежда на легкую жизнь. Ду-мал, наконец-то не будет очереди в приемной, жалоб на бездельников из горводоканала в адрес самых высоких инстанций. Не обманул Малов. Сам занимался новым водоводом. Сам был снабженцем, ходатаем, бегал по инстанциям и висел на телефоне, сам сидел над проектно-сметной документацией, благо, прежде чем стать партийным работником, многие годы проработал ридовым инженером горнорудного производства. Нет, большую работу они сделали, кызыл-кийцам такая вода и не снилась. Из горной долины Таштек. Из артезианских скважин. Две нитки водовода разного сечения — 600 и 300 миллиметров. Да еще одна — на шахту Ленинского комсомола — жить можно. Навести порядок — и никаких проблем.

Начавшийся дождь тоже большой проблемой не показался: ну, затопит старую станцию Анхор. Так ее всегда топит. А теперь, когда бывшее свое значение водоканала потеряла, это и вовсе не страшным показалось. Да и что сделать, насосная «посажена» низко, так что вся вода с окрестностей — ее.

Ну и дождь! Горводоканал в южной части города располо-

жен, на горе, но и тут вода по всей территории глину, песок тащит. Что же там, внизу, делается?

Сел в лутучку, за рулем — Пармян Мамарасулов, поехали на Анхор. Так и ешь, подходи водичка, и станцию надо спасать. Какая ни есть, а все же работает, пользу приносит. Назад за шитами, чтобы выгородку сделать. Привезли, а уже поздно.

Вернулись в контору. Пока телефон работал, пошли звонки: «Алло, Ризен, что у тебя там с водой?» Вот так, город топит, а воды в городе нет. Сель идет из Джал-Саа, а новый водовод уложен по Джальскому ущелью. Но ведь там труба — шестисотка, ну жели ее могло поврать?

Верхними улицами добрались до Дворца культуры, там свернули на Октябрьскую. По Джальской улице было не проехать, да и по Октябрьской вода большая шла, еле проползали. Выше стало полегче, через бугор перевалили в долину Джал-Саа, поехали по улице Токтогула. Собственно, эта улица является верхним продолжением Джальской, и за ее крайними домами долина Джал-Саа превращается в узкую скальную теснину, прорезанную ручьем сквозь горную гряду Чал-Таш. Теснина — как горловина воронки, направленная в сторону Кызыл-Кия. А сама воронка выше — это межгорная впадина Таштек, просторная, округлая, как чаша, замкнутая с запада и юга склонами гор Гаузан и хребта Чимкай-Тоо. Впадина открыта только на восток, со стороны ущелья Абишар-Сай. Туда, в Абишар-Сай, течет небольшой ручей — Кызыл-Булак. Есть небольшой водосток из Таштека через горы Чал-Таш и по ущелью Джин-Джиган — по этому ущелью проложен водовод-трехсотка на шахту Ленинского комсомола. Но самая значительная часть впадины и ее склонов относится к бассейну Джал-Саа, и этого водосбора всегда с избытком хватало для того, чтобы после даже обычного дождя сонный, пересыхающий Джал-Сай в считанные минуты вдруг превращался в эдакий лихой горный поток.

Ливень превратил его в бедствие. А скальная теснина, собрав всю опоркинувшуюся на Таштек воду в кумулятивный снаряд, в упор всадила его в город. Невероятно, но крайне, расположенные у самого выхода из теснины дома почти не пострадали. Ничем не сдерживаемый сель пронесся мимо, только аккуратно расчесав травы, уложив параллельными прядями стебли малинников. Вода вздулась ниже, запутавшись в садах и изгородях, в заполонивших пойму сарайчиках, пристройках, среди стиснувших ее насыпей и мостов. И чем больше преград навстали люди на ее пути, озабоченные только сиюминутными, каждодневными хозяйственными хлопотами, тем безудержней и жестче становилась ее ярость.

Едва миновали крайние дома, уткнулись в свежее, еще заподненные илом промони. Асфальт был содран, машину пришлось оставить, стали пробираться своим ходом. Три часа назад дорога проходила здесь по плоскому дну теснины, рядом с дорогой были уложены трубы водоводов, сбоку, отжатый к склону

насыпью, мирно шелестел Джал-Сай. Сейчас он клочок в непроходимом, с отвесными, обваливающимися бортами овраге, а остатки асфальта, рваные жерла трубы-шестисотки висели где-то на пятиметровой высоте. Труба-трехсотка и вовсе была разорвана в звенья, ее обрывки были то уложены один на другой, то оказались под толщей грунта, то, наоборот, невесть как очутились на скалах, где их, понятное дело, никогда не было. Шестисотку сель исковеркал на протяжении 500 метров. Трехсотку — и того больше. Водовод Таштек-Кызыл-Кия практически перестал существовать.

СТАНЦИЯ КЫЗЫЛ-КИЯ

Уклон путей на железнодорожной станции Кызыл-Кия — двадцать тысячных. Это много, вагон без башмака уже не оставаться — «убежит». А если ветер, мокро — тем более крепить нужно, словом, горная станция. А чуть дождь — сразу топит ее, в самой низине расположена. Вся вода, что с окрестных холмов, с проулов горных, а главное, по Джал-Саю сходит — вся к ним. Даже привыкли к «потогам». И потому, когда началась дождь, начальнику станции Сали Хусанову долго раздумывать над своими действиями не пришлось: срочно перевести вагоны и маневровый тепловоз ближе к станции, на первый путь, закрепить их — этим-то они немедленно и занялись.

А полоскала! Вымокли мгновенно, да и как не вымокнуть — с десятого пути первого не видно, здания станции не видно, шум, плеск такой, что голоса не слышно, гула колес не слышно; хорошо, что каждый знал свое дело, и говорить, приказывать что-то нужды не было.

На смену в этот день заступили дежурный по станции, секретарь парторганизации Владимир Ильич Ситников, машинист тепловоза № 6126 Мамат Абдукадыров, его помощник Мумин Мамаджанов, главный кондуктор Лукман Муйдинов, стрелочники Люба Коваль, Александра Давыдова, Дарья Юркина — люди все надежные, проработавшие на станции не один год. Он, Сали Хусанов, здесь с 1969 года. Так он тут один из самых недавних. А у большинства — по двадцать и более лет стажа, держатся люди на станции Кызыл-Кия, не очень-то привыкли бегать с места на место. Иногда спрашивают даже: что у нас тут, медом, что ли, помазано? А какое — медом? Угольной пылью — это верно.

А ведь что-то держит людей. О такой шутке, как текучесть кадров, они и знать не знают. За последние десять лет ни одного специалиста со стороны не приняли — все свои. Откуда? Ну вот, Мурза Машаренов. Парничкой пришел, со стрелочника начал. Потом армия. Отслужил — снова сюда. Послали учиться, кончил Самаркандский железнодорожный техникум, сейчас — начальник смены. Начальником смены, дежурным по станции работает Раиса Колеганова. Тот же техникум кончила. Так же начи-

нала, со стрелочницы. С кондуктора начал заместитель начальника станции Ибрагим Тешебаев. Со слесаря — будущий заместитель по грузовой работе Хасанбай Рахимов. Он еще в техникуме учился, а кем будет работать — уже знает. Девять человек занимаются сейчас в техникуме. Трое — в училище. Один — в институте. И всех направила на учебу станция. Дело — не в дипломах. Дело — в коллективе. А он есть. Люди это знают, чувствуют. И дорожат.

Сам Хусанов не здешний — маргиланский. Там — родные, мать, там прошло детство, которое всегда остается детством, пусть даже ты и рожден в 1941 году. Отец работал грузчиком на железной дороге. Так что сколько Сали себя помнит, он помнит — и это никогда не уходило из его жизни — мерное подрагивание земли под тяжестью катящихся мимо пулыманов, серный запах горящего угля, смолу разомлевших под солнцем сосновых бревен, лягз, звон буферных тарелок, печальный голос рожка, красные, желтые, зеленые зрачки сигнальных огней.

Все это было родным. Родными были люди, с которыми отец работал и ближе которых никого не оказалось, когда отец умер. Надо было думать о куске хлеба, и Сали пришел на железную дорогу. Был стрелочником, сцепщиком, дежурным по станции. Работал и учился, кончил Самаркандский техникум, получил назначение в Кызыл-Кию. Говорили — год поработаешь в Кызыл-Кие, переведем в Маргилан. И вот чуть ли не десять лет прошло, а он все здесь.

Впрочем, Маргилан не так уж и далек, а поезд, автобус всегда под боком. Вот и сегодня жена собрала ребятшек, приехала, приделась сама и уехала проводить мать. Как хорошо, что Эхтебархан уехала. Словно предчувствовала что-то!

Вовремя они перегнали вагоны на первый путь. Такой воды в Джал-Сае никто из них еще не видел, а уровень ее все поднимался, буквально на глазах. Вокруг территории станции был забор, ограда подпруживала, задерживала на путях воду, и они решили открыть нижние, в сторону уклона, ворота. Ворота не открывались, их уже забило мусором. Решили ударить тепловозом, погнали тепловоз, ворота поддались, но вода с территории все же не сошла, наоборот, ее становилось все больше и больше. С трудом, уже не видя рельсов, вернули тепловоз на первый путь. Он оказался в хвосте состава, а сам состав протянулся навстречу все прибывающей и прибывающей воде. Сали взглянул вверх по течению Джал-Сая, и то, что он там увидел, заставило его сорваться на крик.

— Всем покинуть станцию! Приказываю покинуть станцию. Мамаджанов, приказываю покинуть станцию!

Мумин, помощник машиниста, недоуменно взглянул из кабины своего № 6126 и увидел то, что мгновение назад увидел Сали Хусанов. Он скатился по тепловозному трапу вниз, в воду и уже не мешкая, не дожидаясь повторного приказа, бросился прочь от путей.

Невыносимое зрелище. Невыносимое и невероятное! По путям к Джал-Саю, захватывая крыльями всю долину, от улицы Хрипенченко до Первомайской и даже Школьной, на станцию двигался взгорбленный, весь в воронках и всплесках, весь наштампованный и оштеннившийся бревнами желтый вал взбесившей воды.

— Лесосклад поплыл, — машинально отметил про себя Сали Хусанов, — ну, сейчас...

Теперь они остались вдвоем, Мамат и Сали. Машинист — не мог оставить тепловоз, начальник — станцию. По пояс в воде он добрался до диспетчерской — надо было позвонить в Фергану, в Коканд, в Ташкент, по всей дороге, всем, кто его слышит. Станцию топит! Город топит. Ему приходилось кричать, чтобы перебить нарастающий рев селя, и он кричал, а сам вслушивался в нестерпимое дребезжанье стекол, в гул и дрожь земли, будто к станции подходил бог знает какой тяжелогрузный состав.

Связь прервалась. Хорошо все-таки, что Эхтебархан с детьми далеко отсюда. Сали вышел из диспетчерской на перрон и его тут же сбило, понесло, швырнуло к водонапорной башне. За что-то схватился. За что-то цеплялся, полз вверх. Потом, проходя мимо, он всякий раз будет недоумевать, как ему удалось взобраться на башню. А он взобрался, Мамат соврать не даст, Мамат это видел. С башни Сали увидел Мамата, тот растерянно выглядывал из кабины тепловоза и явно не знал, что делать, на что решиться.

— Двигатель! — закричал Сали, — заводи двигатель! Держи состав!

Понял Мамат, нет? Ведь ничего не слышно! Ага, дымок поплыл над водою, работает дизель, теперь — держать! По составу прошла судорога — сель ударил в хвостовой порожок. Устоят вагоны, нет? Лишь бы их не сбросило с рельсов, лишь бы выдержать первый напор. А там состав устоит, ведь это же целый состав, а там Мамат удержит, ведь не игрушка — вся мощь тепловоза в его руках, а уж кто-кто, но Мамат Абдукадыров обращаться с нею умеет. Да и вода спадет. Ну сколько она может валить. Откуда она взялась такая, ведь не на море же они, не на Амазонке, не на Амуре, ведь это же вечно безводная Кызыл-Кия, ее Джал-Сай, ее адыры!

Стоят вагоны. Ходуню ходят, но стоят. А бревна, заклиниваясь между ними, между ними и зданием вокзала, то там, то здесь образуют заторы. Заторы превращаются в завал. Завал с грохотом и визгом растет прямо на глазах, громаднее из встающих на дыбы, лезущих вверх, вылетающих, словно выстреленных из воды бревен. Бег селя сразу смолался, и чем тяжелей катила теперь его буря лава, тем легче укладывались, замирали бревна, тем выше воздвигались зловеще подбескивающие жидкой глиной рязи и надолбы, доставая под сабейный карниз вокзальной крыши. Потом они полезли выше крыши. Потом гребень завала поднялся над крышей метра на полтора. Потом вода начала медленно спадать. Сали полз с водокачки, и ему удалось это не без

риска свернуть шею и с большим трудом. Правда, было очень светло. Горела нефтебаза. Она была совсем рядом, но разглядывать, что там творилось, или бежать на помощь Сали не мог. То и дело поскользываясь, то и дело рискуя переломать ноги и руки в этом жутком, залитом скользким илом переплетении крепкого леса, деревьев, рельсов, шпал, труб, кабелей, проводов и бог знает чего еще, Сали полез на гребень завала. Завал делил территорию, пути, состав, здание на две части, а Сали надо было все видеть. Потому что в вагонах были грузы, а в здании — деньги и документы строгой отчетности. Пришли люди, он смог выставить охрану, но так всю ночь и просидел на завале, глядя на блуждающие меж темных домов фонари спасательных отрядов и войнов, а также на то, что это совсем недавно было маневровыми путями, грузовой площадкой, пассажирским перроном — налаженным и таким привычным хозяйством. Ночь была лунной, луна сияла неправдоподобно ярко, а воздух был неестественно чист, прозрачен, как тщательно промытое стекло. Словом, все было видно, и все было нереально, как и завал, на гребне которого сидел он, начальник столь внезапно прекратившей свое существование железнодорожной станции Кызыл-Кия.

В час ночи снизу, от подножия завала, кто-то окликнул Хусанова по имени. Это был очень знакомый голос. Он мог принадлежать только начальнику маргланской станции Гамиджону Абдуллаеву, так много для Сали сделавшему, чуть ли не заменившему отца, и особенно в те годы, когда Сали учился, когда только-только пришел на железную дорогу. Он и пришел-то, может быть, благодаря Гамиджону, его помощи, его советам... Нет, откуда ему здесь быть, в час ночи, в Кызыл-Кие, все подступы к которой занесены или размыты селом?

Он, Гамиджон! Приехал, примчался, машину оставил в нескольких километрах от Кызыл-Кия, — дальше проехать не смог. Откуда узнал? Ну, как же, вся дорога знает, все знает... Чуть слезы не выступили. Спасибо тебе, Гамиджон. Вдвоем, как и где смогли, обошли станцию, вокзал; только тут Сали почувствовал, как замерз, какая пронзительная сырость неходит от непролазных топей наносов, от этой злойшей баррикады, с которой уже через несколько часов предстоит начинать что-то делать.

— Ничего, Сали... Вы не одни... Вот увидишь...

НЕФТЕБАЗА. ВАНЕЕВ

Вячеслав Ванеев, главный инженер Кызыл-Кийской нефтебазы, был дома, ужинал, но отужинать ему не пришлось. Дождь был такой ливневый, что, не дожидаясь его конца, Вячеслав тут же собрался и бегом пустился на нефтебазу. Работает он на ней тринадцатый год, и почти каждое лето их топят. Они чуть ли не привыкли к этому. У них даже доска специальная была, чтобы

закрывать подворотно, через которую ручьи из всех окрестных логов устремляются напрямик к ним на территорию. В иной дождь вода поднималась до метра, и хотя особых бед, кроме намытой грязи и мусора, никогда не случалось, они всякий раз чертались по адресу тех своих предшественников, которые держались расположившись нефтебазу прямо в пойме нижнего течения ручья Джал. Конечно, разговоров о том, что база «сидит» не на месте и что из города все надо убирать, было всегда немало, но также всегда и у всех на первый план выходили какие-то безусловно более важные и неотложные дела. А тут еще трудности с проектно-сметной документацией, с финансированием, да и с отводом необходимой территории проблема не из легких — вокруг хлопковые поля, а эта земля на вес золота. Словом, так все благими пожеланиями и кончилось, а те дожди-предупреждения, что случались прежде, — их к делу не подошешь.

На смене был старший оператор Абдулла Омуров. Увидев бегущего под ливнем Ванеева, он вышел из дежурки, вдвоем закрыли проводкой ворота, задожили подворотно многострадальной доской. Потом поспешили к подземным емкостям с трансмиссионным маслом. Штука дорогая, двести двадцать рублей тонна, словом, надо было браться за лопаты. Стали делать заправу, отводить воду. Поначалу это им удавалось, во всяком случае минут двадцать они продержались. Даже подумать успели: ну все, дескать, отстояли, вода больше не поднимается, шабаш. Откуда им было знать, что творится в верхней части города, в Джале?

А потом рвануло. Вот каким оно, оказывается, бывает, наводнение! Что там подземные емкости — наземные поплыли. Увидев это, Вячеслав и Абдулла, не сговариваясь, бросились закрывать вентили. Дело в том, что многие емкости соединены между собой трубопроводами, и их вентили были в рабочем состоянии, то есть открыты. Это их нормальное положение, но... для нормальных условий. Теперь же, когда емкости отрывались от своих оснований, когда они всплыли, когда соединения их трубопроводов изгибались, а их швы лопались, — теперь могло случиться все что угодно. Теперь все зависело от того, успеют они перекрыть вентили или не успеют.

Выключили освещение. Закрыли вентили насосного отделения. Смогли обезопасить железнодорожную эстакаду. На большее рук не хватило. Сель бушевал вовсю, и лезть в kloкочущий поток было сверх человеческих сил. Семь вентилей остались открытыми. И ничего нельзя было предпринять. Отрезанные со всех сторон, спасаясь на эстакаде, как на острове, Ванеев и Омуров могли теперь только наблюдать за тем, что делалось вокруг...

И ждать. Ждать того, что должно было случиться. Всплыл и стал уходить через рухнувшую изгородь, через переезд, через дорогу, в сторону стадиона «масляный парк» — небольшие цистерны из-под масла и с маслом. Спялась с места пятая ци-

бензином №93. За ней непереносимо последовала третья с бензином №72. Они были не совсем полными, эти емкости, потому и всплыли. И все же горючего в каждой из них было ещё много, и едва трубопроводы стали деформироваться, рваться — начались утечки. Какое безобидное, мирное слово — «утечки». А вся поверхность воды — в бензине. А воздух загазован до того, что трудно дышать, трудно смотреть, и видится все, как сквозз сизый туман. А уйти некуда, да и как уйти, ведь это их нефтебаза, это они здесь работают.

Емкости медленно двигались вниз по течению, кренясь, застревая, то отдаляясь друг от друга, то сближаясь. Дело осталось за малым. Чего стоит одной стальной туше чиркануть по другой? Или задеть за вывороченную рельсу? Или стукнуться о каменный блок бог знает откуда принесенного парашута? Да мало ли что могло высечь эту одну — единственную и вполне достаточную — искру. Ведь какой стоит покрут гул! Какой скрежет!

Они ждали этого. И все же, когда в небо, совсем рядом ударил тугой вихрь пламени, они на какое-то мгновение оцепенели. Они продолжали стоять на своем острове, но этот островок спасительным уже не был, так как пламя перекинулось на первую емкость. Первая и третья емкости — на двести кубов каждая. Пятая — на триста. Вскоре огонь охватил тысячекубовую цистерну с «мертвым» остатком в сорок тонн бензина Б-66. Эта тысячекубовка представляла собой наибольшую опасность, ведь ее свободный объем не был абсолютно пустым, он вмещал огромное количество находящихся под давлением паров бензина: бомба, фитиль который уже горел. Рядом — цистерна вторая, семнадцатая и на западе — шестая. Они заполнены тракторным керосином, температура вспышки которого почти такая же, как у бензина. А эти цистерны уже закипали. И ещё, чуть поодаль, но тоже в зоне прямой опасности высились две тысячекубовые емкости с дизельным топливом. Словом, в случае взрыва этих запасов вполне хватило бы на то, чтобы выжечь не только все вокруг в Кызыл-Кие, но и ниже по течению селя, вплоть до Кува-Сая.

Сверху, со стороны Январского поселка, к нефтебазе с ревом неслись пожарные машины. Где впаив, где обрел, благо сел пошел на убыль, Ванев и Омуров в обход горющей территории начали перебираться на северную сторону нефтебазы, к воротам. Все-таки они хозяева, и их советы могут пригодиться. Да и не только советы, руки тоже. Раскапывать, прокладывать пожарные рукава. Крутить вентили водопроводных стояков. Сейчас главное — вода. Много воды. На десять, на пятнадцать стволов, только так можно задавить пламя. Но что это? Не может быть! Да нет, все верно, как они не подумали об этом сразу! Воды нет. И не будет.

РОДДОМ. ГЛАВВРАЧ КАПУСТИНА

Так получилось, что дежурство в этот день выпало на долю Лидии Васильевны Капустиной, главврача. Когда-то жила во Фрунзе, там кончила медицинский институт и в Кызыл-Кию попала по распределению. Не думала, что приживется в этом пыльном, жарком, довольно-таки непрезентабельном шахтерском городке. Отработать положенные три года, вернуть, как говорится, свой долг государству, да и назад. А вот девятнадцать отработала. И чужим этот город никак для себя не считает. Да и как считать, если чуть ли не каждый встречный — знакомый, а те ребята, которых когда-то принимала, теперь совсем взрослые люди.

Дежурство шло к концу. Все было, как обычно, и в восемь они должны были сменяться. Они начали уже было готовиться к передаче смены, как вдруг внезапно стемнело, хлынул ливень, а едва он стих, по улице Первомайской пошла, взбухая на глазах, страшная, светлого-коричневая вода. Сначала — по арыкам, потом — по дороге, потом — по газонам. Когда Лидия Васильевна увидела эту воду в больничном дворе, прямо под окнами своего кабинета, она прежде всего подумала о подсобках, о складах, которые были расположены в подвальных помещениях. Она подумала, что, наверное, можно успеть хоть что-то вынести, спасти, ну хотя бы самое необходимое из медикаментов и белья. Она позвала акушерок Раю Габдулбарову и Тому Колесову, они зашпешили вниз, в подвалы, но едва спустились туда — вдруг как назло погас свет. Тома насочень поднялась за свечами, зажгли свечи, и тут при свете свечей в подвальные окна по торцам здания ударили коричневые струи водопадов. Девчата едва-едва успели выскочить, вода чуть не запечатала их там, в подвалах, чуть не сбила с ног, когда пришлось бежать по лестнице. Все было конечно буквально в несколько секунд — под потолок.

Бросились закрывать боковые двери. Надо было бы закрыть и центральный вход, вода подступала под порог, но как это сделать, если к этому центральному входу бежали люди, надеясь укрыться в роддомовских стенах? То женщина с тремя детьми. То старушка с внучатами. Детсад напротив, через улицу, поток настиг старуху посреди дороги, она растерялась, замесалась на месте, и если б ее не окликнули, не выскочили бы помочь...

Вбежал военный с мальчиком. Он шел проводить жену, которая лежала здесь после операции, да так и остался. Он очень помог, этот военный, когда вода пошла через порог первого этажа, и больных, рожениц надо было перетаскивать на второй этаж. А их — сто. И пятьдесят малышей. И четырнадцать сестер санитарок, акушерок — на все про все. Ну и она, Лидия Васильевна Капустина, главврач. Кровати, постели — все на-

вверх, как без этого? По лестнице, в толчее и темноте под непрерывный, нарастающий рев селя, под раздирающий душу бабий крик. Весь роддом криком кричит. Ведь у каждой где-то дом, семья, дети, и каждая уже откуда-то знает, что «полгорода снесено». А она вот тут лежит и даже не может подняться.

А сестре, нянечке, может, и того хуже. Ведь она здорова, может бежать к себе, кто осудит ее, если ее дом на Джале? А там старые отец и мать, малые дети, и все-все. И ведь она отделила свою смену. А теперь начинается другая смена. И она, нянечка, вовсе не виновата, что так все получилось и что вторая смена не пришла. Но нянечка не бежит. Она тащит носилки с роженницей на второй этаж и рыдает вместе с этой роженницей. Ведь плакать можно и за работой. Это пока и все, что она может себе позволить.

Лидия Васильевна заскочила к себе в кабинет, схватила телефонную трубку. Нет, телефон не работает, звонки не идут. Бросила трубку на рычаг, и вдруг — звонок. Вот счастье, кто-то к ним пробился! Муж! Слава богу, их шахтоуправление на горе, и она может за него не беспокоиться. Как дела? Да как дела, неважно дела, слушай, говорить некогда, звони в горком, передай, что роддом топтит, что белье, продукты, медикаменты — все утонуло, что подвалы полны воды, что здание может дать осадку, пусть пришлют пожарников откачивать воду, а когда все кончится, пусть не включают свет, потому что у них распределительный щит в подвале, и пусть в горбольнице подготовят...

Связь прервалась. Услышал муж что-нибудь, нет? Она выбежала в коридор, а там дым, гарь, неужто пожар? Да нет, какой пожар, этого ещё не хватало. Просто вода ворвалась в котельное отделение, а кончатся только что, в шесть, кончили топить. В шесть? Значит топка ещё раскалена, значит котел может взорваться? Или уже не взорвется? А если взорвется, то что будет с палатой, которая расположена над котельной?

— Всех больных в западное крыло!

— Девочки, всех больных в западное крыло!

— Товарищи, что тут есть, помогите, всех больных в западное крыло!

Капустина выглянула в окно. Там, где была улица, мощно катилась широкая бурая река. Она тащила деревья и бревна. Бревна били, таранили решетку изгороди со стороны фасада, и эта решетка и высоченные кирпичные тумбы рассыпались, исчезли мгновенно, как будто их там и не было. Безвучно осел, пластом лег под волну двухметровый каменный забор, ограждавший здание со стороны левого и правого крыла. На глазах рос, дыбился, ощериваясь рваным деревом завал напротив главного входа.

С улицы пробирались какие-то мужчины. В иле, мокрые, в самом деле никого не узнать, если кто и знакомый. Они попросили простыни, шторы, халаты, ну, словом, все то, что можно

связать. Нужен канат. Нужно натянуть канат поперек улицы. Тогда можно будет идти в воду и помогать тем, кто тонет.

Что-то нашлось, мужчины связали воедино, пошли в воду. Они добрались до старой гостиницы, и там с углового светогора силы двенадцатилетнюю девочку — Вику. Вика окоченела, вконец ошалаела от пережитого, ее доставили на второй этаж, и тут уж ею занялись сестрички — переодели, оттерли, укутали в одеяло. И... лежи. Какой дом, до утра никуда не пойдешь. Ладно, ладно, у всех такое, лежи!

Сняли со столба Женю Акоеву, заведующую магазином «Заря». Когда со стороны Первомайской показался селевой вал, когда все закричали и полезли на крыши, пустились бежать вверх по Уч-Курганской, к старой автостанции, Женя метнулась в глубину магазина запереть склады, служебный выход. Потом она выбежала из магазина, чтобы закрыть главный вход, а сель уже на перекрестке. А магазин сразу за перекрестком, он, как мыс, разделял Первомайскую на две улицы, так что весь удар пришелся прямо на него, на его широкую дверь. Женя только успела навесить замок, повернуть ключ, как ее накрыло с головой. Она ухватилась за замок, а ее тащило, отбрасывало прочь, как будто сель был грабительем, а она мешала ему ворваться в магазин. Наконец, ее все-таки отшвырнуло, но рядом стоял телеграфный столб на высоких рельсовых пьесах, и она за этот столб уцепилась. Сил не было, вскарабкаться хоть немного повыше она не смогла, и все то время, пока она была на столбе, ее полосало, било, вот только разве что не могло оторвать. А к ней долго не могли подобраться, хотя та старая гостиница, где воды было несколько меньше, стояла прямо напротив — только пересечь улицу. И когда Женю все-таки вытащили, ее не сразу и отмыли, так ее залило: только глаза блестя.

Группа мужчин пыталась пробиться через Первомайскую на двух самосвалах. Мощные грузовики были доверху загружены пиломесом, доски выступали за борт на добрую треть кузова, и можно было попытаться, сдавая машины задним ходом одну за другой, уткнуться таким образом в стену дачада. Там, на крыше, все еще находилось несколько человек с детьми. «МАЗы» не шли, буксовали в наносах, но доски, как мост спасения, все-таки коснулись подмосты стены, и те, кто спешил на помощь, смогли снять с крыши тех, кто этой помощи ждал.

Со стороны нагорных улиц, с задворков, где воды шло сравнительно немного, в роддом стали пробираться мужья, родственники роженц и больных. Оказываются, по городу пронесся слух, что роддом затоплен и что в подвалах плавают младенцы.

— Господи, да кто же такое допустит? Вы что, не видите, что здание стоит, что оно капитальное, надежное, и что весь персонал на местах, даже те, у кого горе побольше нашего? Нет, в палату никто не войдет. Потому что вокруг грязь, инфекция, а в палате дети. Нет, никто никого не заберет, а если будет нуж-

но, мы проведем эвакуацию сами. Товарищи, столько работы, не отвлекайте персонал, имейте мужество!

В самый разгар всей этой суматохи, переставиваний, криков и слез начала тужиться одна из рожениц. Скорей на каталку и во вторую, более спокойную операционную. Кто будет принимать роды? Валя Нефедьева? Так, Валоюша, света нет, только лампы и свечи. Так, воды в крахах нет, только аварийный запас. Ну и повезло тебе, Коноплянкина Галина Васильевна, в такой обстановке разве что в войну рожали! Рабочая. Третьи роды. Наукатская, 51, квартира 8. Мальчик. Три килограмма триста граммов. Первое июня 1977 года, 19.30. Ну, Галина Васильевна, поздравляем!

Снизу зовут. Из города привели роженицу. Чудеса, как же они ее доставили, ведь вокруг здания творится какой-то кошмар. В родзал? Нет, кажется, пока обойдется, эта еще потерпит, а сейчас будут срочные, обязательно будут!

Люди, пробравшиеся из города, рассказывают про Джал. Много разрушений. Особенно в районе старых корпусов и верхнего моста. Снесло дома у акушерки Афицы Хрюкиной и Ани Глазыриной. Пока неизвестно, что у Вали Глухой, а ведь она тоже из Джала. Снова крик, слезы, а время — только восемь и за стенами все еще бешут сель.

Только восемь? Да, восемь, смены не будет, и нужно кормить детей. Режим есть режим. Они орут, требуют своего, им нет ни малейшего дела до того, что творится вокруг, их это не касается. Надо раздавать малышам мамам, а это не так-то просто — кто где? Только раздали, только уладились с кормежкой, только забрали детей назад, в палатах неожиданно постветлело. Холодея от внезапной догадки, главврач Капустина медленно подошла к окну, и там, в той стороне, где и в сумерках привычно белели массивные туши громадных нефтебазовских цистерн, она увидела высоченный, все более вздымающийся над деревьями, похожий на атомный гриб черный столб дыма, из-под основания которого било огнем. Горела нефтебаза. Пламя набирало силу и высоту, а нефтебаза — вот она, перед носом, чуть дальше детского сада. Тут все как по злему капризу вместе собралось, и переезд через железную дорогу на южной части города — в северную, и стадион, и роддом, и баня, и густые кварталы одноэтажных домов, да и вокзал совсем неподалеку, а посреди всего этого — нефтебаза! И вот теперь она горела. Огонь лизал емкости с горючим. Но ведь если емкости горят — значит, они взорвутся? А если они взорвутся, значит, этот огненный ад захлестнет и их — вот же, все рядом, каких-нибудь сто метров! Ну и что же в такой ситуации делать? Вытаскивать рожениц? Но как? Куда? Спасать детей? Но опять-таки куда? И как же больные? Все подходы к роддому в завалах, ил по пояс — они здесь как в западне! Ну а если все-таки рванет? Нет, надо договориться: если огонь достигнет до стен роддома — каждый,

кто может, хватает в руки детей и бежит. Каким попало. Разбегаться — потом. Главное — спасти!

Все стояли и смотрели на окна. Просто больше нечего было делать. Был слышен отдаленный гул огня, слабые крики людей. В палатах стоял душный запах сгоревшего горючего и бензиновых паров. Возле цистерн выдвинулись фигурки неповоротливых, со странной медлительностью копошащихся пожарников, а над арыком Анхор — выпученные фары пожарных машин. А пламя не убавлялось, оно росло, подбираясь к самым главным, самым большим бакам, и смотреть на это не было никаких сил.

Тут начались схватки еще у одной роженицы, и ее повезли в родзал. Что и говорить, самое время. А все оживилось: вот дело, где они что-то значат и где от них что-то зависит. Да, Юмхамедова Дания, 1951 года рождения, тебе «повезло» еще больше, чем твоей предшественнице Коноплянкиной! Та в темноте рожала, а для тебя не то что освещение, а целый фейерверк, и акушерка прекрасно видит, что делает. Мальчик. Три килограмма сто граммов. Роды нормальные, ребенок нормальный. 1 июня, 22 часа 30 минут, 1977 года, город Кызыл-Кия. Сто лет тебе жить, Дания Юмхамедова, сто лет жить твоему сыну. Ох, и везучие вы!

(Окончание следует)

Ранним вечером 1 июня 1977 года небывало мощный сель обрушился на шахтерский город Кызыл-Кино. Рассказ о событиях, связанных с этим грозным стихийным бедствием, продолжен во второй части документальной повести Леонида Дядюченко «Сель».

Леонид ДЯДЮЧЕНКО

СЕЛЬ

Документальная повесть

К вечеру жена затеяла печь хлеб, и Аплатим взялся за топор — нарубить дров. Конечно, хлеб есть и в магазине, и ничего такого об этом хлебе Аплатим сказать не хочет — как можно плохо говорить о хлебе? — но все-таки хлеб из магазина — это одно, а лепешки, которые печет Качканкыз — это дело совсем другое. Свежие! Только что из пынущего жаром тандыра. С хрустящей, обжигашей пальцы багряной и золотой корочкой, с вплавленными в нее, так пряно пахнущими зернышками минда! Кисть винограда к такой лепешке, чайничек зеленого чая — и больше ничего не надо. Да и потом их очень любят дети, а детей у Аплатима и Качканкыз как-никак трое. Впрочем, что такое по здешним меркам трое детей? Так, очень маленькая семья. Меньше уже и некуда.

Живет Аплатим Абдукаммов на улице Северной. Кто теперь скажет, почему так названа эта расположенная в южной части города, взбегающая вверх, к нагорью, улочка? Но к названию такому давно привыкли, другого вроде и не может быть, как привыкли к ее не очень, может быть, городскому виду, к самодельной архитектуре ее приземистых домишек, к пыльной ливне нависающей над давалами урюковых крон и виноградных лоз. Да, здесь дома невелики, особенных удобств нет. Но кто из жителей многоэтажных домов может похвастаться тем, что у него есть свой тандыр, что можно вот так, спокойно, в

свободное от дежурства время сидеть на бревнышке посреди тенистого, чисто выметенного дворика и рубить для этого тандыра звонкие, прокаленные солнцем дрова?

Аплатиму — сорок один. Но он худощав, угловат, как подrostок. Что ж, раньше работал на стройках, а среди строителей нечасто встретишь человека, озабоченного проблемой излишнего веса и мучительными раздумьями о том, на какую диету садиться — на английскую или французскую. Друзья шутили, когда он в пожарную часть пошел — ну, дескать, теперь поправишься, наконец-то на порядочного мужчину походить будешь, наешь брюшко, наспишь, куда денешься! Четвертый год в «пз-пз-че». Даже начальником караула стал. А как затягивал ремень на последнюю дырочку, так затягивает и теперь. — Ионкин спать особо не дает. Там — Ионкин, здесь — Качканкыз. Но это так, шутка, он и сам долго на месте не усидит, без дела — тем более. В движениях скор, резок, словно внутри пружина какая, а уж слова пресного и вовсе не признает, не речь у Аплатима, а перед.

Дождь загнал Аплатима под крышу. Переждал, с ошарашенной улыбкой поудивлялся низвергнувшейся с небес воде, снова взялся за топор. Нет, что-то неладно. Какой-то шум, какие-то крики, кто-то пробежал мимо ворот, а вот еще и еще. Не вытерпел, выглянул за ворота — в самом деле, люди по улице бегут, в сторону базара.

— Эй, что там такое?

— Наводнение! Людей топит!

Даже смешно. Это в Кызыл-Кие наводнение? Деревья по-лить — целое дело. Кран откопнешь — шипение вместо воды, если конечно, есть у тебя в садике этот кран. До Исфайрам-Сая — семь километров. А ближе никаких речек нет, ведь не считать же за речку Джал-Сай — мотоцикл не вымыть. Но люди-то бегут? И этот гул... Вывел мотоцикл, обгоняя бегущих, погнал к базару. Даже не узнал Первомайской. Даже в Исфайрам-Сая не видел он такого разлива катящейся между домов и деревьев воды. Держась друг за друга, несколько мужчин вели к берегу попавшую в поток женщину. Ага, значит, можно все-таки что-то делать, а не просто стоять как иностранный наблюдатель, испытывая унижительное чувство беспомощности и какой-то вины перед теми, кто оказался в беде. Оставил мотоцикл. Полез в сёдль. Кого-то вытаскивали. Кого-то переводили через улицу. Потом вода сошла, делать стало нечего, он почувствовал, что замерз, вернулся к мотоциклу. Приехал домой. Отмылся от ила, переоделся. Качканкыз подала чай. Пяляк выпил. А вторую только налил, поднял глаза, да так пяляк в руке и застыла: над крышами, упруго набирая высоту, вставал столб черного дыма. Аплатим поставил пяляк, нехотя поднялся на ноги.

— Ты куда? — удивленно спросила Качканкыз.

— Туда, — кивнул Аплатим. Все, конец нефтебазе. Да, он

сразу все понял. Что тут было — понимать. Завел мотоцикл, у ворот наперез бросился соседский парень.

— Можно с тобой?

— Прыгай!

Крутанул рукоять акселератора. У нижнего перекрестка густо стоял народ, но вперед никто не рвался, тем более, что милиция выставила оцепление. Аплатим сходу вылетел на злое-е пустынную улицу.

— Стой! Не видишь, проезд закрыт, стой!

Будто не поняв, Аплатим промчался мимо милиционера, вырвали на перекресток, но тут мотоцикл попола, попола и окончательно застрял в иле.

— Отгонишь домой, ладно? — Аплатим возбужденно хлопнул ладонью по бензобаку. — Нет, ты посмотри, что на нефтебазе, вот дает!

Оглянуся. На них с криком набегал красный от гнева автоинспектор.

— Сгореть хочешь? Кому было сказано? Куда прешь, куда? — Куда, куда... Куда надо!

Расклевывая грязь, бросился к поезду. Слева — залитые по окнам домишки и превратившийся в обширное озеро стадион, справа — поваленные плиты нефтебазовской ограды, накренившиеся, сползшие со своих мест цистерны, а там, дальше, в глубине территории — острое лезвие пламени, с воем реактивного двигателя бьющее поверх деревьев. Сколько раз приезжали на нефтебазу, то с проверками, то с учениями, сколько раз изобретали, придумывали всякие ситуации, в которых вдруг когда-нибудь возможно придется действовать и в возможности которых в глубине души все же никак не верилось... Вот оно, пришло! Вот как оно бывает, на самом-то деле.

— Рванет! А ведь сейчас рванет!

Миновал изгородь, вбежал в проулок, ведущий к знакомым воротам. Ну, конечно же, ворота закрыты. Они, как назло, закручены толстой проволокой. У арыка Анхор стояла дежурная машина, расчет которой старался дать воду на горящую смкость. Нет, они очень далеко стоят, оттуда ничего не сделать, надо заезжать во двор! Увидел Июкшпа, бросился к нему, дескать, надо действовать, надо ломать ворота, заезжать...

— Ломай! Помогай Савченко!

Да, Вася Савченко был уже у ворот, ожесточенно сворачивая монтировкой злополучную проволоку. Выехали. Тут же подошли 27-я и 36-я машины. Кос-как нашли занесенные илом и всяким хламом пожарные стоки. Хрип! Нет воды. Пожарные хаусы? Где они? Все залито, грязь выше колена, воды вокруг — море, потоп, хоть залейся, а ва огонь давать нечего, ведь это не вода, это жидкий ил, и головки стволов будут тут же забиты. Как ревет огонь! Что делать, надо сбавить температуру, а запас воды в машинах всего на две минуты!

Мелькнул начальник грузовой автобазы Мавлян Хасанов.

— Кошма есть? Дайте кошму!

— Какая кошма, помоги вытянуть рукава!

Начали раскатывать рукава, прокладывать магистрали. «Раскатывать!» На учениях это делается бегом, а тут ноги вязнут так, что сапог не вытащишь, и бойцы ползают, как мухи по листу липучки. Да это ладно, к этому можно и приноровиться; но где взять воду?..

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Неожиданно стемнело, пришлось зажечь свет. Рустам Карабаев выглянул в окно — так и есть, туча, наверное, будет дождь. Дождь так дождь, Карабаев сел и вновь принялся за отчеты, поскольку он — учитель, директорствует в музее на общественных началах, и 1 июня для него это прежде всего конец учебного года. Днями он освободится. Днями для него действительно начнется лето, и он сможет выбраться в горы. Куда-нибудь в Исфайрам-Сай. Или в Абшир. Говорят, с будущего года музею выделят три штатные единицы, а главное — деньги, на которые можно будет приобретать экспонаты. Они станут настоящим музеем! Вот это да, а ведь с чего все начиналось!

Погас свет. Ничего удивительного, не дождь, а потоп. Впро-чем, ливень, кажется, уже кончается. Рустам Карабаевич подошел к окну, стал смотреть на улицу. Странно, куда так бегут люди? И врассыпную. Через штакетник, через изгороди, скрываясь в проулаках, ведущих к холмам. На улице показалась вода. Показался автобус. Вспарывая воду, будто катер, он несся задом наперед, как это бывает у иного растяпы кинемеханика, пустившего пленку задом наперед.

Рустам Карабаевич прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть верхнюю часть улицы, и увидел там странный желтый бугор. Бугор стремительно катил по асфальту, с шумом захлестывая аллен тротуаров и стены домов. За окном закричали, кто-то заплакал. Рустам Карабаевич скошил глаза вправо, увидел чье-то плечо, чью-то руку — кто-то искал спасения под прикрытием стены музея, прямо под его окном.

Вода перекрыла почтовый ящик на телеграфном столбе. Карабаев повернулся, вышел из кабинета, пошел к входным дверям. Он шел и думал о том, что как только откроет дверь, чтобы впустить людей, с ними в музей войдет и вода. А стены? А экспозиции? Ну ладно, керамика, камень, железо — это можно отмыть. А документы? А «Кызыл-Кийский школяр»? Единственный номер пионерского журнала, вышедший 1 мая 1923 года в Кызыл-Кие! В Москве «Пионерки» не было, а «Школяр» в Кызыл-Кие был! Как рисковать такой драгоценностью, ведь что случись — больше не найдешь, не вернешь, не поправишь.

Он открыл дверь, и вода вошла первой. Потом вошла плачущая женщина-толстуха, потом — учитель с женой, потом девушка с ребенком и пятеро ребятишек. Рустам Карабаевич тут же захлопнул дверь. Вода уже гуляла по всем залам, правда, до стендов еще не поднялась.

— Ой, дорогой, — плача, обнимала его толстуха, — откуда ты взялся, ой, дорогой!

Учитель прижимал к груди дрожащего щенка, глянцевого от жидкой глины. Вздрагивая от беззвучного плача, девушка неотрывно смотрела в окно, в сторону боковых проулков, где подевался куда-то ее младший братишка: он успел перебежать улицу, а она — нет.

Когда вода сошла — на Первомайской вновь появились люди. Теперь все они смотрели куда-то за музей, в сторону железнодорожного пути и Джал-Сая. Карабаев вышел из музея, завернул за угол — там, по пойме Джал-Сая, все еще шла вода. Только теперь вдруг подумал: так это ж вся вода с Джала! Что же делается там, дома? Ведь он живет на Токтогула! У самого русла!

Кинулся вверх по Первомайской. По лужам, сквозь грязь, уже не разбирая дороги. У верхнего переезда, у Дома культуры, стоял «Москвич», Рустам Карабаевич на бегу зашарил по карманам.

- Ребята, до Токтогула, ради бога!
- На Джал? Да вы что, жить пока не надоело!
- Вот десятка, больше ни рубля.
- При чем тут десятка.

— Хоть по Октябрьской, до рудника!

По Октябрьской поехали. Доехал с ними до рудника, до первого магазина — там пешком через гору. Ни одного встречного на пути — что такое? Через горку перевалил — весь народ там. К дому подбегает, а дома нет, и ничего не узнать. Нет, узнал. Веранду узнал, кухню узнал. А дальше — как ножом срезало — пусто, ни дома, ни двора, даже огорода нет, что к Джал-Саю спустился — как корова языком...

Соседи подошли. Успокаивают. Жива, говорят, жена, и внуки живы. Следом Турду, жена, от соседей выбежала, плачет, остановиться не может.

— Чего плачешь?

— Дома нет, машину снесло. Ведь совсем новая, только купили!

Тут Рустам Карабаевич увидел свою машину. Во дворе росла старая урючина, урючина уцелела. А в ее могучих ветвях застрял «Жигуль». Стекла выбиты, салон полон ила, крыша и кузов сплюснены.

«Черт, вот и съездишь в Исфайрам-Сай, — подумал про себя Карабаев, — вот и съездишь в Ашхир! Даже застраховать не успел. Какое там стихийное бедствие?.. А вот такое. Самое обыкновенное. Мог бы страховку получить, а теперь — пшик!

А вслух сказал:

— Чего плачешь? Что случилось?

ПЕРВЫЙ СКЛАД

Мэлис Джекшеналиева, директор Кызыл-Кийской базы хлебопродуктов ушла домой в этот день необычно рано — в четыре часа. Распрошталась со всеми, еще и еще раз выслушала всяческие пожелания и, вздохнув, отправилась болей. Почки. Иногда хоть криком кричи, такие боли. Чуть какое усиление физическое, напряжение нервное — сразу рези, воспаление, температура — словом, весь набор. Острый такой камешек, маленький, врачи еле в рентген разглядели, а жить не дает. В Трускавец бы съездить. Водичку бы попить.

— Перемелется, Мэлис Джекшеналиевна, — шутили товарищи на прощанье, пытаясь приобрести своего директора, — обойная мука будет!

Она улыбалась, растерянно поправляла очки. Перемелется? Да, хорошо бы. Надоело постоянно чувствовать в себе эту «мину». Так хочется спокойно работать. Столько еще сделать нужно, ведь только-только стало к лучшему меняться что-то, только начали!

Училась в Москве, кончила Технологический институт пищевой промышленности. Работала старшим лаборантом на Фрунзенском мелькомбинате, старшим инженером в Министерстве заготовок, работала в Пржевальске заместителем директора завода хлебопродуктов, директором хлебоприемного пункта в Узгене, словом, всю жизнь на колесах. Потом, совершенно для нее неожиданно получила приглашение на работу в Ошский обком партии, в отдел агитации и пропаганды.

Ей трудно судить, насколько была полезной для отдела ее работа. Но уж зато по области поездила — наизубок все выучила. Так что когда ей предложили должность директора базы в Кызыл-Кие — она знала, куда ехать, на что соглашалась. Да и как было отказываться? Просила работу по специальности? Ну вот, принимай.

Прежний директор был снят. Хищения. Запущенность всей работы. Люди увольнялись, а кто не уходил — смирился и уже не верили в возможность каких-то, к лучшему, перемен. Год назад, в мае, пришла она на базу. По шажку продвигалась. По человеку всех воедино собирала. И вот — даже о клумбах думать начали. Цветник решили разбить. Не утерпела, сама за лопату взялась, так славно, так дружно работали люди на этом суботнике! А вечером — приступ. И вот — болячичный лист. Надо отлеживаться, на что-то решаться, то ли ехать в Трускавец, то ли ложиться на операцию, а так не хочется, так неловко — ведь всего год проработала! Да и не вовремя — хлеб на носу. Лето обещает быть трудным, яровые сгорели, вся надежда

на озимые, и хотя хозяйственная зонада «план» обещают — легкой жизни не будет. Уже сейчас надо лаборантов по району рассылать, воспитательную работу проводить. А то ведь страшно начнется — опять некондиционное зерно повезут, и по влажности, и по засоренности, да еще шуметь, нажимать будут со всех сторон, дескать, мы план выполняем, мы за «Большой хлеб» боремся, а тут буксует палки в колеса вставляю, зерно принимают не хотят. А они и рады бы принять, да права не имеют. Ведь это служебное преступление — такое зерно принять. Вам нужен план? Нужны деньги? Так добивайтесь этого не здесь, не у ворот базы, а у себя на токах, не приезжайте сюда попусту!

Так или примерно так спорила она про себя со своими младшими, знакомыми и незнакомыми, лежа в постели, упорно стараясь думать не о боли, не прислушиваясь к ней: отпускает она, дескать, или не отпускает, а думать о чем-то безусловно более значительном и неотложном. А тут враз стемнело, и по крыше ударил дождь. Он хлестал с таким шумом, с такой силой, что Мэлис не вытерпела, поднялась к окну, да так от окна больше и не отошла. Потом дождь стих, но тревога осталась. Мимо окон куда-то бежали люди, и Мэлис высочила вслед за ними. Фарида — сестренка-деситиклассница схватила было ее за руку, но остановил Мэлис уже не смогла.

Так вдвоем и прибежали к горкому, благо жили тут же, на Январском, и идти было недалеко. А у горкома уже народ, все руководители города, предприятий, весь актив; никогда, кажется, она не видела, чтоб так разом и быстро все собиравшись. И все говорят о Джале, о том, что снесло лесосклад, затопило универмаг и нефтебазу, склады межрайбазы и молокозавод. Что с се базой?

Нет, никто не знает, хотя чего тут гадать, наверное, там то же, что и везде, ведь сель прошел по всей Первомайской!

Подкатил автобус, и горкомовцы уехали на Джал. Подрулил еще один, Мэлис бросилась к водителю, умоляя чуть ли не со слезами на глазах: она должна быть «у себя», во что бы то ни стало! Ехать на Первомайскую? Шофер покачал головой. Нет, он занят. Туда и не подъехать — грязь, завалы, там все оцеплено милицией, там рядом горит нефтебаза, и в любую минуту может взорваться. А жить ему пока не надоело. Да и что там такое спешное, на базе?

Ах, да, хлеб. Хотя какое это имеет теперь значение, поздно, наверное, туда спешить. Ладно, поехали, только быстрее давай, пока его не хватились, он, действительно, очень занят. Он ворчал, но ехал, и за автобусом смыкалась буря грязь. Буря, как по линейке очерченная полоса непрерывно тянулась по стенам домов, по стволам деревьев и телеграфным столбам, по длинному, недавно выбеленному дувалу базы. И Мэлис, вновь и вновь примериваясь взглядом к высоте этой злобшей, всего лишь полчаса назад оставленной селом отметки, в тоскливом нетерпении думала о том, что же делается там, по

ту сторону базового забора. Как обидно, столько трудов вложено, неужто все — прахом! А автобус не то плывет, не то ползет, он тащится все тяжелей, все медленней, пока не остановился вконец.

Держась за створку, Мэлис, а за нею и Фарида, сошли в жидкую топь. Впереди, напротив центральных ворот громоздился завал из бревен, и чем ближе подходили Мэлис и Фарида к воротам, тем глубже, по колено, становилась грязь. Вода была ледяная. «Все, я пропала», подумала Мэлис, — это только для почки. Трускавец!» Навстречу им шел Лешук. Разумеется, она знала, что на дежурстве находится Григорий Иванович, и все же на душе полечалось, когда она увидела этого человека. Именно Григория Ивановича. И именно в такую минуту. А он поздоровался, взглянул внимательно в ее лицо и с добродушным сочувствием сказал:

— Да ладно, Мэлис Джексеналиевна, не волнуйтесь уж так, все, что могло случиться — случилось.

— Первый склад? — упавшим голосом спросила Мэлис.

— Он самый, — ответил Лешук, — это уж как водится...

Стало совсем темно. И так странно, что неестественно, дикий огонь. Только в стороне нижних ворот, из-за черной кромки дальних деревьев в небо вздымалось пульсирующее зарево — горела нефтебаза.

Хоть в этом повезло, что в такой вечер старшим охранником оказался именно Григорий Иванович Лешук. Всю жизнь проработал на шахте. Вышел на пенсию, но дома не усидел, устроился к ним. Смену отдежурит, а уйти не торопится, помогает, как может, делом и словом, всюю своей отзывчивой и честной душой. Вот и сегодня... Спокойно мог бы на вышке отсиживаться, сверху на все поглядывать, тем более, что «при исполнении»... Нет же, спустился, к самой реке вышел, кричал, показывал оказавшимся там людям, куда бежать, плыть, где спасаться. Две женщины до сих пор у него на вышке сидят, сойти боятся.

Они вошли во двор. Территория базы протянулась длинным прямоугольником между руслом Джал-Сая, железнодорожным полотном с одной стороны и улицей Первомайской — с другой. Дувал выдержал, потоку нигде не удалось его свалить, а вот через ворота — в нижней части двора и со стороны Первомайской — сель зашел. Особенно со стороны Первомайской. Надо же так было случиться, прямо напротив ворот — завал. Вода поднялась, устремилась во двор, а тут, как назло — первый склад. Все складские помещения, расположенные дальше и выше от ворот, были загазованы, двери были плотно закрыты, заклеены, их готовили к приемке нового урожая, и они были пусты. И вот в них, в эти пустые помещения не попало ни капли. Вода к ним даже не подошла. А первый склад, в котором хранилась мука — залило. Затопило бытовки со всем необходимым для работы имуществом. Намыло, натащило на территорию

метровые толщи наносов. Но главное, конечно, хлеб. Верхнеряды мешков уехали, но нижние — все в воде. Пропали? Или что-то можно спасти? Что делать? С чего начинать? Ей никогда не приходилось бывать хоть в отдаленно сходной ситуации, но вот эта ситуация возникла: как быть?

— Мэлис Джекеналиевна, — сказал Лешук, — идите домой. Завтра все начнется, а для этого нужно отдохнуть. Идите. Сегодня ничего не сделать.

— А как же... Григорий Иванович, — сказала Мэлис, — может вызвать кого, в подмогу, а? Люди всякие есть, вдруг кто воспользоваться решит? А вы один, без света, двор раскрыт...

— Мэлис Джекеналиевна, — повторил Лешук, — идите. Все будет хорошо, не волнуйтесь. Как доберетесь только? Вот уж, действительно, черт ногу сломит!

Мэлис вышла на улицу, где ее терпеливо ждала Фарида. В самом деле, как добраться до дому? Вверх по Первомайской? И далеко, и до самого Январского — сквозь грязь. Через нижний переезд? Здесь ближе до незалитых улиц, но ведь там все еще горит нефтебаза, и оцепление, значит, не снято. Обычно из города в Январский поселок и из поселка в город все ходят напрямую, через Джал-Сай; здесь и тропки из каждого проулка есть, и мостки через русло, однако сейчас об этом и думать нечего — топи!

Они все стояли, не зная, в какую сторону податься, пока мимо, расплескивая грязь, не проползла какая-то машина. Вот поблажилось, их подвезли к самому дому. Теперь, чтобы «добратись» до предписанного ей постельного режима, Мэлис осталось разве что отмыться от грязи да выпить стакан горячего чаю. Фарида взяла чайник, открыла кран. В трубе заклокотал, сухо зашипел воздух. Воды на Январском не было.

РИЗЕН. ТАХТЕК

Делать в Джальской щели больше было нечего. Даже пешком в Тахтек не пройти, значит — в круговую. Ризен повернул к машине, оглянувшись, увидел над лесовым обрывом две шапки каратачей. Тут вспомнил: «Келин басты». Так место это называется. Келин басты.

Черт, а ведь Джал уже проявлял свой норов, как люди забыли об этом? По преданию, два эти каратача были когда-то посажены в память о людях, погибших здесь во время сильного ливня, обрушившегося на горы. Гроза захватила людей, возвращавшихся из города в свой кишлак. Была среди них и молодая женщина — келин. Путники укрывшись под большим камнем, но камень подмыло, и он рухнул на людей. Так и назвали это место — Келин басты. Невестка, которая не вернулась домой.

И ведь думали об этой легенде. Когда воловод строили. Был же и другой вариант трассы — поверху, склоном, пробив по

скалам полку для дороги и труб. Но все деньги ушли на трубы, и полка показалась слишком дорогим удовольствием. Ну вот, сэкономили. Что там еще со скважинами? В Тахтеке?

Ехать надо было через сай Джин-Джиган, как везят уголь с разреза Абшир. Совсем стемнело, поэтому заскочили на шахту, взяли шахтерские аккумуляторные лампы. Но по Джин-Джигану тоже прошла большая вода. Мост подмыло, завалило наносами, им снова пришлось вернуться, чтобы сделать еще одну попытку, теперь уже и вовсе вкруговую, через Караван и Кок-Джар, через Абшир-Сай.

В три ночи были на водозаборе Кулуштан. Насосы стояли, на смене дежурил машинист Асамат Минбаев. Он дожидал обстановку, затем осмотрели все сами. Постройки водозабора расположены у высокого берега ручья Джин-Джиган, но это никогда не было предметом особых тревог, наоборот, так и ставили, поближе к выходам грунтовых вод. Теперь, за один вечер, берег приблизился вплотную, и стены оказались над обрывом, вид которого не вызывал особого доверия. Запилило и колодцы, из которых качали воду. А поскольку подача воды на шахту прекратилась, значит, где-то в ущелье Джин-Джиган есть порыв водовода. Где — придется выяснять дежурному Минбаеву. Утром. Когда рассветет.

Асамат смотрит на Ризена. Уж если здесь, наверху, творилось такое, то что делалось там, внизу, и прежде всего по Джалу? У Асамата на Джале дом. Жена, восемь детей. Может, Василий Давыдович знает что-нибудь? Может, видел или слышал? Когда проезжали по Джалу?

Нет, они по Джалу не проезжали. Хотели, но не смогли. А вот что шахта без воды осталась — это точно. Значит, надо посмотреть, выявить, что и где случилось, и немедленно, потому что ремонтные работы начнутся уже завтра. То есть сегодня. Ну а они дальше, на Тахтекские скважины. Уж если и те пострадали — тогда дело плохо.

Рассветало. Теперь и без расспросов можно было судить о том, какой ливень бушевал вчера здесь, в Тахтекской долине. Повсюду — переуглубленные русла ручьев и арыков, снесенные мосты, вывороченные столеты шелковин и урючин, а по полям забелели белые косы и россыпи не только галечника, но и крупных валунов с окрестных склонов. А главное — обилие промоин. И совсем небольших, но встречающихся чуть ли не через шаг, и настоящих оврагов, через которые еще подумать надо — как перебраться. Лик эрозии! Безжизненный, но устрашающий лик. Какая масса грунта в считанные минуты снялась с места, превратилась в жидкую пульпу, чтобы все более и более набирая, как снежный ком, объем и силу, обрушиться на ничего не подозревавший город! В Тахтекской долине несколько сел, здесь расположен совхоз «Джал», так что все происходило на глазах сотен людей, среди которых было немало и со служебны-

ми, домашними телефонами. И ни одного звонка соседям, кызыл-кийцам...

Со скважинами повезло. Они расположены несколько на возвышении и потому не пострадали. Подъезды к ним только замыло кое-где, вот и все. И это еще более подчеркивало их бесполезность в самые трудные для города дни. Простое дело, вот они вернутся после осмотра домов, а воды в доме нет. Даже для того, чтобы вымыть руки. А как те, кто пострадал? А больницы? Об этом даже не хочется думать, да и что делать? Звонить себе, начальнику горводоканала: «Алло, Ризен, что у вас там с водой?» Да и в самом деле, Василий Давыдович, как быть с водой? Водопровода, как выяснилось, в ближайшее время в городе нет. Колодцев — из-за глубокого залегания грунтовых вод — в городе никогда не было. Следовательно, пройдет несколько часов, и люди будут брать воду из Анхора и Джал-Сая. Тем более — дети, разве уследишь? Тем более сейчас — в такую жару. А что это будет означать, каждому ясно.

В пять утра 2 июня дежурный машинист водозабора Кулуштан Апсамат Минбаев отправился вниз по руслу Джин-Джиган, вдоль нитки-трехсотки на шахту Ленинского комсомола. Ходить здесь приходилось и раньше, но сейчас тропы не то, чтобы не узнать, о ней просто ничего не напоминало. А бесконечные броды через глиняные топи сделали бесконечными и те восемь километров, на которые обычно уходило всего лишь полтора часа. Обнаружил шесть разрывов. Шестисот метров трубы вообще как не было. А вернувшись в Джал, он нашел своего дома. Но дети, жена — живы. Все живы. Спасибо судьбе.

МАЙОР ЗАПАСА ИОНКИН

Пожарники у кызыл-кийцев были издавна не в чести. Разве что как предмет острот и анекдотов? Да, был такой анекдот, когда в 1962 году сгорело общежитие училища, расположенное прямо напротив ворот депо — как сами еще не сгорели! И когда майора запаса Василия Васильевича Ионкина, ушедшего в отставку с правом ношения формы, вызвали однажды в горком и предложили взять под свое начало «пэ-пэ-че», он даже растерялся от неожиданности и даже обиделся немного: он, кадровый офицер, и вдруг — «пэ-пэ-че»!

Ионкин — мужчина видный. Седая шевелюра, загорелое крупное лицо, сам рослый, подтянутый — строевик. Всю жизнь — в армии, в мотострелковых частях. Служил в Кушке, в Кызыл-Арвате, так что пески среднеазиатские знает не понаслышке. В 1948 году ночью, по тревоге, выступили в Ашхабад. Вот когда узнал, что такое землетрясение, что такое стихия, что такое вовремя прийти на помощь.

Потом служил в военкоматах. Служба известная, тоже покоя не было, пришлось помотаться, все кишлаки, все горы окрест-

ные — вдоль и поперек. Сначала — в Уч-Коргон, потом — в Кызыл-Кие, потом — во Фрунзенском. А в отставку вышел, полгода не прошло — вызов в горком.

— Хватит отдыхать, Василий Васильевич, рядом с «пэ-пэ-че» живешь, давай, подтяни ее, помоги городу!

— Честно говорю, я ж не пожарник, я строевой офицер...

— И солдат.

Намек понял. Пришел в часть — вовсе расстроился. Дисциплины нет, матчасть, снабжение — все бедно, иной раз гайки не найти. Замнач — спит на ходу, что ни спросишь — ничего не знает, ничего не помнит и ни за что у него душа не болит. Боец, узнав о пожаре, из другой части города быстрее у машины оказывается, чем он из своей квартиры, хотя живет тут же, во дворе «пэ-пэ-че». А ведь замнач — это тылы.

Все-таки кое-что со временем с места сдвинулось. Подтянулись, наладили учебу, взялись за противопожарную профилактику на предприятиях и в учреждениях. Случалось, были какие-то пожары, но все по мелочи, с которыми удавалось справиться без особого труда. Конечно, как и лесосклад, нефтебаза была объектом особым, выезжали туда по учебной тревоге множеством раз, отрабатывая самые сложные ситуации. Реальность, однако, преподнесла задачу, решения у которой, казалось, не было.

Такой пустяк — взехать во двор. А ворота вдруг оказались закрычены толстой проволокой, чего никогда прежде не было, и понадобилось время, чтобы их взломать. Где сторож? Сторожа нет. Ну что ж, зато пожар есть, заезжай во двор. В машине две тонны воды, это на пять минут, а при двух патрубках — на три. Значит, надо «вставать на воду», а в стояках воды нет. Вокруг море грязи, может, брать воду прямо из-под ног? Но грязь тут же забьет головки стволов, а горючее в емкостях уже закипает. Надо охлаждать «сотку», горит «сороковка», если произойдет выброс — огня хватит до Кувасая, а ведь рядом автобаза, роддом, жилые кварталы. Али Мисил-Оглы с гэ-вэ-пэ¹ в руках пытается делать пенную атаку, но какая уж там атака, если генератор может работать только на чистой воде. Была б вода — за полчаса бы все потушили. Вслед за машинами прибежал Юрка Стороженко. Надо идти на огонь, а жар страшный, прожигает сквозь боекву. Ревни прятет лица за ствол дерева и видит, как обугливается, скручивается кора.

— Юрка,— кричит он Стороженко,— гляди, сейчас и у нас кора скручиваться будет!

ЭНВЕР ЛЕВЕНД-ОГЛЫ

Начальник 2-го караула Энвер Левенд-Оглы был от дежурства свободным и с утра уехал за Уч-Коргон, отдыхать. Когда-то

¹ Генератор высокоскоростной пены.

работал на руднике, в Чаувае, в очистной бригаде, так что окрестные места, а тем более на Исфайрам-Сае, хорошо знал и любил. Когда увидел тучу, заспешил домой, но дождь застал его по дороге, и руки так исхлестало градом, что хоть бросай руду. Все-таки доехал до своей Северной без остановок, дома переоделся в сухое, даже успел немного отдохнуть, пока не услышал какой-то странной шум и возбудившиеся крики бегущих вниз по улице людей. Завел мотоцикл, поехал в сторону базара, все больше и больше тревожась за детей, которые, наверное, уже были там — глазели на наводнение. Кое-как нашел, а их пятеро, погнал домой. И снова — на мотоцикл, потому что над городом вставал столб черного дыма и это значило, что он, Энвер Леуенд-Оглы, должен быть на своем рабочем месте — у огня.

На нижнем переезде его остановила милиция. Да он бы и сам не проехал, такая была грязь, пошел пешком.

— Стой, куда?

— Как куда, тушить.

— Это ты будешь тушить? Как же ты будешь тушить?

Энвер только пожал плечами.

Он и в самом деле не знал, как он осилит такой большой огонь. Пока что ему приходилось тушить скирды, склад селитры, какие-то сараюшки. Он даже не верил, что они как-то справятся с таким огнем, и именно они, а не кто-то другой. И только через несколько часов он доподлинно и навсегда узнал для себя о том, что дело кажется страшным, если глядеть на него со стороны, а когда тушишь — тогда уже не страшно, когда каждый делает свое дело и никто не отступает, когда все вместе и когда все получается. Это поначалу они не верили, что потушат. А потом-то они поверили!

СТОРОЖЕНКО, РЕВИН, АЛИ МИСИЛ-ОГЛЫ

Все-таки нашли воду. Вспомнили про заправочную яму, там — глубина, хоть немного — вода должна была отстояться. Вброд нацупали край ямы, поставили машины, дали воду в стволы. Восемь атмосфер в стволе, один не удержишь, а уж упал ствол — в одиночку не поднять, вдвоем выдирать надо. И рукав в одиночку не утянешь по такому илу, да и вдвоем не очень.

Работали по парам. Ствольщик и подствольщик. Слева — Юрка с Ревиним. Справа Энвер Леуенд-Оглы и Абдукаимов, дальше — Мисил-Оглы Али, впереди всех.

— Гасим «сороковку»! — кричит Юрка Стороженко. А пламя из емкости — как из паяльной лампы, и рев такой, что голова не слышать.

Ударили по «сороковке». Общими усилиями сбили купол. Тактика простая: охлаждение, наступление, тушение. Но когда ты идешь вперед, и ствол, забитый мусором, вдруг смолкает, ты

оказываешься перед огнем безоружным, тем более, что отступить быстро тоже нельзя, поскольку просто не выдержишь ноги. Али выдвинул ногу — остался без сапога, выдернула вторую — остался без второго. Так босиком и воевал, среди огня и железа.

— Нет, хватит, — не вытерпел Ревин, — давай головки свернем, может, меньше забивать будет!

Свернули со стволов головки. Теперь вода хлестала во всю дырку, и засоряться стало реже. Сбили третий купол. Надставили рукава. Надо добраться до поврежденного трубопровода, из которого все еще хлестало обжатое пламенем горючее, и постараться его закрыть. Но для этого надо пройти между двух емкостей. И две емкости с закипающим горючим оставить за спиной. А те очаги, которые только что были потушены, — они снова пылают, потому что туда или приснуло огнем из разошедшегося шва, или упала с дерева горящая ветка, или подтекло из-под трубопровода, и теперь все снова здорово.

Начинали работу шестеро. Потом прибегали свободные от дежурства тринадцать — стало девятнадцать. Пришли на помощь машины из пожарно-сторожевой охраны колхоза имени Калининна, что в Уч-Коргоне, из Кызыл-Кийской ВГСЧ, из Куваая и Ферганы — за двадцать километров было видно нефтебазовское зарево, даже из Оша успели приехать, и не к шапочному разбору.

В двенадцать ночи зажали почти все, остался какой-то квадратный метр огня. А было двести. И тут снова смолчал ствол, и огонь вновь прыснул в сторону Али и Стороженко, и вновь пришлось отступить, чтобы под прикрытием ребят переставить дух, прочистить стволы, может быть, уже для последней атаки. Потом Али пошел закрывать центральный вентиль. Над ним была горящая емкость, но огонь сбивали со всех сторон, а один ствол работал постоянно на охлаждение Али. И Али подобрался к вентилю, закрыл его, не спеша уходил оттуда. А потом все стало проще, хотя на пожарные пришлось отдежурить еще шесть суток: вдруг что-нибудь еще?

Есть такое правило у пожарных — без команды место не покидать. И Ревин долго еще продолжал охлаждать «свою» емкость, не замечая, что все пошло к машинам. Потом его окликнули: «Эй, Ревин, что, поправились?» А ног не вытянуть. А плечи, спину от тяжести ствола просто разламывает. А надо еще собрать рукава, которые так лихо скатываются на учебных тренировках и которые теперь не вытянуть даже вшестером. Но уж теперь можно и отдохнуть. Вроде бы заслужили, и в 23.50 Ионкин смог доложить горкому партии, что пожар на нефтебазе ликвидирован.

Да, пожар на нефтебазе ликвидирован. А вот из роддома вызов, там полны подвалы воды, здание может дать осадку, а в па-

латах роженицы и малыши. Водитель Маросилов, боец Ревин? На откачку воды. И до утра.

Что ж, поехали на откачку воды. А начальник караула Али Мисил-Оглы отпирался домой — как-никак, а ему досталось больше всех. Пришел домой, жена смотрит, ничего понять не может. Лицо обгорело, веки вывернулись — не узнать человека. Он — не он?

— Али, что с тобой?

— Со мной? Ничего. Так получилось.

САВЕЛЬЕВ. НОЧЬ НА ДЖАЛЕ

Дом у Савельева на Садовой, а в том краю никогда еще не топило — высоко. Но где топят — Олег Андреевич «в курсе», и потому еще и дождь не пройдет, а начальник шахтоуправленческой автобазы уже прикидывает, что где может случиться и куда какую машину надо будет послать. Еще бы не знать. Родился тут. Вырос. Сколько избегано по окрестным холмам и буеракам. Отец — шахтер. Да и сам в отца весь, здоровый, озорной, за словом в карман не лезет, да и за делом тоже. Руки рабочие, такими только слесарить. Слесарил в свое время, приходилось, да и теперь, когда в машине покопаться надо, дядю не зовет, сам. Что ж, всю жизнь с машинами, должен знать.

Дождь застал Савельева в шахтоуправлении. Связь тотчас вышла из строя, но было ясно и без связи, что происходит в городе и что последует затем. Пока смотрел из окна — перебирал фамилии шоферов, кто дома, кто на смене, а тут стихло — сел в «дежурку» и проскочил в город — глянуть. Тут же вернулся, вызвал по тревоге всех шоферов, а пока люди собирались, успел обернуться еще в горком и горисполком. Тут тоже зря времени не теряя, и созданный на ходу, на бегу городской штаб по ликвидации последствий стихийного бедствия уже предпринимал первые шаги. Город разбивался на участки, туда направлялись отряды спасателей и машины. Надо было вывозить людей, их имущество, если что уцелело, а еще надо было убирать погибших, и эту работу надо было сделать до рассвета, такой была она не для глаз человеческих.

Что делать, кому-то приходилось ее выполнять. С ним были солдаты из пришедшей на помощь воинской части, ну и свой брат, шофер. Были Кошенидзе и Черников, Исмаилов и Юмакаев, был Борис Некрасов, был Виктор Пелипенко — всех не назовешь. Да и никого не выделяешь. В обычной жизни при самой луженой глотке охрипнуть можно, прежде чем убедить иного работничка делать то, за что он, между прочим, получает зарплату. А тут — нет, ничего говорить не надо было. И работали до тех пор, пока были силы, пока можно было еще хоть кому-то чем-то помочь.

Светила луна. Воздух был неестественно прозрачен, словно

хорошо промытое стекло. На открытых пространствах было совсем светло, и тем чернильной, непроницаемой казался мрак в тени руин и в самих развалинах. И попробуй отличить, что перед тобою: то ли залитые глиной, скрученные в жгут, в ком одеяла и матрацы, то ли погибший человек?

Шли с фонарями, пробирались сквозь завалы и проваливались в залитые селом промоины, вламывали забитые наносами двери и окна, искали под скользкими от ила стволами деревьев и измочаленными ворохами кустов. Следом пробивалась «Беларусь», она прокладывала дорогу машинам. Люди все мокрые, все в грязи, лицо не вытереть, волосы не поправить, впрочем все это ощущалось лишь на первых шагах — о том ли речь? К двенадцатому корпусу подошли — под крышу залило, вроде и искать нечего. А взломали дверь — трое живых: девушка, старик и старуха. В воздушной подушке уцелели под потолком. Вытащили их — и в профилакторий. Человеку из такого состояния выбраться подчас не легче, чем из-под обломков стен, и это не только забота врачей.

Так прошла ночь. А утром — в штаб, за новым заданием, зная, что все руководители предприятий уже там. Задание было одно, и на многие дни вперед. Ну а шахта, уголек — это само собой. План есть план, и его никто не снимет, независимо ни от каких обстоятельств. Разрушена железнодорожная ветка на шахту — значит, ее надо восстановить. Подмост мост по дороге на разрез Абшир, а сам разрез затоплен — значит, дорогу и мост надо привести в порядок, а воду из карьера откачать. Ну это само собой, на то существует шахта, существует разрез, чтобы они прежде всего давали уголь. А задание штаба такое: за месяц очистить от наносов улицу Первомайскую. Почему за месяц? Сделаете быстрее — отлично. Когда все успеть? Организуйте работы в две смены: одну — на шахте, другую — на очистке. Впрочем, вопросов этих никто не задавал и ответов на них никто не спрашивал.

Нужно сделать. Действительно, нужно. А ведь, между прочим, улица Первомайская самая большая в городе. Центральная.

ДЕЖУРНЫЙ ФЕЛЬДШЕР

Дежурный фельдшер пункта скорой помощи Зинаида Николаевна Морозова должна была заступить на смену в 8 вечера. Живет она в Январском, дождь переждала дома, а потом вышла к гостинице, куда за ней должен был подъехать шофер Рустам Хасаджанов. Отсюда, с бугра возле гостиничной площади, она видела все. И то, чем предстояло заняться в это выпавшее на ее долю дежурство, она тоже видела и представляла, и теперь только ждала начала этой работы, которая неизвестно когда и чем кончится.

Рустам смог подыхать, лишь когда вода пошла на убыль. За двенадцать лет, проработанных в «Скорой помощи», водитель привык ко всему, вернее сказать, перевел многое. Но и ему было трудно, и вовсе не от того, что куда-то сложно было подыхать. Кстати, телефон не работал, и люди прибегали на станцию сами, а пострадавших привозили на самых разных машинах, и работа начиналась тут же, прямо во дворе пункта, прямо на асфальте.

Пострадавших доставляли мокрых, замерзших, подчас в полубоморочном или бессознательном состоянии. Надо отмыть человека от грязи, но как это сделать, если в краях нет ни капли воды? Загнали во двор поливалку. Мыли прямо под струей — выхода не было, лишь бы только успеть оказать помощь. Теперь переодеть в сухое, согреть, укрыть — в ход пошло все, что было под руками, вплоть до половиков. Делали спасенным уклады, делали уклады себе, чтобы не упасть в обморок от всего того, что приходилось видеть и делать.

Вызов. Плохо Римме Михайловне Хохловой, главному терапевту города. У нижнего соседа нашли ее мужа, преподавателя ПТУ Юрия Егоровича. Спасал женщину, втолкнул ее в дом, а самого сбilo бревнами. И ведь такой здоровый, сильный был человек.

Погибла медсестра Нина Локоткова. Она с восьмимесячным малышом была в комнате, а двое старшеньких играли во дворе. Услышав шум селя, она положила малыша на печку и выскочила во двор — за детьми. Тут их всех и накрыло. Ночью, когда по Джалу пошли спасательные отряды, за одной из заваленных селом дверью услышали детский плач. Проникли в дом — на печи ребенок. Пяти сантиметров не дошла вода до края печи...

Вызов. Соседи не могут раззвать пальцы старушке, вцепившейся в ручку сундука. Вода в доме была под потолок, сундук всплыл, вместе с ним всплыла и его хозяйка.

— Сундук плывет, и я с ним, — кротко поясняет старушка, — он плывет, и я с ним.

Утром начались другие вызовы. Ушибы. Ссадины. Простуда. А потом и все последующие дни — стенокардия, давление — не успевали принимать вызовы. Дни стояли неизменно душные, жаркие, а десятого числа вновь пошел дождь. Люди хватали детей и в плащах, под зонтиками бежали на гору. Что ж, их можно было понять.

А медиков пугало другое. Они боялись брюшняка, дизентерии, прочих инфекционных заболеваний, для которых сель создал все условия, которые можно было бы только придумать. Он лишил людей воды. Он выплеснул на город содержимое всех джаловских уборных и выгребных ям, сдобнив это мисиво парфюмерией спесенных магазинов и киосков. Он погубил множество домашней птицы, животных, все это тлело теперь под завалами, которые не так-то просто было разобрать. И невыносимая духо-

та, влажность испарений и жара, столь необычная даже для Кызыл-Кий.

Только не допустить инфекции! Засыпали хлоркой все, что можно было засыпать. Малейшее расстройство желудка — в больницу. Повышение температуры — в больницу. Тревожного сигнала ждали каждый час, каждый день, и каждый прожитый без него день вселял уверенность, что выстоят, что не допустят. Так и не допустили.

АРХИТЕКТОР ПАВЛОВА

Куртка, брюки, сноровистый шаг привыкшего помногу ходить человека — она выделялась среди своих коллег, других работающих в исполкоме женщин, напоминая больше геолога, полевика-изыскателя, что, в общем-то, было не так уж и далеко от истины. Павлова — городской архитектор. Но всерьез ничуть себя таковым не считала, поскольку всю жизнь проработала на шахте. По стажу, а стаж — подземный, вышла на пенсию и два года просидела дома. Потом ее вызвали в горком и то ли попросили, то ли поручили как члену партии, она так и не разобралась, как надо было понимать эти слова: «Выручай, Наталья Яковлевна, бери архитектуру под свое начало!»

— Так я ж не архитектор.

— А нам Кваренги и не нужен. У нас привязку делать кому, разбивку делать кому, порядка, надзора нет строительного, ты же маркшейдер!

Были б дочки поменьше, — наверное бы, отказалась. Но дочки выросли, дочки — взрослые люди, да и не в этом, собственно, дело, ведь когда девочки были маленькими, работала же она... Дома невмоготу сидеть стало, вот и согласилась. Как отсиживаться в четырех стенах, если с людьми привыкла, если здесь, в этом городе ее еще помнят Наташей Павловой, а кто так Наташей до сих пор и зовет.

Она только что вернулась с объекта, с улицы Маяковского, где неподалеку от гостиницы намечалось строительство нового здания для городского архива. Разговоры об этом велись давно, и «АПЗ», то есть архитектурно-плановое задание надо было обновить. Или уж, во всяком случае, утвердиться в решении, оставлять объект на Маяковской или куда-либо перенести. Место высокое, вся панорама города открывается, но любоваться было некогда, да, честно говоря, и нечем особенно, насмотрелась за жизнь, с закрытыми глазами все знает. Так что вернулась в горисполком, в отдел, где ее ждали неубывающие нагромождения строительных отчетов и чертежей. И кто бы мог сказать, что через какие-то полчаса она вновь будет бежать к улице Маяковского, к самому крутояру, с которого все так хорошо видно и с которого она вдруг увидит то, чего ей никогда еще, слава богу, видеть не приходилось.

...У нее как-то спросили, довольно-таки в случайном разговоре: «А что, Наталья Яковлевна, вам из Кызыл-Кии никогда не хотелось уехать?»

Из Кызыл-Кии? Даже удивилась. Почему, собственно, она должна отсюда уезжать? — Ну как, почему? — пытались ей объяснить. — Какие города есть интересные, какие места красивые, и леса с грибами, и речки с купаньем, да мало ли чего... А тут пыль да колючки, да выжженные адыры, да хлопковые поля — шагу нигде ступить, да мутный бешеный Исфайрам-Сай: сунешься — так с ног и сшибет. А еще шахты. И разве шахта ласковее Исфайрам-Сая? Разве не сшибала она с ног так, что, казалось, и не подняться? Так какими же сладкими пирогами наугощала ее, Наталию Павлову, жизнь в этом самом что ни на есть обычном шахтерском городке, если о какой-то иной жизни, в других краях и городах ей ни разу не пришлось в голову и подумать?

Отец погиб еще до войны. Он сорвался в шурф, на четвертой шахте; немного пережила его и мать. Их осталось шестеро. Три сестры — они были постарше — и три брата, те — мал-мала. Теперь матерью стала старшая из сестер — Анна. Мачехой пришла война. И поэтому едва позволили года — а на них тогда глядели в полглаза, — Наташа поступила в ремесленное училище. Оно, это училище образца 1942 года, едва ли что имело общего с теми сегодняшними ПТУ, в которых ей иногда приходится бывать теперь. Но хлеб все-таки давали и чем-то кормили, а после учебы они шли собирать для кухни конский шавель, куриные отходы, и это тоже было подспорьем. А еще у них была 110-часовая программа военной подготовки. И был военрук, который уже успел отлежать свое в госпиталях, увидеть войну так же близко, как теперь видел их, своих вечно голодных подопечных. Они изучали винтовку и маршировали, стояли на постах: с оружием в руках и совершали по ночам воензированные походы. Они делали это со всей отдачей. Они верили, что фронту нужно и это, их походы, их дежурства, их секунды по разборке и сборке затвора, тем более, что в эти секунды не думалось о еде.

Была в училище и маркшейдерская группа. Она состояла почти сплошь из девочек. Такая специальность казалась вроде бы почище да полегче, как раз для женских, не очень все же и сильных рук. Но она, Наташа Павлова, разницы между «женским» и «мужским» трудом как-то все же не заметила, ни тогда, когда училась, ни тогда, когда учеба без всяких переходов сменялась работой. Просто этой разницы в те годы не существовало. Уголь — он был уголь для всех.

Впрочем, свою, «законную» что ли, смену Наташа Павлова отработывала согласно штатному расписанию — маркшейдером. А едва кончалась эта смена — начиналась другая, когда все, кто мог держать в руках грабарку, вставали на погрузку угля. Что бы там ни было, сколько бы мужчин ни забрал фронт — шахта,

должна была дать свой обязательный, свой ежедневный состав угля. И пока они, женщины, этот состав не набирали, выскребая иной раз все под метелку, даже из-под рихтаков, свято надеясь и веруя, что этот еще один, и еще один, и еще один килограмм угля поможет хоть на мгновение раньше покончить с войной — домой никто не уходил.

Так жили. А, может, и не совсем так, потому что и в те годы были весны и осени, солнце и облака над головой, были весенние горы в тополянах и маках, были горы дынь и арбузов. На колхозном базарчике были огромные корзины, на которых возвышались медово-зеленые пирамиды винограда — те непреходящие радости жизни, которые своей улыбкой помогали переживать и черные дни. А еще были товарищи. Общность судьбы и дела. А еще каждое утро были сводки Информбюро, был торжественный голос Левитана, зачитывавший очередной победный приказ Верховного Главнокомандующего, были невозможно-томительные последние дни апреля сорок пятого, когда казалось, ну сегодня, ну завтра, ну послезавтра обязательно это произойдет. Так ждали, что это случится именно в майские праздники, вовсе не случайно, а по всей сути своей совпав с ними. День Победы!

А ведь она тогда еще и училась. Самой не верится, но, кончив в 44 году ремесленное училище, сразу же поступила на вечернее отделение горного техникума, по своей специальности. Ведь она и девочкой понимала: ну что там, ремесленное училище! Семен Павлович Кузьминский помог. Был такой седенький маркшейдер на шахте «Джал», спасибо ему. Работала у него помощником. Потом стала трудиться самостоятельно, маркшейдером участка на шахте № 6. Техникум кончила в 1948 году. Наконец-то она настоящий, дипломированный специалист! Теперь только жить да жить, ведь все к лучшему идет. Запомнился он ей этот, 1948 год. Завал шахтной кровли. Ну надо же так, каких только в войну «чудес» не было, и все пережили, все как-то обошлось, а на поправку пошли шахтные дела — на тебе, угодила.

— Прощай, Маруся плитовая.
И ты, братишка ствольовый.

Горноспасатели... Больница... Шесть месяцев на инвалидность. И почти неизбежный в таких случаях вопрос — что дальше? Как снова уверовать в надежность крепейской стойки, в способность человека всегда удерживать под контролем поведение потревоженных им земных глубин? Как вернуться, как снова заставить себя шагнуть через железный порог шахтной клетки, если ты знаешь, что эта стойка ломается, словно спичка в руках мужчины, а вагонетка под ударом горного давления летит пустой консервной банкой, поддетой носком сапога?

Наташа Павлова вернулась. Люди же возвращаются, а значит, хуже? Пришла повзрослевшей, строгой — другой. Впрочем, эта перемена была скорее внешней — из-за травмы зрительного нерва пришлось надеть очки. Говорили, что со временем это пройдет, что зрение наладится, а не нет, не наладилось, уж если что терпеть в этой жизни, то часто терпеть совсем. Шахта — осталась. Шахта и теперь казалась для нее родным домом, теплым и надежным, в котором она, маркшейдер Павлова Наталья Яковлевна, — своя. И вокруг все свои. А это, в конце концов, главное.

В партию вступила в 1951 году. Несколько раз избиралась депутатом горсовета. Свои-то свои, а выходить перед людьми все же было как-то жутковато. На первую предвыборную встречу, боясь опоздать, пришла задолго до начала, а минута настала — и вся решимость кончилась, будто и не было. Какой она депутат? Что она скажет людям, чем поможет? Народ собрался, председательствующий в президиуме на часы смотрит, а она за дверями скрывается — сил нет ступить через порог. Сступила потом, куда деваться. Дни стали еще плотней, еще более обросли судьбами и делами, и эта новая, вторая жизненная ноша стала для нее со временем такой же безусловно необходимой, такой же значительной для людей и для себя, как и первая.

В 1940 году демобилизовался, пришел из армии Николай Колокольцев. Гвардии старший сержант. Орден Красной Звезды. Медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина». Про войну рассказывать не любил, и ничего не рассказывал, ни тогда, в те самые первые их общие годы, ни позже, когда подросли девочки и им, наверное, надо было что-то и рассказать. Война была для него делом таким трижды проклятым, что возвращаться к ней он не хотел даже в мыслях. Хотя вроде бы и повезло. И вернулся. И наградами не обойден. А ранения если и были, то легкие. Опять же и братьям его повезло. И Георгию, и Семену. Правда, ранения у них были посерьезней и у обоих в ногу, но ведь главное, что вернулись, что живыми остались, а такая радость не каждый дом навещала, не каждый!..

Они не были прежде знакомы, хотя Николай и родился в Кызыл-Кие, и вырос, а про дядю его, отчаянного вояку красных конников Василия Яковлевича Хрипченко, знал каждый пацан. Познакомились потом. Как было не познакомиться? Все же городок не такой уж и большой, каждый человек на виду. А тем более — маркшейдер, комсорг, всяческие общественные поручения...

Ну а Николай так и вовсе приметен был. Фронтовик, орденоносец, а какой любитель физкультуры, спорта — не из тех, кто день-деньской на трибунах сигаретками дымят, пустые бутылки под скамейки катают...

Рабат Николай механиком спецконтроля рудоуправления. Позже туда перешла и она, благо фамилию свою сохранила, как Павловой была, так Павловой и осталась, так что случись заглянуть в контору заезжему борду с семейственностью на производстве, никакого криминала он тут бы не узрел.

Контора эта занималась делами отнюдь не конторскими. Она разбуривала с поверхности возможные очаги подземных пожаров и закачивала по скважинам глинистый раствор. Раствор или препятствовал самовозгоранию углей, лишая их доступа воздуха, или тушил участки уже тлеющих пластов. Однажды ей надо было спуститься в одну из наклонных выработок, чтобы зафиксировать выход пробуренной туда скважины. Ей нездоровилось. Она так тяжело себя чувствовала, что никуда не пошла, осталась дома, чего с ней почти никогда не бывало. Она попросила Николая. Все равно же он будет на участке и ему ничего не стоит заглянуть в наклонку. Да, конечно, ему ничего не стоит. Он заглянул и попал под сорвавшуюся вагонетку...

Ей сообщили об этом поздно вечером. А она целый день — и не только от нездоровья — не находила себе места и все никак не могла дождаться Николая. Так и не дождалась. Его привезли только попрощаться, чтобы он еще раз поблагодарил, чтобы с ним могли проститься все те, кто его знал. Да, надо жить дальше. Да, ради девочек. Да, она человек крепкий, она шахтерка, и что такое шахта — она знает. Но от мысли, что это она должна была идти в наклонку, что это она послала вместо себя Николая, что это он принял на себя то, что, видимо, суждено было принять ей, — беда казалась и вовсе невозможной. Теперь ей казалось, что свою болезнь она придумала, что не пошла в шахту только от предчувствия и, зная об этом предчувствии, ничего ему не сказала, не предупредила, не вернула. Понятно, что это вздор. Понятно, что это глупости, болезненное воображение и прочее, и прочее, что это всего лишь нелепое совпадение двух случайностей и трех-четырёх секунд. Ведь Николай мог пойти и часом раньше.

Вырос на кладбище шахтерский, сваренный в ЦРММ из листовой стали обелоск со звездочкой наверху, а она осталась с двумя девочками, старшей — Женей, и младшей — Олей. И это было счастьем: не одна.

В пять утра 18 июня 1966 года ей вполыхах сообщили о том, что на Исфайрам-Сае селы сносит пионерский лагерь. Она выскочила из дома и побежала по улице в сторону Уч-Коргона. Она даже не подумала об автобусе. Любый автобус показался бы ей в ту минуту медлительным, любое ожидание на остановке было для нее в те минуты не по силам. Туда, в лагерь на Исфайрам-Сай, она отправляла отдыхать Женю. Туда теперь она бежала, ничего не слыша, ничего не видя перед собой. Навстречу ей шли автобусы, они везли детей из пионерского лагеря. Из окна одного из автобусов высовывалась Женя и пронзительно кричала: «Мама, я здесь, мама, я здесь!»

И когда Наталья Павлова услышала все-таки этот крик, когда она оглянулась и увидела дочь, она потеряла сознание, упала и очнулась только в больнице, как это однажды уже было, когда рухнула кровля.

Да, было и это. Она не могла не вспомнить о сёле по Исфайрам-Саю, увидев сель в городе, в котором столько всего пережила. В шесть вечера, вернувшись с объекта, она сидела и перелопачивала бумаги, на которые нет времени утром. А тут еще конец полугодия, и надо смотреть отчеты строительных организаций за пять месяцев, документы по контролю за застройкой, а тут еще эта тяжкая духота, а потом этот ливень, а потом топот ног и возбужденные крики, и надо было встать и выйти в коридор, потому что что-то случилось.

Мимо кинотеатра «Заря», через площадь Ленина бежали женщины в белых халатах — врачи и сестрички кызыл-кыйской горбольницы. Кто живет на Джале, у кого там — родные и близкие. Они бежали по улице Мира, к новой гостинице, а с ними бежала и Наталья Яковлевна. Вместе с ними стояла на бугре и смотрела вниз, сама, своими глазами видела она, как вода заливают «корпуса», как гибнут десятки, двенадцатый барак, как вода затопила восьмой, тот самый, в котором жил с женой и двумя сыновьями ее средний брат — Михаил Яковлевич Павлов.

Ночью от горькома был автобус, попытались проехать в Джал. В свете фар, из произносившей сыростью тьмы возникали страшные нагромождения завалов, накрененные, обглоданные добела стволы деревьев, с которых свисали то обломки железобетонных плит, то матрасы и тряпье. Блестели глубокие промоины, доверху налитые желтой глиной. Неясно возникали среди руин тени людей, неуверенно разыскивавших во мраке то, что еще недавно было их улицей, их проулком, их домом. По тому, что еще сегодня были асфальтовой дорогой, бесцельно брела женщина, ничуть не реагируя на остановившуюся в двух шагах от нее машину. К ней подошли, попытались заговорить, расспросить, посадить в автобус — она говорила только с собой. Эту женщину многие видели в те дни, запомнили и фразу, которую она вновь и вновь повторяла: «Все были. Все было. Ничего нет. Ничего нет».

Утром вышли на обследование Джала. В рабочей группе по определению нанесенного ущерба — заведующая БТИ Анна Александровна Сотникова, начальник ЖКК шахтоуправления Тансия Тимофеевна Ежкова — шахте в Джале принадлежало семьдесят процентов жилья — и она, городской архитектор, Наталья Яковлевна Павлова. Впрочем, задачу их таким образом можно было определить лишь условно. За ними, конечно же, последуют другие комиссии, с более обстоятельными, более детальными обследованиями, а пока они шли первыми.

Надо было хотя бы примерно нанести на план города зону затопления, определить объем наносов, хотя бы в общих чертах составить перечень того, что снесено полностью, что наполовину, что может быть восстановлено, а что нет. Ну и что-то сказать людям, хоть как-то утешить и обнадежить.

Как-то утешить... Ежкова всю жизнь с шахтерами проработала, с кем угодно объясниться может, и по-хорошему, и по-лохому, голос у нее громкий, манеры мужские, властные, а тут и она притихла. Среди ила и хлама, на оставшемся от дома фундаменте молча сидела пожилая, без ног женщина, а к ней прижились две девушки-племянницы, которых женщина-нивалид одна воспитывала.

Михаил Яковлевич Павлов жил в восьмом. Восьмой стоял рядом с восемнадцатым, но восемнадцатый был расположен почти на склоне, поэтому то ему и меньше досталось. Восьмой был разрушен. И все же близость склона оказалась спасительной, и все Павловы вовремя оказались на горе.

МУСА АБДУВАЛИЕВ

Чуть свет — на шахту. Как можно раньше узнать, что и где нужно делать, с чего начинать. А раскомандировка уже полна, здесь и те, кто поднялся со смен, и прибежавшие из дому, и даже те, у кого этого дома уже нет. Разговор короткий — помочь пострадавшим. Особенно сейчас, в самые первые, в самые тяжкие часы.

Муса заспешил домой. Собрал соседей. Тех, кто живет, как он, наверну и кого беда миновала. Надо топить печи. Надо делать лепешки и чай, готовить лапшу и шорпо, нужна еда и вода, кто что может, и немедленно. Народ разный есть, возможно, в другое время кто-то бы и заворчал. Дескать, кто ты такой, почему распоряжаешься, это у себя на шахте ты бригадир-наставник, Герой Социалистического Труда и все такое, а тут ты просто Муса Абдувалиев, просто сосед. Нет, все поняли с полуслова и каждый старался искренне что-то сделать. Потому что видели, что было винуз вчера и каково там сегодня.

Вчера... Такое ощущение, что все это длится очень и очень долго. Вчера он провел второй наряд, проводил ребят на смену и поехал домой. Вроде и день был ясный, а так ломило всего, что невольно о перемене погоды подумал, хотя с каких это пор он стал реагировать на погоду? Даже лечь захотелось. Окна в комнате были затенены, а потом и вовсе темно стало, даже на часы глянул: не по времени!

Тут ударил дождь, да такой, что враз объяснил и его недомогание, и ту немощную духоту, от которой гложко в ушах. Какое-то время он лежал и слушал шум дождя и радовался враз нахлынувшей в окна прохладе, но тревожно-взволнованные голоса соседей и неумолчный шум воды подняли его с постели.

Одеваясь, Муса в который уж раз подумал о том, что надо было все-таки поставить дом чуть повыше, на самой кромке, тогда сбегавшая по ложине крутояра дождевая вода не заливала бы двор.

Двор был полох воды. Муса натянул спецку, взял в руки топор — надо было прочистить водоотводную канавку, ее наглухо забило бог весть откуда принесенным мусором. Начал работать, пока не возник где-то в стороне Джала этот шум, гул, рев, или что уж там это было? Разогнувшись, повернулся в сторону Джала, да так на месте и застыл.

Туча, угольной глыбой накрывшая город, сползла к горам. Они, горы, стояли теперь непроницаемо-черной, слившейся с землей и небом стеной. Стена изумрудно светилась яркой, круто выгнутой семцветной радугой, под которой с неестественной, контрастно-усиленной столь же неестественной прозрачностью промывного ливнем воздуха, горел белизной стен, закатными красными бликами окон ставший вдруг совершенно неизвестным и странным, как в дурном сне, Джал. Муса не сразу понял, что там происходило, а когда понял, когда разглядел, так с топором в руке и выскочил со двора, побежал вниз по склону, и дальше уже ни рассуждать, ни разглядывать что-то было не годя.

Бугристый вал села несся во всю ширину Джальской долины, окутанный вспышками пыли рушащихся домов и построек. Источный ор кошек. Отчаянный лай собак. И треск, хруст раздираемого в щепы дерева, падающих столбов и заборов.

— Сын утонул, сын утонул, — кричал бежавший навстречу знакомый шахтер из спецконторы, мельком знакомый, в лицо, а сейчас и вовсе имени не вспомнить, да и лица на нем нет. — Сын утонул!

Под берегом, в утробно ревущей воронке жидкой глины, то показывалась, то исчезала чья-то голова, воздетые вверх руки. Под ноги попался конец оборванного где-то кабеля. Кстати топор в руке, — будь ты благословенна, великая привычка рабочих рук к рабочему инструменту, — отхватил кабель, бросил в воронку, вытащил парня — живой!

Прихватив спасительный кабель, двинулись с оказавшимися рядом людьми по кромке села вверх по течению, к железнодорожной насыпи. В изгубе Джал-Сая насыпь, наполовину перекрытая долину, примыкала к глубокой выемке, по которой железнодорожная колея выбиралась из долины на предгорное плато, к шахте. У этого поворота, где течение села несколько замедлялось, тонущих выбрасывало на откос дамбы. Вытащили трех женщин. Потом — старика, оказали ему первую помощь. Потом — Рашида Сабирова, знакомого слесаря из ЖБИ. Его приперло лесом, пришлось, действуя бревном, как рычагом, освободить его из завала. Освободили, откатали, ожил.

Сель штурмовал железнодорожное полотно. С особой силой он пер в прямоугольный проем моста через Джал-Сай. Выстро-

енный с запасом, казалось бы, на самые большие паводки, которыми, конечно же, никогда не бывало на столь убогом, пересыхающем ручье, мост едва пропускал и ту часть села, которая устремилась в его сторону. Тут не хватало только затора, и этот затор ждал себя не заставил. Плывшие по поверхности села поля где-то погибшего дома встали перед мостом на ребро и аккуратно, точно, как подведенный спасателями щит на пробную судна, наглухо закрыли проран. Вода сразу же полезла на мост.

Стоя по колено в грязи, на скользких от ила, вибрирующих от напора шпалах, Муса рубил и рубил вот уж нехотая оказавшийся таким крепким, на совесть сработанным кем-то пол. Теперь — кто кого. Или он, Муса, вовремя разобьет этот на глазах растущий завал, или сель несет мост, насыпь, и, значит, шахта и после села окажется отрезанной от внешнего мира, перестанет «качать» уголь и неизбежно встанет.

Муса чувствовал себя как под кровлей начавшей «куполиться» выработки, под ее оседающими, рушащимися вниз вывалами. Оглянулся — кто голыми руками, кто жердями, обломками железных труб рядом ворочали, разбирали завал преподаватель медучилища Мамасалы Кочкоров, прибежавшие со стороны недалекого отсюда ДОКА Иван Ибатуллин с сыном, кто-то еще. Стало быть, не один. Что бы ни один сделал! А ведь сделали, пропихнули сель под мост, никогда бы не поверил, что это можно было сделать.

Поднял голову — жена. Бежит к нему, а сама чуть не в обмороке.

— Больницу несло... Соседка сказала... Талайбек...

Как был, в иле, в грязи, Муса все тем же склоном побежал в нижнюю часть города. Там, в детской больнице, лежал их внук Талайбек. Снова крик — следом бежала дочка.

— Папа, папа, все в порядке, детей забрали в общежитие студентов, папа!

Так и сел на землю. Отдыхался, глянул на ободренные руки — в правой все еще был топор. Поднялся, пошел домой. Все, что мог на сегодня, он сделал, а теперь еще надо было полежать. Все-таки, наконец, он не здоров, а тут еще эта соседка. Годы пройдут, а он так и не сможет забыть ее слов, простить их. Люди, прошедшие войну, рассказывали, как поступали на фронте с паникерами. Правильно поступали.

Жена сварила курицу. Вышел Муса из дома, смотрит — соседки вниз потянулись. В желтую топь. В чужую беду, называть чужой которую не поворачивался язык. На головах — узлы с горячими лепешками, в руках — кастрюли и чайники, лопаты и ведра. Надо кормить людей горячим. Выгребать ил из домов. Чистить дворы и проходы. И ведь как она распоряжается, судь-

ба! Два дома стоят. Бок о бок. В одном — и крыльца не залило, в другом — под потолок, ничего не оставила.

Только взялись за дело, на помощь — комиссия. Одна, своя, уже прошла, а эта откуда? Из дома — в дом. От горя — к горю. Оказываются, из Фрунзе. Правительственная. Когда успели?

Шахтеры работали на участке от шестой школы и вверх по Джалу. Пришли к старому Раззаку Умурузакову, а от его домика и следа не осталось. Как могли, выразили старику сочувствие, сбросили с машины мешок муки.

— Э-э, сынки, зачем столько? В старые времена от голода умерли бы, случись такое.

— Ну, вспомнил, отец. Забыть пора те времена.

— Нет, нельзя забывать. Ничего нельзя забывать.

Ну, кое-что можно было бы и забыть. Случись Раззаку совершить своей ежевечерний намаз дома — поговорить о временах старых и временах новых ему бы уже не пришлось. Он был в гостях, у старшего сына Камала, а в шесть вечера расстелил, как водится, коврик, встал на колени и принялся отбивать поклоны всевышнему. За этим «серьезным» занятием ничего не слышал, не замечал и был очень удивлен бесцеремонностью внука, который ворвался в комнату, сгреб леда в охапку вместе с ковриком и молча, бегом потащил куда-то в гору: а еще шофер, грамотный человек...

— Э-э, Раззак-аке, вы теперь не всевышнему молиться должны — внуку!

— А я не за себя. Я за него молюсь.

КУЛЬПИН, НАЧАЛЬНИК РЭС

В Оше начальник Кызыл-Кийского РЭС¹ Василий Александрович Кульпин был с месячным отчетом. Домой выехали посуху, а стали подниматься на Наукатский перевал, угодили в ливень. Минут сорок стояли, такая вода шла. Да и после перевала не разогнаться было — везде ручьи, везде намыло, натащило на асфальт песок и щебня. У Бель-Урюка вовсе селевые потоки через дорогу прошли, а в Абшир-Сае и в Караване — хоть трейдера жди. Караван проехали, еще тревожней на душе стало. Стемнело, а впереди — ни огонька. Обычно кызыл-кийские огни от Каравана видны, а днем едешь — труба комбината стройматериалов прежде всего вырастает, прямо в створе дороги. Сейчас в створе дороги в небо бил столб пламени.

— Комбинат, что ли, горит?

— Какой комбинат, нефтебаза! Нефтебаза горит, точно!

У нефтебазы увидели, что случилось с городом. Дальше стояло оцепенение, проехать было нельзя, а контора РЭС — по ту

сторону переезда, за Уч-Курганской, на горе. Пешком, оступаясь, проваливаясь в грязь выше пояса, его даже чуть не снесло, хотя вода вроде спала. В конторе уже собрались люди, наскоро ориентировались в обстановке. Все линии вырубались автоматически. Включать, конечно, ничего нельзя, до выяснения нарушений на месте. В диспетчерской группе — электромонтер Равиль Рахматуллин, шофер-электрик Шахоб Тешебаев, диспетчер Вячеслав Жученко. Вот уж кому не поспать сегодня. А завтра? А послезавтра?

Сам — назад к нефтебазе. В Январский, в горком. Сидел на совещании, слушал людей, стараясь не думать о том, что там, дома... Ведь они на Джале живут, по Токтогула. С сорок шестого года здесь, не было никогда такого!

— Ты когда дашь свет, Василий Александрович? Ты знаешь, что для нас сейчас свет?

Понять можно секретаря горкома. А что ответить? Приложим все силы? Сделаем все возможное? С обычной программой еле управлялись, а тут...

— Людей мало, Александрович, одним долго расхлебывать.

— Воинские части на подходе. Один не будешь. Ош выехал, Джалал-Абад... Когда дашь свет?

Из горкома — на обходы. Худшие опасения — они всегда сбываются. Линия по Джалу — уничтожена полностью. По Железнодорожной — полностью. Все подстанции затоплены, опрокинуты, сколько дней уйдет на откачку воды, на обтирку и просушку кабеля? Линия в 6 киловольт у маслозавода — масса обрывов. Фидер Комсомольский на протяжении 600 метров — то же самое. И эти strange, как перекачи-поле, клубки измочаленного, рваного провода — он, Кульпин, никогда не видел ничего подобного.

К двенадцати ночи дали энергию первым предприятиям, в том числе хлебозаводу. К двум часам включили Январский поселок, а значит, горкому, штабу, узлу связи, горбольнице, гостинице и общежитиям ПТУ-2, где надо было размещать пострадавших. В четыре ночи прибыли две мехколонны из Оша и Джалал-Абада с персоналом в сто человек. Кто бы сказал — не поверил бы, ведь с начала ливня прошло всего лишь десять часов.

В шестом часу 2 июня начальник РЭС Кульпин добрался, наконец, до своей улицы Токтогула.

Пощадила судьба. Не дошла вода до его дома. А была так близко, что жена с дочкой бегом поднялись в горы и спустились только в десять вечера, раньше боялись. Посл, что было. Переодейся, чтобы согреться, хотя переодеваться в чистое было сегодня ни к чему. И за порог.

К 10 утра они дали энергию деревообделочному комбинату и комбинату производственных предприятий. К исходу 2 июня по

¹ РЭС — район электрических сетей.

временной схеме ток получили все прочие предприятия города, кроме маслозавода.

3 июня они начали строить линии по нормальной схеме, в этот же день дали ток поселку Джал.

ГЛАВВРАЧ КАПУСТИНА

Все пришли, даже отпускники, даже Наталья Васильевна Сторожкова, акушер-гинеколог, прибежала, хотя накануне чуть было не утонула вместе с ребенком и ее едва вытащили из воды.

— Как вы тут? Живы? Целы? А про вас рассказывают...

— Что младенцы в подвалах плавают?..

— И что пожарники как всегда без воды приехали, и что у них ничего не получалось, а один мужчина взял и потушил, такой молодец...

А пожарники всю ночь у них воду откачивали. Прямо с пожара, без отдыха — к ним. Всю ночь Ионкин под окнами простоял, уйти не решался, а утром снова уехали на нефтебазу — шланги из ила вытаскивать, которые не смогли вытащить ночью.

Утром главврач Капустина объехала всех своих пострадавших, тут же начали собирать для них деньги. Даже спрашивать не надо было: кто сколько мог, тот столько и давал.

После кормления начали перевозиться в Январский, в горбольницу. Собственно, все утонуло — и белье, и медикаменты, так что осталось переправить только больных да роженки. Словом, в четыре часа все были на месте, в терапевтическом и хирургическом отделениях, заботливо приготовленных к их приезду. Начала поступать помощь из Оша, из Фрунзе, и так все делалось быстро, по-деловому, что даже немного отлегло от сердца, хотя работы, конечно, не убавилось.

Наоборот, прибавилось. Все первые дни после наводнения пошли — только успевай — то преждевременные роды, то тяжелые кровотечения, то мало ли что, о чем тут просто и не скажешь. Но со временем никто не считался, и как-то в сторону отошли еще вчера казавшиеся такими важными разговоры об отгулах и переработках, и каждый — и без всяких понуканий — вез на себе столько, сколько он мог.

КАЛАШНИКОВЫ

Молча, без слез, без криков — как в шоке — собрались утром 2 июня жильцы 19-го барака у себя во дворе. Начали вытаскивать из ила вещи, то, что осталось, грузить на машины: может быть, что-то и удастся привести в порядок. Людмила Павловна сбегала на станцию, попросила у главврача машину.

— Ну конечно же, Людмила Павловна, на сколько нужно!

За работой подняла голову — по улице солдат какой-то молоденький бежит. А рядом с ним — Вовка, в чемодан вцепился.

— Я его первый встретил, — верещит Вовка, — я его первый встретил!

Так и есть, Саша Терентьев! Вот когда парню довелось домой из армии вернуться.

— Ой, Саша, — невольно вырвалось у Калашниковой, — в какое же ты время приехал!

Он даже в лице изменился, Саша, спросить боится.

— Да нет, Саша, живы твои, живы, я о том подумала, что и принять тебя негде, за стол не посадить!

— А я бегу, а ноги не бегут, бегу, а ноги не бегут, — запинаясь, говорит Саша, — я на такси приехал, а там — оцепление. Говорю, мол, так и так, — не пускают!

— Саша, Саша, — пищит Вовка, дергая ручку чемодана, — а чего чемодан такой легкий, ты, что ли, не привез мне ремень, да?

— Да привез, привез, — на ходу отвечает Саша Терентьев, — ты погоди, дай дух перевести!

Вот уж не думали, что так жаль будет покидать Джал. Конечно, бараки старые были, а люди привыкли к ним, сдружились между собой, а какие сады, пусть и небольшие, какие виноградники, как все возделано, ухожено было, не зря ж профилакторий шахтерский именно здесь, в Джале, поставили — свои микроклимат!

А теперь — скорей отсюда. Чтоб ничего не напоминало, ни часу лишнего здесь, прочь! А все босые. Одеться? Магазины не торгуют. Положенная помощь? Славку по возрасту прислали к магазину детской обуви, а у него 45 размер. Получить талоны на питание? Свекровь возмущалась, Юлия Ивановна: «Что, у нас есть нечего? Слава богу, я еще жива, и дом мой цел, пусть те получают, кому деться некуда!».

В ночь со 2 на 3 июня проснулись от толчка. В полсекунды все были во дворе, кто в чем. Лаяли собаки, хлопали двери в соседних домах — значит, не померещилось. Землетрясение — ну, это уж слишком! Что еще приготовила им судьба?

В понедельник вышла на работу.. А какой из нее работник? Тогда, на крыше барака, вроде бы ничего, держалась, а теперь чуть что — слезы. А вызовы посыпались. А к людям надо ехать. А у людей то же самое, разрядка. У кого невроз, у кого давление и сердце. А еще жара, духота, днем парит, к вечеру грозы, которые приносят не облегчение, а страх: вдруг снова?

Вызов: две одинокие старухи, у одной ушиб грудной клетки, у другой — гипертония.

Вызов: хлебозавод, психическое расстройство у одной работницы. «Все было, и ничего нет. Все было, и ничего нет». Фраза, которую она бормочет, как заезженная пластинка...

ПЕРВЫЙ СКЛАД

Мэлис Джекшеналиева была на базе, у первого склада, уже в семь утра. Ведь они не только принимают зерно, они снабжают мукой Кызыл-Кию, Фрунзенский, Наукатский районы, и надо было знать точно, что осталось, что пригодно для продажи.

Даже про болезни свою забыла, словно у нее ровным счетом ничего не болело и не болит. Оказали посильную помощь пострадавшим, благо у них пострадало не так много, начали реализацию мешков верхнего яруса, до которых не добралась вода. Мешки нижних ярусов стали вытаскивать во двор, сортировать и сушить. Едва грязь подсыхала — мешки растаскивали, ткань и тесто — на списание, сухую муку — в новые мешки. И так весь световой день. При электричестве такой работой заниматься было нельзя: ведь это хлеб, тут никакой ошибки быть не может.

Как люди работали! Даже Риф Габдуллин, хотя у него снесло дом и его освободили от работы. А Галия Хамидуллина? А Клавдия Васильевна Кочнева? А Геннадий Николаевич Горбов, преподаватель физвоспитания из ПТУ № 7, и все сто ребят-бойцов спасательного отряда гражданской обороны — что бы без них на базе делали!

Мешки были весом по 50 и 75 килограммов. Но это — в сухом виде, сколько ж они весили с грязью? Надо было вытаскивать мешок из ила. Пронести 50 метров до транспортера, сбросить на транспортер. Хорошо еще ребята крепкие подобрались. Вот группа второго курса — будущие машинисты электровозов, все борцы. Валерий Скибин и Анатолий Солодов, Виктор Петров и Владимир Трошев, Анатолий Сойков, Виктор Мельников, Валерий Шевцов — это они хлеб спасали. В первый день отряд вытаскивал из склада 362 тонны муки. Во второй — 382. В воскресенье дали ребятам отдохнуть, а еще и вечер не наступил — дирекция в общежитие приезжает: «Ребята, мы знаем, вы устали. Но на станцию прибыло 10 вагонов с пшенисом для восстановительных работ. Нужны пятьдесят человек. Город просит помощь».

И ребята из ПТУ № 7 брались за еще не просохшие снецовки.

ШТАБ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Нет, мелочей не бывает. Тем более — в жизни города, пусть даже и такого небольшого, как Кызыл-Кия. Хотя почему же — небольшого? Крупная шахта имени Ленинского комсомола, обвальное объединение «Алай» и комбинат производственных предприятий, управление «Шахтострой», мясокомбинат и молокозавод, консервный завод, хлебозавод, табачно-ферментационный завод, комбинат стройматериалов, две крупные автобазы, ПМК Сельстроя — четвертый город в республике по объему промышленности, не такой уж он и маленький — город Кызыл-Кия.

Тем более — мелочей не должно быть. Вернее — отношения к чему-то, как к мелочи, к пустяку. Скажем, специальная яма Беккари. Ее строили три года и кончили дней за пятнадцать до сего. Кто-то даже иронизировал: можно подумать, какой первоочередной для города объект! Вот именно, первоочередной, куда б они девали останки домашней живности, не только джальской, но и принесенной из Ташкента?

А дорога на свалку? Тоже ведь острили: нашли куда асфальт гробить, такого полотна и в городе, дескать нет. Что ж, правильно, хорошую они дорогу сделали. Как бы теперь справлялись они с очисткой города и вывозкой наносов без этой дороги? Как-то подсчитала, когда проезжала мимо: 75-грузных доверху машин за 15 минут прошло, без всяких задержек!

Никогда не думала, что ей, Сабире Омуркуловой, как председателю горисполкома и начальнику штаба гражданской обороны придется столкнуться с такой неожиданной и такой неотложной проблемой, даже чуть ли не первоочередной. Половина всей городской площади было затоплено сеем. Полгорода превращено в опаснейший очаг инфекционных заболеваний, возможность которых можно устранить, лишь очистив дома и подвалы, сады и газоны, тротуары и улицы от зловонной и липкой грязи иловых отложений объемом в полмиллиона кубометров. Пока грязь влажная — она лежит на земле. Высохнув, она поднимется в воздух, но ее пыль станет не менее опасной — значит, убирать надо быстро. Техника идет отовсюду, из Ошан и Ферганы, из Коканда и Кара-Куля, только в помещениях грузовой автобазы поставлены 150 кроватей для прибывших на помощь водителей Юга Киргизии и соседнего Узбекистана — это в самые первые дни после селя.

В 11 вечера, когда еще горела нефтебаза, в Кызыл-Кие были все руководители области.

В полночь Анатолий Михайлович Малов собрал руководителей города, предприятий и учреждений, партийных, советских, комсомольских, хозяйственных работников. Всю ночь, на всех трех этажах здания на площади Ленина, шла напряженная работа над тем, с какими решениями выйти завтра к людям, с каким словом, с какой помощью. Создавался общий штаб, различные комиссии и отряды, распределялись участки и объекты, составлялись опросные листы и ведомости, которые никому еще в Кызыл-Кие не приходилось составлять.

Талон... Тов...

Выдать комплект одежды на ... взрослых и ... детей. Расходы отнести на ...

Член штаба ...

Секретарь ...

Акт обследования материального состояния семьи для оказания материальной помощи.

При обследовании было выяснено следующее:

Полностью (частично) разрушены дом (квартира).

Полностью (частично) испорчены (унесло) вещи ...

На следующий день, в 10 утра, прилетели руководители республиканской комиссии во главе с Турдакумом Усубалиевичем Усубалиевым.

В 11 утра состоялся городской партийно-хозяйственный актив, к этому времени руководители города уже имели вполне конкретное представление о размерах бедствия, об объеме той восстановительной работы, которую предстояло безотлагательно осуществить.

Разрушены школы, детсады, библиотеки, аптеки, мосты, дороги и тротуары, трибуны стадиона и футбольное поле, насосные станции, линии связи и ЛЭП...

В те дни, да и много позже иные собеседники с непонятной настойчивостью задавали один и тот же обязательный вопрос, всякий раз и так явно не удовлетворяясь полученным ответом.

— Нет, я все понимаю, — переходили на доверительный полутон такие собеседники, — ну а все же... Не для печати... Каков ущерб, жертвы?

Им отвечали — конкретно, четко, но всякий раз — улыбка недоверия. И это было непонятно, это возмущало. Неужели того, что произошло, было мало, и теперь обязательская жажда чего-то сенсационного, скандального, из ряда вне выходящего невольно рождала в этих людях желание услышать иные цифры, под стать тем слухам, в которых тогда не было недостатка?

Но разве лучше этих слухов и появившийся в одной из уважаемых газет репортаж заезжего журналиста, где не было ни слова о погибших, но зато бодро сообщался счет футбольного матча, состоявшегося согласно календарному плану на местном стадионе. Это механическое равнодушие к чужому горю, эти залихватские реплики о том, что «тысячи семей на следующее же утро были размещены в палатках, присланных строителями БАМа», — они не так уж и безобидны. Именно это громкогласное и пустое бодрчество мешает подчас людям с достоинством и прямотой разобраться в том, что случилось, сделать для себя те выводы, которые будут жизненно необходимы им в будущем.

Каких только сцен не разыгрывалось в кабинетах и коридорах горисполкома, на какие только вопросы не приходилось искать и находить ответы всем товарищам, работавшим в штабе?

Вопрос: куда родственникам привезти погибшего для похорон, если дом снесло?

Вопрос: а как мне теперь жить? Зачем? Этот вопрос был самым тяжким. Его задавала женщина, которая трое суток просидела на фундаменте дома, который снесло седем. Ее смогло увести лишь на четвертый день. Именно такие люди,

потерявшие все, реже всех обращались за помощью, хотя нуждались в ней больше всех. Как помочь такому человеку? Как поддержать? Ведь дело вовсе не в куске хлеба.

Но ведь и кусок хлеба тоже человеку вовремя нужен. И не один раз. Значит, надо организовать трехразовое горячее питание. Бесплатное, разумеется. Чем платить человеку, выскользшему из дома в домашних шлепанцах? Надо организовать питание с доставкой по месту жительства — ведь многие в таком шоковом состоянии, что мысль о еде им и в голову не придет. Надо раздать людям талоны, по которым их оденут в специально приготовленных для этого магазинах. Каждый человек должен быть уверен в том, что он не один, что его не забыли.

По образованию Сабир Омуркуловна Омуркулова — педагог, кончала истфак Киргосуниверситета. Начала работать в Кызыл-Кис, завучем школы-интерната, работала в Ошском педучилище, ответсекретарем Ошского облисполкома. В 1971 году была избрана председателем Кызыл-Кийского горисполкома и за шесть лет работы узнала, кажется, каждого. Оказывается, узнала по-настоящему только теперь. Как раскрываются люди в таких ситуациях, независимо от того, захватила его беда или нет!

В те первые минуты селя она позвонила прежде всего Сергею Катиничу Зарышеву, в ВГСЧ. Тут же на Джал выехали бойцы Аркадия Нестеренко, они начали спасать детей, стариков, женщин из затопляемых корпусов. Вода сбивала их с ног, но гориспоспелители все же продвигались от дома к дому, где под прикрытием стен, где выплав, где по заторам бревен. Приходилось взламывать двери, рубить решетки на окнах — многие джальцы оказались в своих комнатах, как в западне. Это было очень важно — первыми войти в воду, показать другим, что не так уж и страшен черт, сплани на глазах у всех человеческую жизнь. И тогда вслед за Ильгизом Аюповым, Вячеславом Селиверстовым, Владимиром Абалаковым в селъ полезли здешние парни и мужчины, до сих пор в нерешительности топтавшиеся в безопасных местах. И тогда число спасателей сразу увеличилось вдесятеро.

Да, кто решался, кто не решался. Не сразу решился и двадцатилетний механик Николай Чурилов, а потом увидел, как старуха за окошком бьется, — и страха нет. Взял шест, пошел и не только спас другого человека, но сберег человеческое в себе. А всех спасенных — к отцу, тот неподалеку жил. И на душе не трудней от всего этого, а легче.

Мавляна Султанова дождь застал на автобазовской территории. То, что творилось на улицах Октябрьской и Первомайской, его как начальника грузовой автобазы, собственно не касалось. Но он тут же сел в дежурную машину и заспанил к верхнему переуду: коренной кызыл-кисец, уж он-то знает, что может быть на Октябрьской в такой дождь.

Потом он мчался впереди селя, сигналами предупреждая людей об опасности. Когда спустил баллон, он пересел у нижнего переезда на груженный лесом длинномером «ЗИЛ-130» и, сдвинувшись назад, стал снимать с шоферами Раззаковым и Рахманджановым детей и воспитательницу, отсиживавшихся от селя на крыше десада. Потом он помогал пожарным на нефтебазе, а ночью был со спасателями и следил за порядком. Энергичный, деятельный человек, что так наглядно отразилось и в его биографии. Слесарь, шофер, командир отделения в автороте во время службы в армии, студент вечернего автодорожного техникума, комсорг, председатель месткома, начальник автоколонны. Была такая автоколонна самосвалов, куда списывали с автобусов проштрафившихся шоферов. Принял решение штрафников не брать, вывел автоколонну в передовые, и теперь это вторая по грузообъему автобазы в области — не шутка!

Директор ПТУ №2 Чен-Сон Донович Югай за несколько минут до ливня вернулся с избирательного участка комбината производственных предприятий: 19 июня — выборы в местные советы, и надо было поговорить о наказах избирателей — предстояло заасфальтировать неблагоустроенную улицу, построить новый продовольственный магазин. Как быстро все может измениться! Не прошло и часа, как будущий депутат шел вместе с бойцами «лэ-пэ-че» по прогибающейся пожарной лестнице, с риском для жизни спасая незнакомого ему людей из корпуса по улице Хрипченко, 4. Сколько раз проезжал и проходил он мимо этого дома, конечно же, не подозревая, какое испытание приготовит ему судьба у моста через Джал-Сай.

Ночью в составе отряда инструктора горкома партии Александра Ивановича Будникова Чен-Сон Донович Югай шаг за шагом осматривал район бедствия в направлении рудника.

Утром директор Югай комплектовал в своем училище отряд гражданской обороны, размещал 44 семьи в общежитии училища, делая для пострадавших все, что было в его силах. В училище учится 800 ребят. Это будущие строители и сварщики, каменщики и маляры, сантехники и крановщики. Уже второго июня на спасательно-восстановительные работы вышло 100 человек, а потом их число возросло до 320. Ребята чистили подвалы роддома и нефтебазу, базар и маслозавод, музыкальную школу и частные дома, где жили инвалиды войны или ветераны труда. И это тоже было испытанием. И для ребят. И для их наставников.

На той же нефтебазе вела расчистку со своими учениками учитель истории Валентина Ивановна Середя. Конец учебного года, только наместили маршруты в поисках экспонатов для краеведческого музея, а вместо этого пришлось чистить проулки 46 квартала, спасать от ядовитой грязи сады и огороды. И не было отлынивающих. Всю жизнь отдала школе Валентина Ива-

новна. И абсолютно уверена: ребята саботируют иной урок труда только потому, что видят в склеивании бумажных корбочек никому не нужный, «мартышкин» труд. Но если перед ними без лишнего слов предстает вся жизненная необходимость того, что им предлагается сделать, — они точно так же, без лишних слов, это сделают.

По биографии сотрудника орготдела горисполкома Миннур Агьямовны Бадретдиновой, наверное, можно с успехом изучать историю борьбы женактива на юге Киргизии за раскрепощение женщин от наследия прошлого, их самоотверженную работу на всех фронтах социалистического строительства, и в дни мирных пятилеток, и в дни войны. Это она, Миннур, дочь орденосца дяди Аглыма, вела агитацию среди женщин, которые затем на митингах сжигали ненавистную паранджу. Это она со своими товарищами-комсомольцами организовывала в чайхане ликбез, в котором учили неграмотных и в котором учились сами. Потом она училась в совпартшколе, была делегатом I съезда женщин Киргизии, работала в первых десадах, в первых пионерских лагерях. В мае 41 года она кончила в Ташкенте межреспубликанскую среднеазиатскую школу редакторов городских газет и радио вещания, а уже через месяц, сама редактор, сама диктор, вела передачи на киргизском языке о боях на фронте, о помощи фронту, о том, что наше дело правое, враг будет разбит и что победа будет обязательно за нами.

Была инструктором в отделе агитации и пропаганды горкома партии. Заведующей женотделом по работе среди женщин, по работе среди мужчин непризывного возраста, мобилизованных на трудовой фронт. Как своих близких вспоминает она девчата-крепышницы из бригады Шуры Нагаевой, начальница участка Катю Павлову и мотористку Шуру Назарову, начальница движения Веру Зельникову, десятника Рахиму Сулейманову, токаря тетю Полю Лучаеву — сколько пережито было с ними, в горе и радости. А Парда Дамнинова? А Сайляхон Шералиева? А Рабархан Ахмеджанова? Когда-то она агитировала их сбросить с себя паранджу. Сколько сделали эти женщины по сбору средств для фронта среди неорганизованного населения, среди неработающих женщин! Муку по горсти собирали. Печенье испекут — и на фронт. Обязания на детей были записаны — на фронт. Золотой кувшинчик, единственная дорогая вещь в доме была у Анастасии Прокофьевой — на фронт. Ночами просиживали женские бригады по вязке теплых вещей — на фронт. В городе работали тридцать женсоветов, и они именно работали, они были именно женсоветами, куда можно было обратиться и за советом, и за помощью.

Как вспоминался, как пригодился теперь этот опыт горисполкомовцам, всем сотрудникам штаба в их напряженной работе по ликвидации последствий наводнения, в оказании срочной и практической помощи пострадавшим, к числу которых Миннур

Аглымова могла бы не без оснований отнестись к себе. Наверное, она могла бы переждать дождь в исполком. А тут она увидела автобус и побежала под начинавшимся ливнем к остановке, и успела, и доехала домой, и к тому времени ливень стих, и стало так холодно, что она зашла в дом, накинула пальто и только потом отправилась к железной дороге, смотреть, как за насыпью бьют Джал. Потом она увидела, как какой-то мужчина суматошно замахал ей рукой. Она обернулась и увидела вал воды — вода шла стеной. Миннур Аглымова добежала до калитки, успела ухватиться за опору виноградинки, и тут забор рухнул. Вода — по грудь. Ледяная. Покачиваясь, мимо проплыли «Жигули» и вломились в окно. Хватаясь за проволоку виноградинки, перебралась во двор соседки Джамаи Гайназаровой, где на высокой балаханах спасались с детьми две ее дочери. Она забралась к ним, появились какие-то мужчины, они взяли детей на плечи и повели соседок через воду, куда-то в сторону детской больницы.

— Бабуля, ты посиди, мы сейчас...

Они не вернулись. Балаханы раскачивало, Миннур Аглымова перелезла на бетонное основание, и тут ее понесло. Попыталась встать — снова сбило.

— Мама! — услышала она крик Рустам. — Мама, я здесь!

Говорят, так только в кино бывает. Нет, не только в кино. И она вовсе не в обиде на тех мужчин, которые не вернулись за ней, — кто знает, почему они сразу не вернулись. Рустам — это сын. Он работает электриком на Кувасайском стекольном заводе, и, зная о селе в Кызыл-Кие, сумел через Уч-Коргон поспеть к дому в самую нужную минуту. Он узнал мать по клетчатому пальто. Поднял. Через двор детской больницы вынес к старому базару. Тут Миннур Аглымову жалало еще одно потрясение. Она увидела старую знакомую, даму во всех отношениях благополучную, во всем с лихвой обеспеченную, казавшуюся многие годы такой доброй приятельницей, что Миннур Аглымова тут же попросила ее принести что-нибудь теплое. И она просто растерялась, услышав в ответ невразумительное «ты извини, почетное слово, ничего такого подходящего у нас нет».

Тут откуда-то Надя подбежала. Знакомая одна, санитаркой работает. «Аглымовна, идем ко мне, я, богачка, тебя согрею». Вот где слезы брызнули у Аглымовны, в скромной комнатке рабочего общежития где-то за комбинатом стройматериалов. Здесь нашлись и горячая вода, и цигейковая шуба, и пуховый платок, а главное — такие естественные в нашей жизни, такие необходимые в нашей жизни товарищеская солидарность, человеческое сочувствие, пустота вместо которых оглушает куда больше, чем рев села.

Как разговаривать с пострадавшими? Как невольно не обидеть их тем или иным вопросом, которые сотрудники штаба просто обязаны задавать? Как под личиной убитого несчастия человека разглядеть бесстыдного демагога, пытающегося на-

речь руки на общей беде? Как в суматохе дел не упустить из вида того, кто действительно нуждается в помощи, но кто никогда не скажет об этом сам? Какие разные люди встречались в те дни в горисполкомовских коридорах, какие несхожие просьбы и требования приходилось тут слышать!

Пришел выяснять отношения некий гражданин: почему, дескать, его нет в списке пострадавших? Комиссия проверяла: вода и близко не подошла к его дому. Нет, стыдно не стало. Ушел, обещал жаловаться, писать.

Пришла Малика Хасанова, учительница-пенсионерка. У нее снесло дом, ее едва-едва вытащили из села чуть ли не за волосы, а она обратилась лишь на четвертый день, даже с некоторой неловкостью и смущением.

— Где бы нам расположиться, хотя бы на время? Нет, нет, меня одели, мне ничего не надо.

Пришел Николай Дмитриевич Зиновьев, старый коммунист, общественник. Его дом по Железнодорожной, самый район затопления.

— Нет, мне талонов не надо, что потребуется, я куплю сам. Может, я чем-то смогу быть полезен?

Пришла старушка-домохозяйка, вспомнила про 1917 год. Сказала, что когда настала Советская власть и на угольные копи пустили первый паровоз, машинист дал гудок. И тогда люди поняли, что жизнь наладится.

— Надо бы и сейчас поспешить с железной дорогой, — сказала старушка, — очень людям нужен сейчас — первый гудок.

6 июня было опубликовано Правительственное соболезнование, мужеству и ясности которого следовало бы поучиться авторам иных репортажей о «победивших стихиях».

«Труждающимся города Кызыл-Кия и районов Ошской области Киргизской ССР, пострадавшим от паводков и селевых потоков. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают глубокое сочувствие трудящимся, всем жителям пострадавших районов и города Кызыл-Кия Ошской области Киргизской ССР в связи со стихийным бедствием — сильными ливневыми дождями, паводками и селевыми потоками, повлекшими за собой человеческие жертвы, а также разрушения и повреждение жилых домов, производственных зданий и сооружений, культурно-бытовых объектов.

Особое соболезнование выражаем семьям, родственникам и близким погибших.

Правительство СССР, Совет Министров Киргизской ССР, местные органы принимают меры по ликвидации последствий стихийного бедствия, оказанию помощи пострадавшим».

Центральный
Комитет КПСС

Совет Министров
СССР

СТАНЦИЯ КЫЗЫЛ-КИЯ

В десять утра Сали смог сдать деньги, документы строгой отчетности и, наконец-то, сходить домой. Он жил чуть ниже вокзала, по Первомайской, и то, что предполагал там увидеть — увидел. Двор был «чист». Ни кладовок, ни заборов. Жена завела недавно теленка, держали в легком загончике курдючную овцу — на случай семейных торжеств, — что ж, теперь придется обзаводиться всем этим сначала. Потом не без труда открыл разбухшие, заляпанные бурими разводами двери. В комнатах еще стояла вода, она поднималась довольно высоко, на метр, метр двадцать, так что все, что стояло, лежало на полу, на кроватях, — все это можно было спокойноенько везти на свалку.

Но дом всталоя. Выстояли расположенные рядом магазины, аптека, другие постройки. И выстояли только потому, что вчера удалось перебраться на первый путь все вагоны, что Мамат удержал состав и что состав принял на себя весь удар.

Сали вернулся на станцию, еще раз осмотрел завал. Надо было хотя бы для себя, хотя бы в самых общих чертах определить, сколько все-таки здесь работы. Да что толку, разве определишь? Прошел вверх и вниз по путям, вернее, там, где они вчера были — ну а что дальше, с чего начинать, за что брать? В первый раз в жизни он видел чуть ли не узлом — закрученные рельсы, на которых лишь кое-где торпорились рваные ошметки шпал. Где-то пути сохранились. Где-то не осталось даже насыпи. Сколько же потребуется дней, чтобы все это восстановить? Да и не все, а хотя бы только первый путь, только то самое необходимое, чтобы можно было пропустить первый состав? В город и по рельсам придет помощь. В город будут поступать срочные грузы. Дорога нужна позарез уже сегодня, а он даже примерно не может сказать, когда они смогут дать тут зеленый свет. А ведь у него спросят. На первом же совещании в горкоме или в горисполкоме. При первой же встрече с Маловым или Омуркуловой.

А с Прокофьевым? Ведь шахта встанет, даже если ничуть не пострадала. Встанет без крепежного леса, без порожняка, встанет, захлебнувшись в добытом угле, который некуда будет «качать». Даже в годы войны не было ни единого такого дня, чтобы страна не получала кызыл-кийский уголек. Даже окруженная басмачами и белогвардейскими недобитками красная Кызыл-Кия изо дня в день давала молодой республике свой обязательный эшелон угля, изо дня в день, из месяца в месяц выходя на смену с обшукком в одной руке и с винтовкой, с самодельной бомбой — в другой. И вот 2 июня 1977 года впервые за многие и многие годы своей истории шахтерская Кызыл-Кия угля на-гора не выдаст. И третьего июня не выдаст. И четвертого. А пятого?

На станции по штатному расписанию числится сто пятьдесят

восемь человек. Значит, все эти сто пятьдесят восемь человек сегодня же, 2 июня, должны выйти на расчистку и ремонт путей. Хотя нет, все не выйдут. Не выйдет приемосдатчика Рая Непартович — она погибла на пороге своего дома. Не выйдут главы сорока четырех оставшихся без крова и всего необходимого семейств, помощью которым тоже нужно срочно заняться. Ситникова это доля, парторга. Ему ходить из дома в дом, из одной беды — в другую. Сорок четыре семьи, где их разместить? Ну, одним можно в дома железнодорожников на 38-ом разъезде, других — на уплотнение, третьих — в палаточный городок, — его уже начали разбивать в парке возле Дворца культуры, четвертых — с ними проще, как с собой, надо только помочь с очистой, с ремонтом, короче, нужны рабочие руки. Где взять?

Зашел в диспетчерскую. И вовремя, его уже ищут. Но как все-таки они успели, когда собрались? К Кызыл-Кие подходят восстановительные поезда. Они идут из Анджиана и Коканда, из Хааста и Ташкента. Это 750 рабочих-железнодорожников, снаряженных так, что могли в любую минуту и на любом километре пути начать работу. Это полтора десятка бульдозеров и тракторов С-100. Это железнодорожные краны, платформы с балластом и с готовыми к укладке пролетами смонтированного пути. Это жилые вагоны, это, в конце концов, кровати, матрацы, посуда, горячая пища и магазины ОРСа. Прав был Гамиджан Абдуллаев. Вся Среднеазиатская железная дорога с удивительной разворотливостью пришла на помощь маленькой, в большую беду попавшей Кызыл-Кие.

* * *

Командовал восстановительными поездами заместитель начальника Среднеазиатской железной дороги Яков Васильевич Баходдин. Но хозяин станции — он, Хусанов, а хозяину положено в первую голову бегать и крутиться, везде посевать и за всем смотреть. Домой заглянуть бы иной раз, как там, дескать Эхтебархан с глиной воеет, ан нет, не вырваться, да и ладно, это успеет, это касается только их самих и, значит, с этим можно погодить. А тут завал. И он поперек всего. И как растаскивать его — непонятно, потому что заперсанные илом бревна словно перепелались, словно сплывались в одно целое, как становится одним целым стальная арматура и цементный раствор. Ни бульдозером, ни краном, ни топором. А чем?

Глаза боятся, а руки делают. Руки стрелочник Дуси Юркиной и Любы Коваль, приемосдатчика Хасанбая Рахимова и рабочего Насира Инакова, кондуктора Мирзы Досматова, машиниста Мамата Абдукадырова. Сегодня Мамат сражался в пешем строю. Как моряк, оставшийся без корабля. Как морская пехота, бывшая фашистов на улицах Севастополя и Новороссийска...

Теперь то они знают, что им предстояло сделать. Они узнали это, когда сделали, когда по первому пути прошел первый после первого июня состав, без усталости, на всю Кызыл-Кийю подавая такие будничные и такие ликующие гудки. 5 июня, в 16.35 по местному времени они доложили ЦК Компартии Киргизии о том, что движение по железнодорожной станции Кызыл-Кия восстановлено. Вместе с теми, кто пришел на помощь, в эти июньские дни они перелопатили и вывезли полтора миллиона кубометров наносов, разобрали, вернули на лесной склад полторы тысячи кубометров бревен, восстановили пятнадцать километров железнодорожных путей своих, а потом перешли «границу» и помогли погрузочно-транспортному отделу шахтоуправления — сель не признавал ведомственных границ, разрушив в районе верхнего переезда отходящую к шахте ветку.

Но передышки не было и потом. Станцию захлестывал поистине селевой поток грузов. Если б ему, Сали Хусанову, еще несколько дней назад кто-то сказал бы, что станция может и будет принимать столько в сутки, он бы просто пожал плечами. Но теперь они это делали, они как-то умудрились пропускать грузов в десять раз больше обычного, и никто не ворчал, не жаловался, хотя буквально валились с ног от усталости. Шел лес, цемент, стекло, шифер, сборные щитовые дома, а что это значит — объяснять никому не приходилось...

...Когда разбирали завал в районе нижнего переезда, кто-то заметил меж бревен тело погибшей женщины. Бревна не поддавались, к ней долго не могли подобраться, и все это время она была перед глазами, были перед глазами ее руки, крест-накрест, крепко и теперь уж навечно прижимавшие что-то к груди. Когда, наконец, эту неподъемную решетку бревен все-таки разобрали — увидели. В руках женщины был ребенок. Крохотная девочка... Здесь, у нижнего переезда, плакали даже привычные ко всему горноспасатели из ВГСЧ.

ПРОКОФЬЕВ, ДИРЕКТОР ШАХТОУПРАВЛЕНИЯ «КЫЗЫЛ-КИЙСКОЕ»

Он чуть было не уехал в командировку. Они сидели с Юрием Григорьевичем Марченко — главным инженером шахтоуправления — и напоследок еще раз уточняли, с чего и как начнут месяц, чтобы поработать лучше, чем в мае. Настроение было неважным. То ли оттого, что не хотелось ехать в Сулюкту, бывать в которой он не любил и в которой все-таки пришлось отработать четыре года, то ли оттого, что в мае, действительно, не все получилось, как хотелось, то ли еще по какой причине, которой он пока еще не знал.

Заявляя штука. И коллектив вроде бы крепкий, и техника все мощней поступает, а проблемы тоже в росте прибавляют, только таятся. В общем, так, наверное, и должно быть, но принимать такую тенденцию в теоретическом плане — это одно, а ощущать следствия ее на своих плечах — дело совсем другое; в каждом живет надежда на то, что уж завтра ему наверняка будет легче — ведь все делается к лучшему.

Всякому месторождению приходит когда-нибудь конец, даже самым крупным и знаменитым. Человек отрабатывает его или совсем, или до того предела, за которым рудник или шахта перестают давать прибыль.

Ну а что ждет родную Кызыл-Кийю?

Об этом уже сейчас думать приходится, как продлить жизнь месторождению и шахте, уже сейчас они принялись за отработку целиков старых, дореволюционных шахт, взяв за три года 300 тысяч тонн угля, на котором по всем правилам был поставлен жирный-прежирный крест. Правда, брали его с поверхности, открытым способом и намерены брать тут до 200 тысяч тонн угля ежегодно, списанного, брошенного, вроде бы даже дармового, благо глубина вскрытия здесь не более шестидесяти метров.

На этой глубине ковш экскаватора выворачивает теперь подземную технику времен первой империалистической войны — рельсы для вагонеток ручной откатки да обушки. Что такое шестидесять метров, когда уже сейчас глубина вскрыши на разрезе Абшир доходит до 150 метров и надо лезть глубже, если хочешь продлить жизнь предприятию, а людям — дать нужное им топливо. Надо лезть глубже и в шахте, завершить доразведку всех ее участков, надо закончить разведку Восточного поля, несмотря на большую глубину залегания угольных пластов, — от результатов этой разведки тоже зависит выбор решения — куда идти дальше?

Для каждого горняка, шахтера то месторождение, на котором он работает, — обязательно уникальное, обязательно особенное. Не исключение в этом и директор шахтоуправления «Кызыл-Кийское» Борис Андрианович Прокофьев. Тем более, что он здесь родился, здесь кончил горный техникум, сюда вернулся после Алма-Атинского горно-металлургического института и службы в армии. Правда, после института попросил направление в Черемхово, в Читинский угольный бассейн, и девять месяцев там проработал, но лишь для того, чтобы посмотреть, как берут уголек в других краях. И — домой.

Сложное оно, Кызыл-Кийское буроугольное месторождение. Очень большая для угольщиков глубина залегания пластов. Раньше глубина в 400 метров немислимой казалась, а сейчас уже до шестистот добралась. И глубже пойдут.

А эта глубина — критическая для буроугольных месторождений. С глубиной резко возрастает температура, и борьба с теплом становится проблемой номер один.

Нужно много воздуха, других средств охлаждения, и тут все будет зависеть от того, насколько эффективной окажется новая техника, новая вентиляциянная установка, на которую они возлагают большие надежды.

С глубиной возросло и горное давление. Пришлось увеличить плотность крепи, внедрять новые виды креплений, все это — деньги, и немалые, а цена тонны угля для шахты и так слишком высока — вот о чем думать приходится.

Но ведь уголь-то нужен! И шахты — это не просто выработки, которые можно закрыть, бросить, ни о чем не жалея и ничем не дорожа. Две тысячи пятьсот человек работают на шахте — а ну-ка собери, создай заново такой коллектив, который вот уже столько десятилетий является самой надежной, самой организованной силой рабочей Кызыл-Кии. А ну поставь, возведи заново такой город, который при всем своем несприятельном, как рабочая спецовка, облике был бы для тысяч и тысяч живущих в нем людей не просто крышей над головой, местом прописки, тем более очередным, а родиной, в самом изначальном, в самом личностном значении этого слова. А для этого не только производственные мощности нужны — чего там, сейчас в несколько месяцев целые микрорайоны вырастают, не удивись. Но прежде всего — время, история, память.

Не потому ли — хоть в прямом, хоть в переносном значении этих слов — в кызыл-кийских забоях на смену отцам приходят их сыновья? Не потому ли живут и здравствуют шахтерские династии Зельниковых и Ульдяновых, Сайбидиновых и Литвиненко с их могучими корнями и молодой, майской порослью? А сам он, Прокофьев! Разве он может пройти, проехать по улице Первомайской, чтобы память не напоминала на каждом шагу — и это отец строил, и это, и то...

В музее Карабаева висят под стеклом шафран и лапти первой кызыл-кийской пионерки Нasti Ефимовой. А ведь это мать, Анастасия Федоровна. Дома хранится снимок, помеченный двадцатым октябрём 1925 года, тогда ей было четырнадцать лет. Русые косы, серьезные, взрослые глаза. В год смерти Ленина Петр Прокопенко из горкома комсомола организовал в Кызыл-Кии пионерскую ячейку, одной из первых в которой была Настя Ефимова, дочь железнодорожного рабочего. Ее направили на курсы пионервожатых в Ош, ехали на телеге, в то время это было целое путешествие, и вовсе не безопасное, особенно с пионерским галстуком на груди.

В 1929 году она вышла замуж за Андриана Прокофьева. Он был постарше, с седьмого года, и к тому времени успел уже поехать, и что-то повидать. Сам витебский, два года проработал на шахтах Донбасса, кончил строительный техникум в Симферополе. По призыву ЦК ВКП(б) в числе двадцатипяти тысячников приехал в Среднюю Азию, работал в горкоме комсомола в Фергане, плотником в Кызыл-Кие на угольных копях.

В том памятном для них 1929 году его избрали председателем рабочкома местного Союза строителей. Тихой семейной гавани, домовитой, уютной жизни как-то не получилось. Разъезды. Котлованы. Жаркая пыль и раскисшая глина. Кирпич и раствор. И кадры, кадры, которые, конечно же, решают все.

Когда мужа забрали на фронт, Анастасия Прокофьевна пятным ходила. Может, потому и выдержала, что и в мирное время все одна да одна по дому воевала, а унывать не любила. Ничего, выросли дети. Лиза и Светлана — медицинские работницы, Вячеслав — инженер, на шахте работает, ну а Борис и вовсе фигура заметная в городе, отцу не уступит, а уж отца, Андриана Фомича Прокофьева, кто в городе не знал или не слышал о нем, да и только ли в городе?

Из армии вернулся — опять на кирпичный завод, сначала — прорабом, потом стал директорствовать. Потом в Ош забрали, в областной стройтрест. Был начальником СМУ, начальником ОКСа облисполкома — гостиницу «Алай», педагогический институт под горой Сулейманкой он строил, Прокофьев, и другой жизни у него не было. На пенсию вышел — и опять стройки. Десять внуков, сиди да нянчи, порадуешь им, на что со своими детьми времени не хватало. Ли нет, теперь он директор строящихся предприятий. И обувная фабрика — его, и профилакторий на Джале, и пионерлагерь на Абшир-Сае — так и умер, с чертежами да проентовками на кровати. В феврале операцию на желудке сделали, а уже летом из котлована на стройке маслозавода не вылезал — это в семидесят с лишним лет...

Он не часто видел своих сыновей, Прокофьев-старший. И все-таки они о многом успели поговорить и прежде всего — о главном. И поэтому сыновьям было стыдно плохо учиться, плохо работать, кое-как жить. А трудности, на которые иногда хотелось — и прежде всего для себя — сослаться, вовсе не казались такими уж трудностями, когда принимались мерить их мерками того, что выпало на долю отца и матери, их поколения.

Впрочем, в этом не было никакого противопоставления, как нет его у двух звеньев одной бригады, ведущей смена за сменой один и тот же забой. Кому-то выпал тяжелый, опасный участок геологических разломов, кому-то — спокойное залегание устойчивых, ничем не нарушенных пластов. Но завтра все может перемениться, и, значит, каждому в свой срок надо быть ко всему готовым. И тут уж — что бы там ни было — а смену прими, смену отработай, смену сдай.

Смена... Теперь уже не отцу, а ему самому приходится думать об этом. И не вообще, не в философском плане, а как директору шахтоуправления, которому надо кого-то ставить на работу вместо тех, кто уже свое отработал. Даже не верится, кого на пенсию отпускать надо, — не только двадцать шестой или двадцать седьмой год рождения, двадцать восьмой ушел, двадцать девятый, тридцатый на выходе, а там разрыв, вплоть

до пятидесяти, потому что война, она не только живых убивала, но и нерожденных.

Вот проблема — за три года коллектив шахты обновился чуть ли не на восемьдесят процентов. Это для шахтера подземный стаж долго зарабатывается, а кадровик только успевает личные дела оформлять — кого на работу, кого на отдых. А эта замена — всегда с накладкой идет. Конечно, о молодежи думают, молодежь грамотная приходит. И постоянные курсы есть, и групповой учебный пункт, и в ПТУ шахта ребят направляет со стипендией 120 рублей...

В копеечку обходится шахте каждый новенький. И потому прием на шахту ограничен, с улицы никого не берут, только по рекомендации. Но и тогда особых гарантий нет, как нет их, впрочем, и от дипломов. Годы три надо отработать парню под землей, чтобы стало ясно, шахтер он или нет. Поддержать надо его в эти три года. Удержать. А потом он и сам не уйдет.

А уж чтобы новое имя появилось, такое, скажем, как Иван Писаренко, или Анатолий Епишев, или Муса Абдувалиев, или Давид Гомер, и вовсе годы нужны, и самые лучшие.

И такие имена появляются. Укрепились, вошли в силу бригадир очистного забоя Александр Капотов, звеньевой Исак Борубеков, бригадир Абдурасул Калматов и звеньевой Михаил Сапрыньков. И опять вперед смотреть надо. Ведь этой гвардии — под сорок или уже за сорок, а кто за ними? Медленно взрослеют молодые. Или мы виноваты, передерживая их на скамеечке запасных да на вторых ролях?

Да, в тот день он чуть было не уехал в Сулюкту. Но тут пошел дождь, а когда через 24 минуты он кончился, стало не до разговоров, не до отъезда. Они сели с Марченко в машину и решили проехать вниз, к городу. По дороге — потоки воды, за спуском, у шестой школы — целое море. Вспомнили о Восточной и Западной сбойках, расположенных в глубоких саях, решили проверить. Развернулись, проскочили мимо шахты, спустились в сая Джин-Джиган. По руслу бушевала настоящая река. Она несла деревья и камни, мыла берега, мост, валила через насыпь. Но устье сбоечной выработки оказалось в безопасности, и они вернулись на шахту.

Связь с городом не было. Заспешили в город, и со спуска к Джалау увидели сель. Вода поднялась до уровня железнодорожного моста, а это метров восемь, десять, не меньше. Увидели, как топят корпуса, как сносит лесной склад. Верхней дорогой проскочили в горком, но там никого не было, все были у гостиницы. Проехали к гостинице, подошли к Малову. Таким Анатолия Михайловича ещё никто никогда не видел. Даже не говорили ни о чем. Не было ни необходимости, ни желания. Надо было действовать.

Вернулись на шахту. Собрали начальников участков, разбили на команды всех шахтеров, весь состав ИТР. И в зону затоп-

ления. На помощь пострадавшим, ещё не совсем ясно представляя, чем и как многим из них можно будет помочь.

Утром подбили итоги первого дня июня. Железную дорогу смело. Шахта отрезана. Нельзя вывозить уголь. Нельзя подвозить крепкий лес. Да и нет этого леса — унесло. Разрушены насосная станция, водопровод на Кулуштан — шахта осталась без воды.

Зато разрез Абшир — эдакое горное озеро. Рина, а то и Сары-Челек. Рабочие зоны — под водой, экскаватор — пол водой, лабой погребен под толщей селевой массы, за уборку которой можно взяться, лишь откачав воду. Шахта и разрез Абшир встали.

Так, пойдем дальше. В зоне затопления оказалось 1385 шахтерских семей. У одних жили почти не пострададо, у других — нужен ремонт, двадцать девять шахтеров лишились всего. Где размещать людей? Из какого кармана одевать и кормить? Сколько может стоять шахта, если она прежде всего должна давать уголь? За что хвататься?

Утром пошли люди. Надо вещишки в Исфайрам-Сая отмыть, будет ли считаться прогулом, если день-два не выйти на работу? Договорились.

— Делайте все, что вам нужно. Будете считаться, как на работе. Будет нужен транспорт — к Савельеву. Единовременное пособие? — В шахтком. 200 рублей от шахтоуправления. 250 — по страховке. Понадобится ссуда, стройматериалы — давайте заявления.

Утром начали размещать пострадавших. Наскоро приспособили под жилье Дворец культуры, рядом приняли за разбивку палаточного городка. Кого — в профилакторий «Шахтер». Кого — на уплотнение. Детей — в пионерлагеря. И в свои. И по области. И по республике.

Получили копию распоряжения.

«Москва Г-506»

Минуглепром товарищу Братченко

Для ликвидации последствий стихийного бедствия шахтоуправления Кызыл-Кийское зпт Кызыл-Кийском ШСУ зпт Кызыл-Кийских ЦЭММ и разрезе Алмалык зпт также оказания помощи трудящимся зпт пострадавшим наводнения необходимо сборных щитовых домов типа 186 тире 115 тире 56 300 зпт палаток семейных 100 зпт машин скорой помощи 2 зпт металлических труб диаметром 300 мм 150 тонн зпт землесосов 32 м тире 2 м шт 3 зпт экскаваторов «Беларусь» серии 30 тире 26 21 штук 3 зпт бульдозеров С тире 100 штук 5 зпт автосамосвалов 4045 штук 3 зпт бензовозов МАЗ тире 500 штук 3...

3 июня 1977

Зам. министра угольной промышленности СССР
Ф. Ф. КУЗЮКОВ.»

Казалось, сама страна брала кызыл-кйцев в свои заботы, крепкие ладони. Палатки с Урала и БАМа — самолетом.

Бульдозеры С-100 — самолетом. Через день на Абшире была мощная наасная установка из Ангрена, а уже через неделю Анатолий Васильевич Ли доложил о том, что Абшир возобновил добычу угля.

Водовод по Джин-Джигану восстанавливала спецбригада механика Павла Ивановича Полякова. С подачей воды, после трех дней простоя шахта смогла возобновить свою работу. Сортовой уголь возили машинами, мелочь — складировали про запас. Ну а крепейный лес собирали по всему городу — и в дело. Теперь задержка была лишь за железнодорожной веткой — ответственным за её восстановление был начальник погрузочно-транспортного отдела шахтоуправления Сергей Алексеевич Лифанов.

ЛИФАНОВ, ПЕРВЫЙ ГУДОК

После работы механик к дому подвез, Владимир Федорович Белозеров.

— Садись, говорит, Сергей Алексеевич, поедem.

Сел, поехали, в аккурат к дому подъехали — дождь.

— Может, пересидишь у меня? Куда сейчас, на мотоцикле?

— Да ну, не сахарный.

И умчался.

Только переоделся Сергей Алексеевич — телефон. Звонит Рабига Абдуллина, дежурный диспетчер. На Четвертой шахте топят пути, что делать?

— А что делать, — пожал плечами Сергей Алексеевич, — там всегда топят, может, это не так и страшно? Лучше скажи, что у тебя делается, на «Малой»?

Рабига обещала перезвонить, только сходит, посмотрит. Через пару минут — звонок, снял трубку — ничего не слышно, только шум и треск, да сорванное дыхание, наверное, бежала.

— Сергей Алексеевич, — наконец справилась с собой Рабига, — такая вода, еле до дежурки добежала. Все сносит, вода через мост, вы меня слышите?

В Кызыл-Кие — две станции. Первая — станция Кызыл-Кия Среднеазиатской железной дороги, вторая — станция «Малая» у верхнего переезда — собственность погрузочно-транспортного отдела шахтоуправления «Кызыл-Кийское». Она расположена между Джал-Саем и улицей Первомайской, чуть ниже моста у подьема к Январскому, к гостинице. За станцией железнодорожная колея какое-то время идет вдоль Джал-Сая, затем переходит на его правый берег и через глубокую выемку выбирается на плато Джин-Джиган, к шахте. Похоже, что эта колея временно перестает существовать.

Лифанов начал одеваться. Только к дверям — звонок. На этот раз из горкома, просят немедленно быть. Был в горкоме, был у гостиницы, смотрел на дежурку, в которой посреди гроз-

но плещущихся потоков отсиживалась Рабига, и все старался убедить себя в том, что постройки станции расположены все же на насыпи, на перроне, а та, которая вода пошла по Джал-Саю и Первомайской, а та, что идет через станцию и по путям, не так уж и глубока.

Кто-то хлопнул по плечу. Обернулся — Курбанали, шофер Малова. Понятно, зачем вызывает Малов. Конечно, с утра и начнут, а пока надо дожидаться конца селя, взглянуть на его «рабоченку», да встретиться с Прокофьевым — силами одного отдела ничего не сделать.

Прокофьев дал тридцать шахтеров. Дорожный мастер Ташали Халмуратов жил в районе железнодорожных казарм, в чем был — в том и остался, так что пришлось освободить его для устройства домашних дел и обходиться без него. Выше станции «Малой» железнодорожное полотно где подмыло, где завалило наносами, но, в общем, что-то ещё сохранилось и нужен был именно ремонт. А вот ниже станции и вплоть до маневровых путей железнодорожного вокзала — там хоть начинать все заново, даже насыпи кое-где не сохранилось. Ну, насыпь они нагребут, шпалы, уплывшие с сеем, соберут по городу. А вот где брать рельсы, вместе согнутых в дугу, в колесо и вообще исчезнувших неизвестно куда — может, в районе старого рудника, где пути уже не нужны?

А тут ещё невольное соревнование получилось. Внизу, у вокзала, железнодорожники кончат на своем участке раньше, значит, только они, шахтеры, будут причиной тому, что движение на ветке не восстановлено, хотя бы по первому пути. А железнодорожники, конечно, кончат раньше, вон сколько у них людей, техники, всё МПС¹ за ними, могли бы и помочь.

И они, конечно же, помогли. И потому разом кончили первый путь, и на станции Кызыл-Кия, и на станции «Малой». И так хорошо вышло, что паровоз с порожняком оказался наверху, и его заранее загрузили, и как только горкому доложили, что движение восстановлено, состав с углем тотчас пошел от шахты вниз, через город, к станции Кызыл-Кия. Он катил мимо заводов у шестой школы, мимо снесенных корпусов, снесенного лесосклада, мимо все ещё забитого пробкой моста через Джал-Сай и все-таки уплевшей станции «Малой». Паровоз знакомо покрякивал, и эти будничные гудки, это деловитое пыхтение говорили больше всяких митингов и торжественных церемоний. И люди слышали это. И понимали. Ничего. Выстоим. Раз шахта работает — значит, жизнь продолжается.

¹ Министерство путей сообщения.

«В ОТВЕТ НА РАЗГУЛ ПРИРОДНОЙ ЗЛОБЫ»

Штаб горкома партии начинал работу в семь утра. Штаб горкома комсомола — в 7.30. Вначале немного запаздывали — не втянулись в новый график работы, да и спать в первые две ночи почти не пришлось, но потом все вошло в жесткий регламент штабной работы, и так на весь июнь. Цена слову, закону, честность, знание обстановки — вот те требования, которые предъявлялись к каждому работнику штаба и без которых едва ли можно было бы оказать столь многим людям быструю и реальную помощь.

И люди знали, куда обращаться. В здание штаба на площади Ленина — в горком, в горисполком, в горком комсомола. Не потому ли ещё никогда так организованно и дружно не проходили в Кызыл-Кие выборы в местные Советы, как прошли они 19 июня 1977 года. Общая беда ещё раз напомнила людям, и самым конкретным образом — кто мы есть, на чем стоим, чему служим.

В комиссии первого этажа — секретарь горкома комсомола Вера Купцова, статистик Наташа Михеева, секретарь комиссии Александр Савельев, сотрудник шахтоуправления «Кызыл-Кийское». Родственники Веры Купцовой жили в 12-ом корпусе, спаслись чудом, может, оттого секретарю и легче было разговаривать с людьми... И трудней. Слишком близко все воспринималось к сердцу. Слишком много драматических историй пришлось выслушать в эти самые, казалось бы, мирные июньские дни мирного 1977.

Погиб Володя Трофимов, слесарь шахтоуправленческой автобазы. Он и трое других мужчин из ближайших корпусов пытались разобрать завал у первого моста через Джал-Сай, и уже были разобрали, и весь паводок, как им показалось, пошел под спасенный ими мост, как на них обрушился второй селевой вал, возникший после прорыва завала у второго моста. Володя нашел возле шестой школы. Многие знали и любили этого веселого и смелого человека. Не меньше в городе знали и любили его жену Иру — старшую сестру хирургического отделения горбольницы: многие кызыл-кийцы были обязаны своей жизнью, своим здоровьем её золотым рукам, её умению и заботе.

Учащийся ПТУ № 7 Петр Чечулин шел через мост у гостиницы, спас трех женщин, а когда бросился ещё кому-то на помощь, был сбит бревном.

Мастера производственного обучения этого же училища Турсунов, Неудачин, Лагуткин, Горбов вместе со своими воспитанниками оказывали помощь жителям района 33-го километра, спасли 38 человек. Девушки этого училища во главе с выпуск-

ницей Ольгой Рябовой переводили в безопасное место детей из детской больницы, а затем охраняли полуразрушенные маслозавод и межрайбазу. Через несколько дней, когда ребята разбегались у водокачки Анхор завали из сигарет, всяких товаров, посуды, то нетрудно было заметить, что ящики поцелей — они были обобраны, а битая посуда — она оставалась на месте. Значит, были и такие люди. Именно таких был инструментальщик Егор Алтаев, случайно захватив мародеров за их занятием. Удивительно, у них находились оправдания, даже защитники.

— А чего он сделал? Ну, плыл холодильник, ну, он его вытащил...

Сколько людей приходит — столько историй, столько вопросов, на которые надо незамедлительно найти ответ.

Вопрос: Какие нужны документы, чтобы получить газовую плитку, если никаких документов нет?

Ответ: Документов не надо, пишите заявление, мы получили двести плит для пострадавших, идите выписывайте.

Вопрос: Могут ли мне помочь убрать из комнат и со двора, поскольку сам я по состоянию здоровья...

Ответ: Могут. Пишите заявку. К вам придет одна из отрядов гражданской обороны...

— Кто?

— Ребята. Из школ, из училищ — комсомольцы.

Из стенной печати тех дней.

«Боевой листок
Орган штаба ГО.

В ответ на разгул природной злобы
Тверже стой на посту, юный друг.
Смотри напряженно, смотри в оба!
Глаз — на порядок,
Рука — на лопату!»

«Боевой листок
Орган штаба ГО.

Товарищи жильцы!

Комсомольцы и молодежь СШ № 5 имени Хамида Алимджана откликнулись на призыв штаба ГО помочь пострадавшим семьям. Так, комсомольцами и молодежью нашей школы проделана большая работа по оказанию помощи жильцам улиц Железнодорожная и Привокзальная. 7-VI-77 г. отряд ГО в количестве 169 человек погрузил и вывез со дворов глины 35 м³, леса 35 м³, вымыто полов 40 м³, оказана помощь 12 семьям.

Комсомольцы и молодежь, все на уборку территории дворов и улиц города!»

Конфликт: комсорг одной из школ не без помощи родителей и фактивных справок уехала отдыхать в пионерский лагерь в самые напряженные дни июня. «Боевой листок» потребовал от-

странить горе-комсорга от руководства комсомольской организацией школы, исключения её из комсомола.

33 комсомольца медучилища отказались от каникул, предложив штабу свои руки для очистки города от наносов.

По семьдесят машин в день грузили и вывозили из города ребята из ПТУ №7, меняли по 10—14 опор связи, сами резали из рельса пасынки, сами вязали, сами ставили.

— Устали, ребята?

— Да нет, терпеть можно.

Особенно нелегко приходилось в подвалах ЦУМа. Жара, духота, вонь разлагающихся кремов, пасты, отбросов — подчас и на свежий воздух. А какой свежий, если и на улице жара за сорок. Едет мастер после работы в автобусе — от него все шарахаются: пропах. Грязь вязкая, как замазка, — ни лопатой её, ничем. Ведра — цепочкой, две-три машины до обеда, а если постараться — то и четыре. И всегда были с ребятами мастера производственного обучения Шукрат Турсунов и Юрий Бабическо, Геннадий Горбов, Заир Музафаров, бессменный военрук, капитан Леонид Леонович Лишевский.

10 июня ребята кончили бы училище, получили бы дипломы. В связи с наводнением экзамены во всех учебных заведениях города были отменены, дипломы можно было выдавать и без экзаменов. Но в ПТУ №7 экзамены решили провести, несмотря ни на что. Ведь экзамен — это не только проверка, испытание или там дисциплинирующая строгость, но это ещё и праздник. Тем более — для выпускников. Как покидать училище без этой финишной ленты, к которой ребята так стремились все годы учебы?

Конечно, было трудно. Конечно, изматывались. В первую смену — занятия, подготовка к экзаменам, во вторую — разбирать завалы из бревен, ворочать мешки на базе хлебопродуктов, и так весь июнь и десять дней июля впрыдачу. Даже в день экзаменов подвалы чистили. И ведь сдали. Все сдали и без всяких на то поблажек. Учителя общеобразовательных школ, которые этих ребят знали и от которых, по сути дела, отказались, только руками разводили: кто бы мог подумать, что эти «трудные» так учиться могут! А можно было бы и подумать.

...В тот вечер только пришли с практики — усталые, ничего, казалось, не надо — и тут ливень. Все же сходили в столовую, поужинали, потом вернулись в общежитие, в комнату к Павлу Карбашеву — у него был день рождения. Тут кто-то пробежал по коридору, раздался крики, дескать, в городе наводнение — ну, в общежитии остряков много, всему верить...

Коля Шайдунов в комнату вбегает.

— Ребята, — кричит, — на моих глазах троих снесло, пошли!

Выскочили из общежития, выбежали на улицу Едренкина, двинулись в сторону горотдела милиции. Тут Шукрат Турсунов на «Москвиче» подбежал, ребята, говорит, надо помочь людям, идут только старшеклассники, только выпускники!

Вспомнил про Анастасию Филипповну, комеданта общежития, рядом живет. Она одна, пожилая, в училище лет двадцать проработала — давай к ней. Ее переправили в безопасное место, вещи вытащили, пошли дальше. Только проходить мимо остановки — люди в окно стучат, заливают.

Ещё никто не думал, что все это всерьез. Ну, перевести, ну, руку подать. Толя Борзов рубашку снял да сандали — новые, жалко. А как ухнул с головой в воду, так уже и опасаться не стал. «Ладно, — подумал, — потом брюки отстираю, ох и накупается же сегодня».

С навеса остановки перебрались на решетку виноградника, с виноградника — на крышу дома. Дом — в низине и его залило в первую очередь. А в доме — почтенный Ганибай-Ака, почтенная Багда-Бува и их одиннадцать внуков и внучек, подкинутых взрослыми детьми старикам на воспитание. Натянули проволоку, встали покрепче так, чтобы другие по плечам могли перетаскивать детей и стариков на мелководье. Перетаскивали внуков, перетаскивали бабушку, а дедушка уперся: пока баранов не спасете — не уйду. Шукрат Турсунович ругается, нервничает за ребят, а старик вцепился в загородку, за которой овцы плавают, и кричит: «Не уйду».

И только когда Толя Борзов забросил овец на чердак, Ганибай-Ака соизволил разрешить наконец-таки, чтобы спасли и его.

Потом была старушка, не менее строптивая, чем Ганибай-Ака. Сняла её с крыши, перетаскивали в безопасное место, снова полезли по крыше её владений — помогают другим.

— Эй, — закричала им вслед, — вы чего шифер ломаете, а ну слезайте с крыши.

От изгороди — к изгороди, от дома — к дому, где вилась, где вброд, где с дерева на дерево и с забора на забор. Еще одна старушка, с собакой на крыше кладовки. Кладовку заливают, она вот-вот рухнет, а бабка никак не поддается на уговоры, схватилась за толь — и все.

— Бабушка, садись на плечи, перенесу.

— Боюсь я, сыночек, не пойду, ты уж меня оставь!

— А ну слезай, старая, завалою твою кладовку, ну!

Слезла, села на плечи Галиеву, вцепилась в волосы. Он ничего не видит провалились куда-то с головой, а старуха держится крепко, как хороший наездник, и не поднытает, и не дохнут, словом, конец. Толя выручил. Освободил от «наездницы», вдвоем доставили ее на сушу. И — назад, на крики. А кричат везде. Течение сильное, машины плывут между домами. Подплывешь к окошку, стекло выбил — эй, есть кто-нибудь? И дальше.

Сначала не боялись. И ребят побольше рядом было. А потом вдвоем остались, наверное, слишком далеко заплыли. Тут Толю на колющую проволоку бросило, подрало всего. На крышу выбрались какую-то, обаялись, чтобы согреться, у Толи от носок — одни резинки, и ноги все порезаны — ничего же не видно, где

стекло, где проволочка. Смотрят — в саду машина легковая на плаву держится, а рядом старик. К стенке прижался, куда падать, не знает.

— Батя, давай к нам, поможем.

— Не могу, ребята, протез у меня.

Подплыли. Вытащили. Так узнали друг друга. Комаревский Александр Николаевич, гвардии старший лейтенант бронетанковых войск. Курская дуга. Первый Украинский. Форсирование Днепра. Взятие Киева...

— Ну, ребята, думал — конец. Рад, что познакомился. С вами — хоть воевать.

ДОМ У РЕКИ

Из окна своего углового гостиничного номера, с высоты третьего этажа и высоты джальского крутояра я смотрю на ослепительно-белый спуск улицы к мосту через Джал-Сай, на едва заметную, рывкавую струйку сонной воды в обрывистых берегах, на шиферную крышу корпуса по улице Хриченко, 4, которую не спеша разбирают два разморенных жарой плотника. На пустыре, слева от моста, также разморенно ползал белый от пыли бульдозер. Он сравнивал с землей остатки каких-то строений, делая планировку с таким прилежанием, словно даже машина была озабочена прежде всего тем, чтобы ничто не напоминало людям о том, что здесь было прежде, что здесь недавно произошло.

По спуску к Джал-Саю, по белому от зноя и пыли тротуару брела так не по времени, во все черное одеяла старуха — черная юбка, черная кофта, черный платок. Навстречу ей поднимались двое мужчин в белых рубашках, поравнявшись со старухой, они остановились, о чем-то заговорили, и старуха, закрыв лицо концом платка, припала к плечу одного из мужчин. Наверное, она плакала, потому что мужчина неловко, успокаивающе обнял ее за плечи. Потом старуха побрела дальше, к переизду, а мужчины стояли и смотрели ей вслед. И в том, как они стояли и смотрели, а потом пошли, то и дело оборачиваясь вслед старухе, было что-то такое же неловкое и виноватое, как бывает от неловкой, но неоправданной вины.

— Сорок дней сегодня, — услышал я голос убирающихся в соседнем номере техник, — уже сорок дней.

Я вытащил из платяного шкафа дорожную сумку, закрыл за собой дверь. Надо было идти еще раз в горком, попытаться встретиться еще раз с Маловым, хотя шансов на это было очень и очень немного, а там и двинуть на автовокзал. Впрочем, вчера, в девятом часу вечера, я застал Малова, и одного. Он говорил о будущем города, о жизненной необходимости видеть перспективу, думать о перспективе. Он вдруг заговорил о том, что неплохо было бы поставить обелиск в память о 1 июня 1977 года. Но когда этим заниматься, если не хватает рук на самое не-

обходимое, если к осени надо дать людям постоянное, благоустроенное жилье и в новом поселке за Сухим Саєм, и здесь, в новых микрорайонах, где со временем будет жить свыше двадцати пяти тысяч человек. А по промышленным предприятиям? А по строительству селесбросного тракта и прочих противоселевых объектов? Решение принято, и его надо осуществлять. И, конечно же, как всегда, в самые-самые сжатые сроки!

Удивительное дело... Напротив горкома, через площадь, стоит стекляшка-кафе «Спорт». Готовят там неплохо, и обслуживают неплохо, но идти туда перекусить — операция мучительная, потому что все стекла закупорены, а на каждом стекле прилапан датчик сигнализации — на предмет сбережения социалистической собственности. И в каждом магазине, и в каждом киоске, на каждой форточке и филенке торчит этот датчик охранной сигнализации — на случай если кто ползет. А у целого города — ни одного датчика. И в соседних селах и городах — ни одного датчика, который мог бы предупредить людей не о каком-то мелком взломщике и грабителе, а о таком жестоком и всеуничтожающем бедствии, как сель. Нельзя же всерьез принимать те сообщения бюро прогнозов, которые можно было прочесть в местных газетах накануне того четверга. За день до него — ничего, за два — ничего, вот что-то похожее появилось в газетах за 26, 25 мая — «неустойчивая погода, местами дожди, грозы, град...» Вот пожалуй, и все. Нет, вот оно, штормовое! Но когда — 20 мая: «В ближайшие сутки по Киргизии ожидаются ливневые дожди, в Ошской, Иссык-Кульской, Нарынской областях значительные. На склонах гор местами сильные грозы, шквальные ветры. В отдельных районах град с выпадением сильных ливневых дождей. По Ошской области местами возможно прохождение селевых потоков...»

Местами... Возможно... В ряде районов...

С годами Малову все чаще стало думать о том, что надо сделать передышку, надо выкроить время и основательно, неспеша поехать в родные места, в Ярославскую область, в Переславль-Залесский район, в деревню Борисово. Там он кончил восемь классов. Там, на торфоразработках в Берендеево, работал его отец. Смазчиком, кондуктором, помощником машиниста и машинистом, пока в 41-ом не ушел на войну бойцом Ярославской дивизии под Москву. За отцом ушел и старший брат — Николай, а на торфоразработки пришел младший Малов — Анатолий. Два года проработал слесарем, в 43-ем ушел на фронт. В тот самый год, когда погиб Николай.

На Висле, в районе Сандомирского плацдарма, удалось спастись с отцом. Их разделяло километров сто, и они надеялись встретиться. Но тут началось наступление, форсирование Вислы, и они увиделись уже после войны, в 48 году, когда демобилизация дошла, наконец, и до Малова — младшего.

Отец кончил войну в Берлине. Сразу же был демобилизо-

ван — возраст. И Брусилевский прорыв был его жизни, и Красная Гвардия, и сквозное ранение, и польский госпиталь для военнопленных — все было. Великому Отечественной войны, минометчиком, награжденным орденами Отечественной войны, Красной Звезды, медалями «За отвагу», за Варшаву, за Берлин, словом до отца младшему Малову было далековато. Что ж, такова солдатская судьба — зенитчиков награды не баловали. Их полк стоял на крупных переправах, прикрывал от массированных бомбежек железнодорожные узлы и мосты.

Артиллеристы вели заградительный огонь, били по осветительным бомбам, по прожекторным сплетениям, ну и по самолетам, конечно; неделю после налета ничего не слышишь, такая стрельба бывала. Так что свою единственную медаль «За победу над фашистской Германией» он заработал честно.

Отец после войны перебрался в Электрогорск — поехал к нему. Работал слесарем-монтажником 4—5 разрядов, строил станцию, монтировал котлы высокого давления, а вечером заканчивал школу. Поправилось, пошел дальше, поступил в Московский институт цветных металлов и золота, а чтобы было на что учиться, учился на повышенную стипендию — хватало. А главное — хватало унаследованной и обретенной мудрости рабочего человека не думать о том, во что и как ты одет, как выглядишь, какое производишь впечатление, а беспокоиться прежде всего о том, что есть в тебе самом, на что способны твои голова и руки.

После защиты диплома получил направление в далекую Киргизию. И когда приехал, когда началась работа, увлекая, захватывая в свой круговорот все дальше и глубже, слово «далекая» потеряло свой смысл. Был начальником смены на одном из крупных предприятий, а эта должность не только инженерная, она еще и организаторская, а как известно, настоящая организаторская работа в своем логическом развитии есть работа партийная.

Рабочий человек по происхождению, инженер по образованию и производственник по характеру, он меньше всего думал о том, что станет когда-то партийным работником.

Через восемь лет работы на заводе был избран вторым секретарем Майли-Сайского горкома партии.

Через пять лет — первым. В ту пору город жил предстоящим пуском крупного электролампового завода, и секретарь горкома пропадал на строительных, монтажных площадках дни и ночи. Вот когда пригодились ему все то, что было в его самой чужой для него обычной жизни рядового рабочего, солдата, инженера и вот — партийца. Все пригодились, и пятый разряд по монтажу котлов высокого давления, и закрепленное не только в памяти, но, кажется, и в самих руках знание цеховых, заводских коммуникаций, и даже, может быть, ночные налеты вражеской авиации, которые учили не только науке боя, но и науке жизни в том боевом расчете, в котором ты состоишь.

Еще больше все это пригодились ему здесь, в Кызыл-Кие, где настоящее и будущее города волею или неволею связывалось прежде всего с делами шахтерами, где городское благоустройство держалось на шахтерах, где городское благоустройство было представлено, в основном, корпусами Джала и водокачкой Анхор. Он понимал Прокофьева и его коллег в их стремлении продлить жизнь шахте и разрезу, понимал и поддерживал. Но пришло время столь же серьезно заняться другими профессионами города, о его будущем подумать. Тут мог быть и цементный завод на полторы тысячи рабочих, и филиал машиностроительного завода по изготовлению деталей сельхозмашин, ну, скажем, недостающих везде комбайновых цепей. Надо расширить швейную фабрику, строить вторую очередь табакерфабрики, а для всего этого нужно строить жилье, и, значит, раза в полтора увеличить мощность строительных организаций. А чтобы люди почувствовали вкус перемен, и самым практическим образом, надо было прежде всего наладить нормальное снабжение города нормальной питьевой водой. И так, чтобы она была и на четвертых этажах новостроек.

Он начал работать в Кызыл-Кие в 1974 году. И вот — сель. Молодец, быстро сориентировался Прокофьев, тут же пришел на помощь все шахтерские города, а с ними — Ош, Джалал-Абад, их отряды прибыли со своими палатками и питанием, у каждого свой лагерь — нет, молодцы. Он, Малов, конечно, не думал, что один останется в такой беде, но, откровенно сказать, такой оперативности не ожидал. Даже далекий БАМ сорок один двухквартирный домик прислал. Бригада сборщиков с завода-изготовителя приехала, показали, как ставить. Эти котеджи стали первыми домами нового района города за Сухим Саем. И хотя новорожденному поселку горисполком дал официальное название, люди слету окрестили его по-своему: БАМ, БАМ — и все.

Надо восстанавливать пострадавшие предприятия. А может, не татать старое, а форсировать строительство нового? Оказывается, даже такая ситуация может быть обращена на пользу делу. Сель ускорил строительство нового молокозавода, реконструкцию комбината стройматериалов, ускорил решение вопроса о переносе за пределы города нефтебазы, лесного склада, чего соответствующие организации столько времени никак не могли решить — гром не грянет, мужик не перекрестится.

А ведь это формула. Формула пока еще существующих взаимоотношений человека и окружающей его среды, как принято сейчас говорить. Сколько раз природа предупреждала человека о недопустимости истощения растительного покрова горного склона, горного дуга, о недопустимости водной и ветровой эрозии почвы — дети знают об этом. Сколько раз Джалал-Сай предупреждал кызыл-кийцев, что он не так и безобиден и что с ним надо считаться — не посчитались, все некогда было

прислушаться и приглядеться в каждойдневной текучке дел, в будничных и таких подчас нелегких заботах. И разве только кызыл-кичьи? 12 июня мощные селевые потоки прошли через поселок Фрунзенское Кадамжайского сурьмяного комбината и райцентр Фрунзенского района. И теперь уже кызыл-кичьи спешили на помощь соседям, тут же, в ночь, отправив 60 машин для отсыпки грунта в овраги, в считанные минуты перерезавшие дороги густо заселенной долины. Гром не грянет...

Третьего июля, спустя месяц после памятного четверга, в кабинете Малова состоялось рабочее совещание по вопросу устройства первоочередных противопоселевых мероприятий в Кызыл-Кие по логу «Джал». Собрались руководители города, его учреждений и служб, ответственные работники Министерства коммунального хозяйства и Госплана Киргизской ССР, проектных институтов «Киргизгипроводхоз», «Киргизгипрострой», «Киргиздортранспроект» — солидная, опытнейшая аудитория, которая вела сугубо конкретный разговор о строительстве мостовых переходов и дамб селебесобного тракта, об устройстве спрямленного и углубленного русла, о его расширении по дну и обваловке его дамбами высотой до одного метра. Горисполком обязывался не допускать застройки селезащитного русла и предусмотреть снос строений, попавших в зону отчуждения. «Киргизгазнефтебсбы» обязывался обеспечить перенос нефтебазы на новое место. Обединение «Средзуголь» обязывалось столь же срочно перебазировать лесной склад в район шахты Ленинского комсомола.

Все это — с указанием сроков, исполнителей, объемов работы и материальных затрат. Все выглядело убедительно, а спешность — оправданной, если учесть ту травму, которую пережил город и теперь нуждался в зримых свидетельствах того, что необходимые меры для предупреждения повторных наводнений незамедлительно принимаются.

«Учитывая сжатые сроки исполнения противопаводковых мероприятий и отсутствие проектно-сметной документации, работы по их исполнению разрешить производить по рабочему эскизу, выполненному институтом «Киргизгипроводхоз», а финансирование строительно-монтажных работ — по фактическому исполнению»...

Вот что настораживало в этом красноречивом и характерном для наших отношений с природой документе. Вот почему ученые-экологи подчас пнинут о том, что стихийные бедствия, в частности, речные наводнения представляют собой не только явление природы, но и явление социального порядка. А исследователи селей утверждают: «Селеопасность существует лишь постольку, поскольку человек стремится использовать земли, подверженные воздействию селевых потоков».

«Учитывая сжатые сроки»... «Отсутствие проектно-сметной документации»... «Разрешить по рабочему эскизу»... А ведь по этим причинам появились в свое время и многострадальные кор-

пуса, и нефтебаза, и лесной склад в пойме Джал-Сая, а совсем недавно именно по таким преходящим причинам положили они на дно Джал-Сая водовод из Тахтека, тем самым обрекая его — рано или поздно — на уничтожение. И разве более обоснованно решение о «спрямлении и углублении русла»? История давних взаимоотношений человека и рек знает немало классических примеров того, чем оборачивалось для окружающей местности это «спрямление и углубление», так почему же мы забываем об этом опыте? И разве можно всерьез говорить о каких-то действенных мероприятиях по Джал-Саю, рассматривая только его «городскую часть» и ничего не предлагая по огромному водосбору нависшей над городом Тахтеской впадины, с ее пораженными эрозией склонами и полями, требующими облесения и восстановления травяного покрова? Но ведь это не забота города! Это общие проблемы экологии горных районов. И что же, до их кардинального решения сидеть, сложа руки?

Специалисты-селевики выделяют три группы профилактических мер по предупреждению селей: оповещение населения, активные воздействия на селевые процессы, пассивная защита от селевых потоков. Так вот, в протоколе совещания по логу Джал нашла отражение лишь третья группа мероприятий, и разве это вина кызыл-кичье? У других нет и этого, а уж что касается оповещения, то соответствующая аппаратура создана лишь в опытных экземплярах Государственного гидрологического института, и пока специалисты лишь говорят о «необходимости организации надежной автоматической системы оповещения о селевой угрозе с соответствующими каналами связи». И потому даже Гидрометслужба в своей справке по кызыл-кичскому селю смогла порекомендовать лишь опять-таки устройство селезащитной системы да строительство метеостанции — дело привычное.

Я уезжал из Кызыл-Кия. Малова я так и не застал, он был где-то с подрядчиками или с субподрядчиками, то ли на «БАМе», или молокозаводе, и так было всякий раз, когда я вновь оказывался в этом городе, пока внезапный инфаркт не свалил этого могучего, ясного лицом и душой человека, никогда и ни в чем не жалевшего себя для людей. Я не успел показать ему ничего из того, что здесь написано. Но я знаю, почему так подробно, с немалым риском невольных неточностей пересказываю здесь то, что удалось когда-то собрать в записную книжку во время кызыл-кичских встреч. Наверное, в этом городе и вовсе не сохранилось следов того, что случилось 1 июня 1977 года. И я жалею, если город, действительно, не сохранил такой памяти. Я и сейчас думаю о том, что восстановленная перпендикуляр моста второго моста была бы и достойным обелиском мужеству одних, памяти погибших, а еще суровым напоминанием о том, как чутко, как грамотно и прилежно должен строить человек свои отношения с той единственной и ничем не заменимой землей, на которой живет.

Я не знаю, что стало с этой плитой, по которой когда-то лазал, поражаясь мощи и ярости селя. Быть может, ее засыпали при планировке джальского русла. Но я тотчас вспомнил о ней когда, подъезжая к Наукату, увидел на самом берегу Чиле-Сая, как какой-то человек ставил себе дом. Он ставил его так близко от реки, что брызги долетали до стен, или так казалось, что долетали. Река весело вскипала над валунами белыми гривами, человек весело тюкал топором по желтой древесине только что укрепленной балки, сочно зеленела прибрежная трава, а над такой же сочной зеленью недалеких гор пышно громоздились многоярусные башни кучевых облаков.

Тогда эта повесть и началась.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Когда повесть «Сель» уже готовилась к выходу в свет, мы связались с первым секретарем Кызыл-Кийского горкома партии Николаем Петровичем Давыдовым и поинтересовались, насколько это произведение, публикуемое «Литературным Киргизстаном», актуально в настоящее время для самих кызылкийцев.

— Актуальней некуда, как говорится, в самое «яблочко», — вздохнул Николай Петрович. И пояснил, что в начале мая этого года стихия вновь ударила по городу селевым потоком, вновь вызвала чрезвычайное волнение у горожан. По тому же самому Джал-Саю могучий селевой вал устремился на Кызыл-Кию. Были срочно эвакуированы все, чье жилье могло оказаться в зоне прохождения этого страшного грязекаменного вала. Город спасло сооруженное в последние годы селехранилище. После него поток поубавил свою мощь и, затопив десятка три домов, утих. Обошлось без разрушений и человеческих жертв. Но продлись разгул стихии хотя бы еще час, и беды бы не миновать. На сей раз пронесло...

Меры по противоселевой защите здесь, конечно, принимались. Но какие?! Из выделенных после того трагического дня 1977 года громадных средств освоена пока лишь двадцатая часть.

Во время нашего разговора в голосе первого секретаря горкома партии звучала вполне понятная тревога.
